

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 80 № 4 2021 Июль—Август

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993
Подписной индекс по объединенному каталогу “Пресса России” 70354

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанити* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР),
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://oifn.jes.su>

© Российская академия наук, 2021
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2021
© Редакция журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2021

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

**Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language**

Volume 80 No. 4 2021 July–August

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993
Subscription code in the Catalogue of the Russian periodicals issued by “Russian Post” is 70354

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim V. Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philol.),
The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khaturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, Scholarly Editor, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, Deputy Editor-In-Chief, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, Executive Editor, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)
Olga I. Lukashenko (Managing Editor)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://oifn.jes.su>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2021
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2021
 - © Editorial Board of “Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language” (editing and composing), 2021

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2021, Volume 80, Issue 4

The Russo-Turkish Wars in Russian Literature: Axiological Priorities in Historical Dynamics <i>D. V. Larkovich</i>	5
Japhet in the Tents of Shem: Rabbinic Hermeneutics and Modern Literary Theory <i>A. N. Belarev</i>	23
Soviet “Defense Literature” of the Early 1930s and (Anti)colonialism: Literary Formation of the New Ideology <i>A. O. Burtseva</i>	34
Intermediality and the City Text: Towards an Analysis of a “City Picture” <i>M. A. Kozlova</i>	43
The “Inca Utopia” in the Novel “Letters from a Peruvian Woman” by F. de Graffigny <i>A. D. Morozov</i>	54
Incoherence as a Feature of a Poetic Text (On the Interpretation of the Figurative System of O. Mandelstam) <i>V. P. Moskvina</i>	60
Language Antinomies Concerning Spelling of Short Forms of Verbal Adjectives with <i>н</i> or <i>нн</i> <i>E. V. Beshenkova</i>	86
On the Specifics of Verbal Prefixation in Modern Russian Dialects <i>E. A. Nefedova</i>	108

Chronicles

The International Scholar Conference “A Metaphorical Picture of the World of Modern Fiction” <i>Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva</i>	117
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2021, Том 80, Номер 4

Русско-турецкие войны в русской литературе: аксиологические приоритеты в исторической динамике <i>Д. В. Ларкович</i>	5
Иафет в шатрах Сима: раввинистическая герменевтика и современная теория литературы <i>А. Н. Беларев</i>	23
Советская “оборонная литература” начала 1930-х годов и (анти)колониализм: литературное оформление новой идеологии <i>А. О. Бурцева</i>	34
Интермедиальность и городской текст: к анализу понятия “городской картины” <i>М. А. Козлова</i>	43
“Инкская утопия” в романе “Письма перуанки” Ф. де Графиньи <i>А. Д. Морозов</i>	54
Инкогерентность как характеристика стихотворного текста (к трактовке образной системы О. Мандельштама) <i>В. П. Москвин</i>	60
Антиномии орфографии в области написания форм кратких отглагольных прилагательных с <i>н</i> или <i>nn</i> <i>Е. В. Бешенкова</i>	86
О некоторых особенностях глагольной бипрефиксации в современных русских говорах <i>Е. А. Нефедова</i>	108

Хроника конференции

Международная научная конференция “Метафорическая картина мира современной художественной прозы” <i>З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева</i>	117
---	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016288-9

Русско-турецкие войны в русской литературе: аксиологические приоритеты в исторической динамике

© 2021 г. Д. В. Ларкович

Доктор филологических наук,
профессор Сургутского государственного педагогического университета,
Россия, 628417, ХМАО – Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2
dvl10@yandex.ru

Резюме. Статья представляет собой опыт аналитического описания художественного дискурса, запечатлевшего хронику многолетнего военного противостояния Российской Империи и Оттоманской Порты. Автор преследует цель проследить логику оценочной динамики, характерной для отечественной литературной традиции в восприятии и отражении событий русско-турецких войн. Материалом статьи послужил достаточно объемный корпус художественных и публицистических текстов, наиболее полно и наглядно представляющих широту диапазона и вариативность аксиологических установок участников национального литературного процесса XVI–XIX вв., откликнувшихся на эти события. В их числе такие знаковые для русской интеллектуальной и художественной культуры имена, как М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, А.Ф. Вельтман, А.А. Бестужев-Марлинский, М.П. Погодин, Н.А. Некрасов, А.Н. Плещеев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.М. Гаршин и мн. др. В результате автор приходит к выводу о том, что четырехвековая история русско-турецких войн дала богатый материал для творческих инициатив русских писателей и существенно повлияла на развитие отечественного литературного процесса. Оперативно реагируя на события многочисленных военных конфликтов, художественная литература продуцировала и наглядно демонстрировала идеологические и аксиологические приоритеты общественного сознания в ракурсе их исторической динамики. Общая логика развития темы русско-турецкого противоборства получила непосредственное выражение на уровне поэтики художественного творчества. Соотнося ранние литературные опыты осмысления и изображения военных, можно наблюдать общее движение от общего – к частному, от коллективного – к индивидуальному, от прямой оценочности – к сложным этическим коллизиям. По мере развития художественного сознания картины масштабной баталистики сменяются очерками внутренних переживаний, внешний ракурс изображения событий уступает место ракурсам психологическому и экзистенциальному. Восприятие войны постепенно, но все более отчетливо предстает через призму персонального сознания автора и его героя и воспринимается как личностно пережитой и осмысленный опыт.

Ключевые слова: русско-турецкие войны, художественная баталистика, русский литературный процесс, рецепция, авторская точка зрения, аксиология.

Для цитирования: Ларкович Д.В. Русско-турецкие войны в русской литературе: аксиологические приоритеты в исторической динамике // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 5–22. DOI: 10.31857/S241377150016288-9

The Russo-Turkish Wars in Russian Literature: Axiological Priorities in Historical Dynamics

© 2021 Dmitrii V. Larkovich

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Surgut State Pedagogical University,
10-2 50 Years of VLKSM Str., Surgut, KhMAO – Yugra, 628417, Russia
dvl10@yandex.ru

Abstract. The paper represents the experience of analytical description of the fictional discourse, which captures the chronicle of the long-lasting military confrontation between the Russian Empire and the Sublime Porta. The author pursues the goal to trace the logic of evaluative dynamic specific to the Russian literary tradition in the perception and reflection of the events of the Russo-Turkish wars. The material of the paper is a sufficiently voluminous corpus of literary and journalistic texts, most fully and clearly representing the wide range and variability of axiological attitudes of participants of the XVI–XIX centuries national literary process who responded to these events. Among them are such iconic names for Russian intellectual and artistic culture as M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin, A.F. Veltman, A.A. Bestuzhev-Marlinsky, M.P. Pogodin, N.A. Nekrasov, A.N. Pleshcheev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, V.M. Garshin and many others. As a result, the author concludes that the nearly four-century history of the Russo-Turkish wars provided rich material for creative initiatives of Russian writers and significantly influenced the development of the Russian literary process. Reacting swiftly to the events of numerous military conflicts, fiction produced and clearly demonstrated ideological and axiological priorities of public consciousness from the perspective of their historical dynamics. The general logic of the Russian-Turkish confrontation theme development was directly expressed at the level of poetics in artistic creations. Comparing the early literary experiences of understanding and depicting military conflicts, one can observe a general movement from the general to the particular, from the collective to the individual, from direct evaluation to complex ethical collisions. As artistic consciousness develops, depictions of large-scale battle scenes give way to literary sketches of inner experiences, psychological and existential perspectives replace the external perspective of describing events. The perception of the war is gradually, but more distinctly reveals through the prism of the personal consciousness of an author and his character and is perceived as a personally lived meaningful experience.

Key words: The Russo-Turkish wars, the study of battles in imaginative literature, Russian literary process, reception, axiology, author's point of view.

For citation: Larkovich, D.V. *Russo-turetskiye vojny v russkoy literature: aksiologicheskiye prioritety v istoricheskoy dinamike* [The Russo-Turkish Wars in Russian Literature: Axiological Priorities in Historical Dynamics]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 5–22. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016288-9

Принципиальное несовпадение геополитических интересов Российской и Османской империй, длительный период боровшихся за сферы влияния в Причерноморском, Кавказском и Балканском регионах, оказалось источником многолетнего военного противостояния, которое затянулось более чем на три с половиной столетия. Как известно, за этот период (1568–1918 гг.) состоялось двенадцать официально объявленных военных кампаний, что в общей сложности составило 69 лет.

Воспринимая себя преемницей Византии, каждая из враждующих сторон стремилась не только к расширению территориальных владений, но и к утверждению своих культурных приоритетов, обусловленных этноконфессиональной и ментальной принадлежностью. Уже к середине

XVI столетия, по словам А.Б. Широкограда, “две великие империи – Россия и Порты – еще не имея общей границы, уже стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных-мусульман, царь – защитником миллионов турецких подданных-православных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству являлась султановой столицей” [1, с. 30]. Хронике этого затяжного конфликта имперских амбиций в юго-восточной части Европы запечатлели не только архивные материалы, исторические свидетельства и документальные источники, но и многочисленные литературные тексты, в которых отразилась оценочная динамика общественного сознания. Проследить ее логику в проекции на русскую словесную культуру периода позднего

Средневековья и Нового времени – цель настоящего исследования.

К числу наиболее ранних литературных памятников, отмеченных чертами рецепции русско-турецких отношений, относится публицистическое сочинение известного мыслителя и общественного деятеля И.С. Пересветова “Сказание о Магмете-салтане” (1549). В основе этого произведения – идеализированный образ просвещенного самодержца, имеющего впрочем мало общего со своим реальным прототипом – султаном Мехмедом II, завоевателем Константинополя. Прожившему несколько лет на территории, подвластной османскому престолу (в Венгрии и Молдавии), древнерусскому публицисту импонируют строгая дисциплина, царящая в турецкой армии, и требование неукоснительного соблюдения закона, установленное верховной властью, что выгодно отличает османскую государственность от византийской цивилизации, разложившейся от служебных злоупотреблений и моральной порочности. Главенство закона, гарантирующее дееспособность армии и национальное благоденствие, по мнению Пересветова, есть прямое следствие образованности государя и неукоснительного его стремления на всех уровнях судебной и исполнительной власти утвердить “правду”, под которой автор понимает равенство всех перед законом. Он пишет: «И Магмет праведный суд во царство свое въвел, и ложь вывел, и воздал богу сердечную радость, и рек так: “Бог любит правду лутчи всего; не мошно царю царства без грозы держати; яко же царь Константин велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и нечисто збирали богатство свое, а земля и царство плакала, и в бедых купалися. И за то господь бог разгневался на царя Константина и на велможь его и на все царство греческое неутолимым гневом своим святым, что они правдою гнушались, не знали того, что бог любит сильнее всего правда» [2, с. 227].

Написанное в канун первой русско-турецкой войны (1568–1570) и адресованное Ивану Грозному, “Сказание о Магмете-салтане” представляло собой не столько исторический документ, характеризующий реальное положение дел в Османской империи, сколько оригинальный литературно-политический проект, предлагающий еще совсем молодому самодержцу комплекс мер по укреплению российской государственности.

С началом военного противостояния России и Турции аксиологические установки русских писателей кардинально меняются. Наглядное представление о характере художественного

опосредования происходящих событий дает “Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков” (1642), авторство которой приписывается одному из участников обороны Азовской крепости войсковому подьячему Ф.И. Порошину [3, 492]. Повесть основана на реальных событиях, однако ее варианты (“историческая”, “поэтическая”, “сказочная”, “документальная” и др.) дают разный уровень достоверности событий, связанных с четырехмесячной осадой крепости, в 1637 году самовольно захваченной донскими казаками и героически обороняемой ими от натиска регулярной турецкой армии под командованием султана Ибрагима I, которая по численности в 50 раз превосходила небольшой азовский гарнизон.

С художественной точки зрения наибольший интерес представляет “поэтическая” версия повести, которая написана в форме казачьей войсковой отписки царю Михаилу Федоровичу. Здесь причудливо сочетаются подчеркнутый документализм и канцелярская педантичность в перечислении живой и технической силы турецкого воинства, развернутые батальные описания, где содержатся динамичные картины жестоких сражений (24 приступа), и выразительные адресные высказывания (“речи”), которыми обмениваются противники, лаконичные, но очень емкие характеристики участников осадного сидения и драматически напряженное повествование о происходящих событиях.

Истоки военного противостояния видятся автору повести не только в территориальных правах русского государства на Азовский форпост, гарантирующий выход к морю, но и в конфессиональной непримиримости враждующих сторон, в принципе исключающей мирный исход столкновения. Поэтому на предложение султана сдать крепость в обмен на богатые дары и безбедное житье в Царьграде казаки бесстрашно заявляют: “А мы, люди божи, а холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению православные крестьяне. Как служить можем ему, царю турскому неверному, оставя пресветлой здешней свет и будущей? Во тму итти не хошем! <...> Не дорого нам ваше серебро и золото собаче похабное бусурманское, у нас в Азове и на Дону золота и серебра своего много. То нам, молотцомь дорого и надобно, чтоб наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкие” [4, с. 69, 78].

Особый стилистический колорит “поэтической” повести придает обусловленность фольклорной традицией, которая подчеркивает

неразрывную связь с легендарным героическим прошлым, запечатленным в национальном былинном эпосе: “И после того в полках их почела быти стрелба пушечная и мушкетная великая: как есть стала гроза великая над нами страшная, бутто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси. От стрелбы их стал огонь и дым до неба. И все наши градные крепости потряслися от стрелбы их той огненной. И солнце померкло во дни том и, светлое, в кровь претворися. Как есть наступила тма темная” [4, с. 61].

Повествовательная интонация маркирована пафосом патриотизма и уверенности в необратимости происходящего. Эта уверенность автора воинской повести коренится в очевидном ощущении Небесной помощи, которая ниспослана через знамение Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, явившихся в образе юношей с обнаженными мечами. Отсюда лейтмотивом звучит фраза: “С нами бог! Разумейте языцы и покаряйтеся яко с нами бог!” [4, с. 73].

Эпоха петровских преобразований актуализирует эстетический потенциал панегирической поэзии, которая, с одной стороны, играла роль связующего звена новой русской словесности с европейской литературной традицией, с другой же стороны, была ориентирована на решение внутренних вопросов, связанных с утверждением авторитета светской власти в общественном сознании. Панегирическая поэзия петровского времени с ее насыщенной эмблематикой, официозной риторикой и барочным орнаментализмом стремилась запечатлеть в сознании читателя колоритный и масштабный образ царя-демиурга – создателя, победителя, просветителя. Для достижения этой цели нередко использовались не только выразительные возможности силлабического стиха, но и сопутствующий визуальный антураж.

Показателен в этом отношении первый печатный панегирик, сочиненный И.Ф. Копиевским и изданный в 1700 году в Амстердаме под названием “Слава торжеств и знамен побед пресветлейшаго и августейшаго, державнейшаго и непобедимейшаго, великаго царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца”. Он был приурочен к победоносному завершению Азовской войны (1686–1700). Издание представляет собой небольшую книжку (32 с.), которая помимо двух стихотворных текстов (“Песнь победная” и “Безсмертная слава преславных дел противу турком ...)” содержит гравюру голландского мастера Я. Нахтгласа с изображением сидящего на троне

Петра I. Гравюра насыщена державной эмблематикой, что призвано подчеркнуть мировое величие российского государя: над увенчанной короной головой Петра расположен российский герб с изображением двуглавого орла; царский трон окружают двенадцать аллегорических фигур, олицетворяющих различные добродетели монарха (мудрость, воинскую доблесть, милосердие, щедрость и т.п.); у подножия трона распростерлись поверженные турки, подносящие русскому царю короны иностранных государств; слева от трона представлены эпизоды взятия Азова, справа ангелы развернули карту Азова и демонстрируют ее царю-победителю.

Язык аллегорий характерен и для поэтических текстов книги. Победа России над Турцией выражена посредством системы знаков, репрезентирующих общепринятую государственную атрибутику: поражающий змея двуглавый орел, поверженный на землю полумесяц и т.п. Сам же факт взятия Азова квалифицируется как залог дальнейшего процветания и расширения мирового влияния российской государственности, пребывающей под покровительством могущественного и милосердного властителя:

Славный сей день есть его же, господь сотвори
Крепостию великия силы покори.
Велика государя врази персть полижут,
Побеждениже, ражени, и руки не движут.
Понуждениже страхом, и мир уприсиша,
Многимже прошением, своим умилиша,
Великаго государя победы сея
И строителя храбраго крепости ея.
Милосердый монарха мир им дарова,
Да не погибнет с кручины их бедна глава,
О немернаж благодать монархи велика
И супостатом своим сотвори толика,
Яковаже и другом, делать обыкоша,
Радостно супостаты, во своя приидоша [5, с. 45–46].

Рост поэтической культуры в послепетровский период выводит на лидирующие позиции жанр оды в силу того, что именно ода предстала в качестве универсальной художественной модели, способной наиболее точно и адресно сосредоточиться на базовых аксиологических акцентах новой национальной идеологии (могущество русского государства, мудрое правление государя, Божий Промысел, оберегающий Россию, и др.). Вполне очевидно, что именно жанр оды оказался той оптимальной формой поэтического высказывания, благодаря которой война могла рассматриваться как необходимое условие утверждения государственных интересов.

Именно такой вектор развития на долгие годы жанр оды получил благодаря продуктивной

творческой инициативе М.В. Ломоносова. Ломоносовская “пиндарическая” ода с ее беспримерным пафосом жизнеутверждения, масштабной программой государственных преобразований, подлинно патриотической ангажированностью и неизменной устремленностью в будущее предельно адекватно выражала суть идеологии новой, послепетровской России. Уже первое крупное одическое сочинение, написанное по случаю завершения очередной русско-турецкой войны (1735–1739), наглядно продемонстрировало тот мощный художественно-идеологический потенциал, который обеспечил оде более чем полувекое господство в жанровой системе русской литературы.

“Ода блаженная памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года” представляет собой блестящий пример поэтической баталистики, на долгие годы сохранявший за собой статус классического образца пиндарического эпиникия. На фоне очевидной связи ломоносовской оды с предшествующей риторической традицией, мотивирующей победу русского оружия причинами конфессионального и провиденциального порядка, а также связывающей ее с мудрым правлением “великой Анны”, автором четко обозначен субъект победоносных действий – “храбрый росс”, обобщенный образ русского воинства, сплоченного единым порывом патриотического воодушевления:

Крепит Отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку [6, с. 62].

Основная часть текстового пространства оды связана с непосредственным изображением Хотинской битвы, где автор использует исключительно богатый арсенал поэтических средств словесной баталистики. Как отмечают современные исследователи, «хотя Ломоносов был далек от ратного дела и не являлся участником описываемых событий, историческая фактура Хотинской оды добротна и вполне достоверна. “Поэтический восторг”, который автор испытал при известии о победе русских над турками, не помешал ему достаточно точно воспроизвести ход военной операции и объективно оценить ее результаты» [7, с. 216]. Следует уточнить, что “историческая фактура”, основанная на документальных источниках, которые оказались в распоряжении Ломоносова, оригинально обрамляется в тексте иерархически выстроенной системой мифологических и аллегорических образов, визионерскими

пассажами, пейзажными зарисовками и символическими аллюзиями, что создает особый художественный симбиоз, выражающий идею полноты и целесообразности бытия. В этой связи примечательно то, что победа в войне с турками рассматривается в оде не как самоцель, а как необходимое условие мирной, полноценной жизни:

Казацких поль заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развейн,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насяен.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства [6, с. 68].

Примечательно и то, что начиная именно с Хотинской оды процесс роста личностного начала и усиления авторской субъектности приобретает вполне зримые очертания. Авторская ценностная позиция здесь еще не выходит за пределы общегосударственных приоритетов, но она рождается на основе личного гражданского чувства и окрашена в яркие эмоциональные тона персонального переживания. Все последующие литературные опыты, связанные с отражением событий русско-турецкого военного противостояния, будут отмечены знаком прогрессирующей эмансипации творческой личности.

Благо поводов для актуализации авторских инициатив подобного рода внешнеполитический курс Российского государства предоставил более чем достаточно. Одним из таких поводов в последние десятилетия XVIII века, как известно, оказался так называемый греческий проект, который предполагал вывод Греции и ряда других православных государств Юго-Восточной Европы из состава Османской империи и восстановление в правах “восточного” христианства путем закрепления за Константинополем статуса его столицы. В письме от 10 (21) сентября 1782 г., адресованном австрийскому императору Иосифу II, предполагаемому союзнику в составе антитурецкой коалиции, о сути этой амбициозной геополитической инициативы Екатерина II между прочим сообщала: “...в случае, если бы успехи наши в предстоящей войне дали нам возможность освободить Европу от врага Христова имени, выгнав его из Константинополя, в. и. в. не откажете мне в вашем содействии для восстановления древней Греческой империи на развалинах ныне господствующего на прежнем месте одного варварского владычества, конечно при непрременном с моей стороны условии поставить это новое

Греческое государство в полную независимость от моей собственной державы, возведя на его престол младшего из моих внуков, великого князя Константина, который в таком случае обязался бы отречься навсегда от всяких притязаний на Русский престол, так как эти два государства никогда не могут и не должны слиться под державою одного государя” [8, с. 290]. Последовавшая в результате разработки этого проекта военная кампания 1787–1791 гг. оказалась решительным, но так и не достигшим своей цели этапом его практической реализации.

Однако, по замыслу императрицы и ее ближайшего окружения, “греческий проект” должен был преследовать не только геополитические, но и культурно-исторические цели. Как отмечает А. Зорин, «в заданной “греческим проектом” системе координат религиозная преемственность как бы по умолчанию приравнивалась к культурной. Соответственно, между Константинополем и Афинами ставился знак равенства, а роль единственной церковной наследницы Византии по определению делала Россию и безусловно легитимной наследницей греческой античности... Этот логический *tour de force* кардинально менял представления об исторической роли и предназначении России. Если традиционно считалось, что факел просвещения перешел из Греции в Рим, оттуда был подхвачен Западной Европой и из ее рук был принят Россией, то теперь Россия оказывалась связана с Грецией напрямую и не нуждалась в посредниках» [9, с. 36–37]. Это важное обстоятельство не осталось без внимания литературного сообщества.

Вообще, по справке И. Клейна, во второй половине XVIII столетия более 160 стихотворных описаний было посвящено победам российского оружия в различных военных сражениях [10, с. 176], большая часть которых была приурочена к событиям русско-турецких войн, в том числе “Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии” А.П. Сумарокова (1769), “На войну с турками” В.П. Петрова (1769), “Ода на взятие Хотина” Ф.Я. Козельского (1769), “Ода ее величеству на преславную победу над турецким флотом в заливе Лаборно при городе Чесме” А.Н. Майкова (1770), “Чесмесский бой” М.М. Хераскова (1771), “Ода на победы, одержанные российским оружием в продолжение первой турецкой войны” М.Н. Муравьева (1773), “Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова” Н.П. Николева (1788), “Ода на взятие Очакова” С.С. Боброва (1789), “Эпистола его сиятельству графу Александру Васильевичу

Суворову-Рымникскому на взятие Измаила” Е.И. Кострова (1791), “Стихи его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на взятие им города Измаила” П.И. Голенищева-Кутузова (1791) и мн. др. Примечательно, что в поэтических текстах, написанных задолго до того момента, когда идея “греческого проекта” окончательно оформилась как государственная стратегия, поэты уже активно артикулировали ее в своих сочинениях. Идея, что называется, витала в воздухе и воодушевляла русских стихотворцев, которые стремились упрочить ее в сознании императрицы:

Екатерина! Пред тобою
Пошлет архистратига бог.
Твоей счастливою судьбою
Воздымется Палеолог (А.П. Сумароков, 1769) [11, с. 71].

Прими несчастна Византия
Тот свет от Россов, кой Россия
Прияла древле от тебя.
Приимешь, узришь в нем себя (В.П. Петров, 1769) [12, с. 47].

Подателей вселенной света
Екатерина просветит,
Изгонит чтущих Магомета
И паки греков утвердит (В.И. Майков, 1770) [13, с. 214].

На общем фоне литературно-политических манифестаций последних десятилетий XVIII века особый интерес представляет “военная” лирика Г.Р. Державина. В 1772 году будущий автор “Фелицы” на чреду событий российско-турецкого вооруженного противостояния последних четырех лет откликнулся достаточно компактным стихотворным сочинением “На победы Екатерины II над турками”, гимнографическим по форме и одическим по содержанию. Здесь налицо весь набор традиционных образных моделей и сюжетных клише, который успешно был апробирован на практике его более опытными и авторитетными предшественниками и современниками. Стихотворение исполнено прозрачными отсылками к конкретным батальным фактам (взятие Хотина, сражение под Кагулом, штурм Бендер, Чесменский бой и др.), именами прославленных полководцев (А.М. Голицына, П.А. Румянцева, П.А. Панина, А.Г. Орлова, В.М. Долгорукова), прозрачными аллегорическими конструкциями и фигурами одической риторики. Завершалось стихотворение словами, вполне созвучными господствующим идеологическим настроениям:

Екатерине, знать, положено судьбами,
Чтоб не стонал Босфор Магмета пред рабами!
Гряди, гряди, о рок! — и Орлею рукой
Восстань Палеолог, поверженный Луной! [14, с. 15].

После этого избравший “совсем особый путь” Державин более 15 лет тему русско-турецких отношений в своем поэтическом творчестве старался обходить стороной. И лишь в конце 1788 года, когда очередной вооруженный конфликт с Портой был уже в полном разгаре, он написал “Осень во время осады Очакова”. Формально это стихотворение приурочено к одному из знаковых событий военной кампании периода осуществления “греческого проекта”, что отражено в его названии. Однако вместо пиндарической в традиционном ее понимании оды, прославляющей героизм русского оружия, мудрое правление монархини и доблесть ее военачальников, Державин создает не знающий аналогов в предшествующей поэтической практике лирический текст полижанрового характера. Композиция стихотворения имеет трехчастное построение. Оно открывается развернутой медитативной дескрипцией, где живописно представлены разнообразные картины осенней природы с подчеркнута русским колоритом; далее следует “одический” фрагмент, развивающий мотив воинской доблести; и завершает стихотворение выдержанное в стилистике дружеского послания лирическое адресное обращение к генерал-поручику русской армии, участнику осады Очакова С.Ф. Голицину, содержащее взволнованное заверение в супружеской любви и верности его жены, которая

... задумчива, печальна,
В простой одежде и власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе,
И светлоглазые взоры
Ея всечасно слезы льют [14, с. 229].

Примечательно то, что Державин вовсе не отказывается от героизации как ракурса изображения военного события. Он лишь делает подвижным диапазон его восприятия: расширяет за счет включения его в космический цикл (“Румяна Осень! – радость мира! / Умножь, умножь еще твой плод!”) [14, с. 229] и локализует посредством введения в сферу интимных, семейных отношений (“Спеши, супруг, к супруге верной! / Обрадуй ты, утешь ее!”) [14, с. 229]. В результате война оказывается вписана в общую картину бытия как один из ее неотъемлемых элементов.

Правда, чуть более чем через год Державин создает оду “На взятие Измаила” (1790), написанную по всем правилам пиндарического эпиникия и демонстрирующую высокую степень жизнеспособности ломоносовского жанрового канона. Однако наряду с этим по свежим впечатлениям русско-турецкой кампании 1787–1791 гг. из-под

пера поэта выходят “Победителю” (1789), “Памятник герою” (1791), “Водопад” (1791) и др., где масштабные военные сражения осмысляются через призму персональных человеческих судеб. Можно сказать, что своим творчеством Державин знаменовал закат эпохи монументальной поэтической баталистики и обозначил начало новой эпохи, утвердившей личность в качестве фокуса и отправной точки постижения законов национальной истории.

Очередной этап российско-турецкого военного противостояния хронологически совпал с бурным развитием прозаических жанров. Это обстоятельство актуализировало арсенал новых художественных возможностей и существенно скорректировало авторские рецептивные ориентиры. В отличие от литераторов XVIII столетия, которые в подавляющем своем большинстве черпали информацию о событиях, происходящих на арене военных действий, из газетных публикаций, официальных документов, рассказов очевидцев и других косвенных источников, писатели XIX столетия, как правило, были непосредственными участниками военных сражений, в художественной интерпретации которых исходили из личного опыта и собственных впечатлений, приобретенных непосредственно из “первоисточника”. Именно поэтому в русской романтической прозе война перестает быть самодостаточным предметом изображения. Она воспринимается лишь как особая, экстремальная ситуация, в условиях которой разворачиваются события человеческой жизни.

Так, для А.Ф. Вельтмана, ветерана русско-турецкой кампании 1828–1829 гг., война – это наиболее действенная проверка на человеческую состоятельность, потому что в полной мере дает “лучшее образование сердца, и разума, и тела” [15, с. 210]. При всей своей суровой сущности она, по мнению писателя, обладает мощным воспитательным потенциалом, в особенности, когда речь идет о молодом человеке, ибо закладывает в нем прочные нравственные основы и формирует такие качества, как “честность, мужество, величие души, точность и добровольие в исполнении обязанностей, любовь к отечеству и рвение к его славе” [15, с. 211].

В романе “Странник”, работу над которым Вельтман начал осенью 1828 года вскоре после участия в серии победоносных операций по взятию турецких крепостей Браилов, Шумла, Варна, Кюстенджи и Гирсово, нашли отражение личные впечатления автора о героике и буднях военных походов, которые были предприняты

русской армией в районе восточных Балкан. Написанный в жанре путевых заметок “Странник” содержит развернутые описания и лирические отступления, в которых волею наблюдательного и увлеченного повествователя стирается четкая грань между конкретикой факта и его образным аналогом, между прекрасным и безобразным, иллюзорным и телесно осязаемым. В результате драматизм военного конфликта уступает место эстетической созерцательности, геополитика — геопэтике: “Воин! если ты был при переходе чрез Дунай, то вспомни, как перебежал ты через понтонный мост, взглянул налево в окоп турецкий, направо в оставленный неприятелем редут с безобразными орудиями, как спешил на гору, задыхаясь взобрался на Визирский страшный курган, сел, отдохнул и потом стал смотреть кругом себя... Помнишь ли, как чудна показалась тебе природа? Прямо на север перед собою видел ты все создание переправы, за нею болотистый, покрытый камышом берег и новый проложенный путь, далее село Сатуново, далее степи Буджака и протяжные горы... Вправо — отдаленный Измаил, извилины Дуная, светлые озера, зеленые камыши, синий туман над полосой моря... Влево — дикая крепость Исакча, далее устья Прута и Серета, г. Галац и чуть заметный в дыму Браилов... За тобою — Бабадагский берег; и горы, покрытые лесом, и путь, пролегающий в столицу султана... Ты очарован, воин! ты утомил взоры, посвятил вздох прошедшему и снова перенесся в заманчивую будущность!..” [15, с. 88].

Все это на равных правах встраивается в общую пеструю картину с пейзажными зарисовками, отвлеченными размышлениями о любви, искусстве и смысле человеческой жизни, бытописательными фрагментами, поэтическими отрывками, дневниковыми отчетами, историческими справками, штабными реляциями и т.п. Собственно батальные сцены занимают весьма скромное место в тексте романа и, как правило, ограничиваются констатацией военных успехов русской армии на фоне беспомощности турецкой: “Вскоре на походной колокольне единственный и звонкий колокольчик возвестил молебствие о взятии крепостей Гирсова, Тульчи, а наконец и Кистенджи. В первой Ишим-паша, во второй Ибрагим-паша, в третьей Абдуллах-бей преклонили свои бунчуки пред знаменами русскими, вручили их победителям и отправились оправдывать неудачи свои пред блистательною Портою” [15, с. 93]. А в центр изображения Вельтман помещает личность самого повествователя с его впечатлениями, мыслями, оценочными суждениями. Он — “странник”, а следовательно, пытливым

наблюдатель, пребывающий в состоянии поиска истины, не вмешивающийся в ход истории, но стремящийся постичь его суть.

Не менее оригинальное отражение русско-турецкая кампания 1828–1829 гг. получила в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского, который, будучи разжалованным в рядовые за выступление на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, в составе 41-го Егерского полка Отдельного Кавказского корпуса принимал участие в наступательных боях на севере Турции. Так, основные события незавершенного романа “Вадимов” разворачиваются на фоне взятия турецкой крепости Ахалцих в августе 1828 года, о чем автор сообщает буквально в самом начале повествования. Примечательно то, что сам писатель, находясь в указанное время в якутской ссылке, не принимал непосредственного участия в этой крупной военной операции, однако личный опыт участия в штурме другой турецкой крепости Байбурт в сентябре 1829 года и знакомство с документальными источниками позволили ему воссоздать вполне достоверную картину сражения.

Впрочем фактографическая точность повествования оригинально сочетается в романе с романтической эмоциональностью и поэтической экспрессивностью. Бестужева увлекает эстетика боя, когда за грохотом орудий, ружейной канонадой и криками наступающих явственно слышится музыка высших сфер: “Я не знаю ничего величественнее, ничего прекраснее батареи, которая громит вас с гребня холма: в небе ясно, а вокруг нее тучи ходят; они летят, волнуются, кипят, то вспыхивают, то гаснут вдруг; каждый выстрел бросает новые узоры, новые краски в эту зыбкую картину, и как чудно прелестен этот выстрел! Сквозь дым, полураздунутый им, он мелькает, как взор гения сквозь будущее, яркое, пылок, неуловим; мелькнул — и нет его!” [16, с. 331].

Примечательно и то, что автор сознательно отходит от стереотипной оценочной шкалы: “свои — герои, враги — трусы”. Для Бестужева героизм — это качество, не имеющее национальной прерогативы. Турки в романе изображены как смелые воины, как достойный уважения соперник. Взятие турецкой крепости Ахалцих воспринимается как волевое соперничество, как героический поединок равных. Здесь нет ненависти, нет фанатичной вражды, нет религиозной нетерпимости. Подобно Вельтману, Бестужев квалифицирует войну как условие проверки человека на его состоятельность, возможность проявить в критических условиях свой нереализованный в мирной жизни личностный потенциал:

“Не знает тот чувств храброго перед боем, кто сам не храбр, кто сам не бывал воином. Трудно вообразить, как первый выстрел, услышанный вдаль, превращает природу человека, как один и тот же электрический удар может зажечь порох и оледенить воду. Так вспыхивает сердце храброго, между тем как сердце труса холодеет. Куда денется тогда усталость, и один страх — не ушел бы неприятель, не послали бы меня в резерв, — волнует грудь” [16, с. 328].

Не случайно в этом смысле то, что повествование о русско-турецком военном противостоянии постоянно перемежают развернутые экскурсы в еще свежем в памяти персонажей времени наполеоновского вторжения, времени всенародного героического подвига, времени сильных ярких личностей. По мнению писателя, такие личности встречаются и в современной жизни, и именно война позволяет им раскрыться в полной мере.

В романе “Вадимов”, как и в других своих произведениях, Бестужев разрабатывает особый тип героя: яркая индивидуальность, масштаб которой проявляется только в экстремальных ситуациях, пограничных положениях, требующих предельного напряжения физических и душевных сил. Еще только приступая к реализации своего творческого замысла, в письме, адресованном К.А. Полевому, прозаик сообщал, что намеревается изобразить “поэта, гибнущего от чумы... поэта, который сознает свой дар и видит смерть, готовую поглотить его невысказанные поэмы, его исполинские грезы, его причудливые видения горячки” [17].

Указывая на связь проблематики романа с пушкинской трагедией “Пир во время чумы”, Ф.З. Канунова отмечает: «Бестужев в отрывках из романа “Вадимов” по-своему решает тему, поставленную Пушкиным: поведение героя в крайних обстоятельствах, проблема подлинной духовности человека, способного в труднейшей жизненной ситуации на свободный выбор» [16, с. 583]. А свобода выбора, по мнению Бестужева, оказывается возможной только на грани жизни и смерти, времени и вечности, экзистенции и небытия.

Военные события 1853–1856 гг., вошедшие в историю под названием Крымской войны, оставили в русской литературе достаточно объемный корпус художественных и публицистических сочинений весьма разнообразного идеологического и жанрового диапазона, что было обусловлено крайне противоречивым характером самой войны и неблагоприятным ее исходом для российской государственности. Несмотря на то, что

в октябре 1853 года война была формально объявлена османским султаном Абдул-Меджидом, российское общественное сознание ассоциировало ее не столько как столкновение собственно с самой Турцией, сколько экстраполировало на действия коалиции ее могущественных европейских союзников (Британии, Франции и Сардинии), а потому квалифицировало ее — особенно на начальном этапе — как войну справедливую, оборонительную, вынужденную.

“Высочайший манифест”, подписанный императором Николаем I и опубликованный 9 февраля 1854 года, в котором акцент был сделан на том, что Россия “сражается за православие” и “не изменит святому своему призванию” [18, с. 272–273], был по сути поздним отголоском екатерининского “балканского проекта” и формально декларировал ее историческую миссию по освобождению братских христианских народов, проживающих на территории Османской империи и притесняемых по религиозному признаку. Эти идеи вызвали широкий общественный резонанс, который нашел отражение в российской периодике. Практически с первых месяцев войны вести с Дуная, Кавказа, Черного и Балтийского морей стали появляться на страницах центральных газет (“Русский инвалид”, “Северная пчела”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Московские ведомости”) и журналов (“Военный журнал”, “Библиотека для чтения”, “Москвитянин”, “Современник”). Нередко материалы, освещающие ход военных событий, приобретали остро polemический характер, что было вызвано причинами идеологического противостояния с участниками антироссийской коалиции. В этот период британские (“The Times”, “Sunday Times”, “Daily News”, “Punch”) и французские (“La Gazette de France”, “Le Moniteur Universe”, “Le Charivari”) периодические издания развернули масштабную инициативу по формированию европейского общественного мнения о войне с Россией [19, с. 34–39]. Именно в этот период в сознании западного обывателя за Россией окончательно закрепляется стереотипный образ медведя как аллегория грубой стихийной силы.

Не остается в долгу и российская периодика, которая всячески стремится стимулировать патриотический настрой своего читателя и попутно дискредитировать своих зарубежных оппонентов. Например, в первом номере газеты “Северная пчела” за 1854 год ее издатель и постоянный автор рубрики “Журнальная всякая всячина” Ф.В. Булгарин, производя обзор новинок европейской культуры, между прочим замечает: “Спрашиваю,

с какую цель некоторые английские журналы воспаляют страсти народные? Сперва надобно знать, что значит английская газета или журнал — это коммерческое предприятие на акциях, как какое-нибудь общество для торга дровами... <...> И таким образом, чем больше продано экземпляров круглым счетом, тем лучше для акционеров, и для этого стремление газеты состоит в том, чтобы воспалить народные страсти и угождать этим страстям. Пишут, Бог весть, какие нелепости! По английским газетам, уже и Тифлис взят был турками, и в Черном море и на Дунае они одерживали блистательные и знаменитые победы, и я уверен, что первые смеялись над этим те самые, которые это выдумали” [20, с. 2–3].

Наряду с этим русское общественное сознание предпринимает попытки осмыслить причины и возможные последствия той политической ситуации, которая сложилась в результате военного столкновения России с ведущими европейскими державами. В частности, издатель журнала “Москвитянин” М.П. Погодин, подготовивший в период крымской кампании целую подборку публицистических материалов о современном положении русско-европейских отношений, задается вопросом об истинных намерениях инициаторов глобального военного конфликта, в который Россия оказалась втянута посредством хитросплетения геополитических интриг: “Не хотят ли Франция и Англия занять Константинополь вспомогательными войсками, овладеть Дарданеллами, затеять ссору с Турецким правительством, объявить о невозможности его поддерживать, провозгласить уничтожение Порты, объявить Славянские и прочие государства свободными, с какими угодно конституциями, сделать Константинополь вольным городом, поделить между собой Азиатскую часть, Египет, острова и прочие владения, открыть Черное море для всех народов, — и предложить, пожалуй, какую-нибудь частицу нам и Австрии с Пруссией? Таким образом, они скинули бы с себя и ту поносную роль в истории, которую они до сих пор принимали” [21, с. 97].

В результате впервые в мировой истории война как вооруженное столкновение враждующих государств обрела дополнительный ресурс противодействия — информационный, который оказался не менее эффективным средством дискредитации противника и был взят на вооружение участниками всех последующих военных конфликтов.

Разумеется, литераторы не могли остаться в стороне от происходящих событий, и начальный этап Крымской кампании был ознаменован

небывалым поэтическим энтузиазмом. Господствующие настроения первых месяцев войны отражает поэтический сборник с красноречивым названием “Заморские гости, собрание песен, военных куплетов, сказок, басен и стихов про турок, англичан и французов. Выражающие чувства русских за Веру, Царя и Отечество, в войну настоящего времени”, в состав которого вошли стихотворения Ф.Н. Глинки, Ф.Б. Миллера, Н.Ф. Павлова, М.А. Стаховича, П.А. Каратыгина и др., ранее опубликованные на страницах столичной периодики. Ведущими жанрами сборника оказались патриотическая агитка и политическая инвектива. В изображении неприятеля поэтами активно использовались карикатура, шарж, гротеск, в то время как общий лирический пафос сборника был вполне созвучен гражданским мотивам национальной одической поэзии XVIII столетия. Вполне показательным в этом смысле является стихотворение Н.Ф. Павлова “На войну с Турциею”, образный строй которого недвусмысленно отсылает читателя к традиционной поэтике русской риторической оды:

Мы мстим за оскорбленье веры,
За угнетенных христиан.
Падут пред нами изуверы,
Перед Крестом дрогнет коран.

На мечь, на брань; за новой славой
Востали грозные полки;
Взвился к луне орел двуглавый;
Сверкнули Русские штыки [22, с. 11].

Следует отметить, что на военные события в той или иной мере откликнулись все сколько-нибудь значимые поэтические силы России. Ясно осознавая всю полноту кризиса, переживаемого Отчизной, свою гражданскую позицию в форме лирических манифестаций выразили представители разных, порой диаметрально противоположных идеологических платформ, в число которых (помимо выше упомянутых) вошли И.С. Аксаков, А.Н. Апухтин, В.Г. Бенедиктов, Н.В. Берг, П.А. Вяземский, Н.А. Добролюбов, В.М. Жемчужников, П.Л. Лавров, А.Н. Майков, Н.А. Некрасов, И.С. Никитин, Д.П. Ознобишин, К.К. Павлова, А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский, С.Е. Раич, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев и мн. др. Диапазон авторских эстетических установок оказался чрезвычайно широк: от “Мой стих есть тоже меч — и с вашими мечами / Ужели не блеснет за Русь он под грозой?” (А.Н. Майков) до “Теперь тебе не до стихов, / О слово русское, родное!...” (Ф.И. Тютчев). Однако в разноголосом хоре лирических высказываний безусловно доминировали интонации

патриотического воодушевления и национальной гордости, мотивированные осознанием преемственности героического наследия защитников Отечества прошлых лет. Этим духом, в частности, пропитана составленная Н. Клячковым и изданная в первой половине 1854 года двухчастная поэтическая антология “Собрание патриотических стихотворений” [23], все средства от продажи которой были направлены в помощь участникам обороны Севастополя.

Однако по мере ухудшения положения на фронте в лирических сочинениях происходило постепенное снижение имперского пафоса и победной риторики. Тема героической борьбы не утратила своей актуальности, но произошло смещение смысловых акцентов: константы официальной идеологии уступили место интимным переживаниям сострадания и горечи за гибель мужественных защитников Отечества. Священная жертва, принесенная на алтарь войны, оказалась неоправданной. Так, в известном стихотворении Н.А. Некрасова “Внимая ужасам войны...” (1855) предметом скорбных лирических размышлений оказываются судьбы солдатских матерей, потерявших своих сынов на полях сражений. Здесь героика ратного подвига меркнет и теряет свой смысл перед лицом неизбывного материнского горя:

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей... [24, с. 14].

На фоне драматических событий Крымской кампании все более ощутимыми становятся пацифистские и антиимперские настроения. Демократическое крыло русской поэзии выступило с обличительной критикой в адрес власти и высшего командования, не способных оценить масштабы национального бедствия и остановить жестокое кровопролитие. Бессмысленность войны и разрушительный характер ее последствий становятся магистральной темой русской лирики переломного 1855 года. Ходят в списках и пользуются широкой популярностью исполненные горького сарказма “солдатские” песни участников обороны Севастополя Л.Н. Толстого и П.К. Менюкова, будоражат умы читателей радикальной ангажированностью поэтические опусы “Русскому народу” П.Л. Лаврова и “Не гром войны, не бой кровавый...” Н.А. Добролюбова, вызывают

сочувственные отклики общественности антивоенный настрой стихотворений “На Черном море” Я.П. Полонского и “После чтения газет” А.Н. Плещеева. Все чаще раздаются голоса, которые призывают враждующие народы преодолеть политические разногласия, забыть прежние обиды и объединиться во имя братской любви. Так, лирический герой А.Н. Плещеева восклицает:

Рассказ о подвигах на поле грозной битвы
Восторгом пламенным мне не волнует кровь;
И к небесам я шлю горячие молитвы,
Чтоб низошла в сердца озлобленных любовь.
Чтоб миновали дни тревог, ожесточенья,
Чтоб, позабыв вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Все племена слились в единую семью! [25, с. 96].

Еще более очевидным ростом пацифистских настроений отмечена очередная русско-турецкая война 1877–1878 гг. Несмотря на то, что Россия в этой войне официально выступила как союзница и защитница балканских государств (Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины), находившихся под властью Османской империи, военная кампания проходила в условиях напряженной идеологической дискуссии.

Впрочем начало войны было отмечено необычайным общественным подъемом. Как отмечает С.А. Кочуков, “русское общество и правящие круги Российской империи были фактически едины в вопросе поддержки борьбы балканских народов за политическую независимость” [26, с. 163]. Еще до обнародования “Высочайшего Манифеста о вступлении Российских войск в пределы Турции”, подписанного императором Александром II 12 (24) апреля 1877 года, в России развернулось массовое добровольческое движение, основанное на сочувствии угнетенным “славянским братьям”. На балканские события решительно откликнулась русская интеллигенция (И.С. Аксаков, К.Е. Маковский, Д.И. Менделеев, В.С. Поленов, И.Е. Репин и др.), из числа которой многие ее представители отправились добровольцами на фронт (С.П. Боткин, В.М. Гаршин, В.А. Гиляровский, Н.И. Пирогов, Н.В. Склифосовский и др.).

Эту ситуацию всеобщего энтузиазма Л.Н. Толстой запечатлел в восьмой части романа “Анна Каренина”, которую по идеологическим соображениям отказался печатать издатель “Русского вестника” М.Н. Катков, о чем он и уведомил читателей в июльском номере журнала [27, с. 448–462]. Характеристика процессов, происходивших в русском образованном обществе накануне официального объявления войны, представлена

в тексте преимущественно с точки зрения одного из персонажей, Сергея Ивановича Кознышева, и откровенно маркирована элементами иронического модуса, однако субъективность оценки происходящего сопрягается, как это принято у Толстого, с объективными фактами жизненных реалий и оценочными позициями других действующих лиц, что в конечном счете и определяет логику авторского отношения к изображаемому: “В среде людей, к которым принадлежал Сергей Иванович, в это время ни о чем другом не говорили и не писали, как о Славянском вопросе и Сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры – все свидетельствовало о сочувствии к Славянам. <...> Он видел, что много тут было легкомысленного и смешного; но он видел и признавал несомненный, все разрастающийся энтузиазм, соединивший в одно все классы общества, которому нельзя было не сочувствовать. Резня единоверцев и братьев славян вызвала сочувствие к страдающим и негодование к притеснителям... Но притом было другое, радостное для Сергея Ивановича явление: это было проявление общественного мнения. Общество определенно выразило свое желание. Народная душа получила выражение, как говорил Сергей Иванович. И чем более он занимался этим делом, тем очевиднее ему казалось, что это было дело, должествующее получить громадные размеры, составить эпоху” [28, с. 352–353].

Амбивалентность авторской точки зрения на события русско-турецкого противостояния акцентирована рядом выразительных деталей, которые нельзя не заметить при чтении толстовского романа. Так, на фоне общего энтузиазма, вызванного массовым добровольческим движением, сами добровольцы, с которыми знакомится профессор Катавасов, едут на освободительную войну в основном не по идейным соображениям, а по разным ситуативным причинам: в частности, это “богатый московский купец, промотавший большое состояние”, “отставной офицер, ... попробовавший всего” [28, с. 357] и др. И даже Вронский, который “не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет” [28, с. 356], отправляется на сербский фронт, по его собственным словам, лишь потому, что “есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла” [28, с. 361].

Кроме того, особую роль в романе имеет спор об отношении к “Восточному вопросу”, в котором участвуют две группы идейных оппонентов:

с одной стороны – Кознышев и Катавасов как горячие сторонники участия России в Сербской войне, с другой – Левин и старый князь Щербацкий, скептически оценивающие сам факт войны. Столкнувшись на вопросе о том, нужна ли эта война русскому народу, полемисты обращаются к самому народу в лице старика пчельника и получают ответ, исполненный глубокого фатализма: “Что ж нам думать? Александр Николаевич Император нас обдумал, он нас и обдумает во всех делах. Ему видней” [28, с. 389]. В результате спор так и остается неразрешенным, а спорщики остаются при своем мнении. При этом после окончания дискуссии Левин окончательно утверждает в мысли о том, что массовый отъезд на фронт “краснобаев-добровольцев” не только не выражает мысли и воли народной, но и, преследуя цель мщения и убийства, непосредственно противоречит идее человечности.

Как известно, этот аспект романа “Анна Каренина” вызвал энергичную полемику со стороны Ф.М. Достоевского, при этом критик выбрал оригинальную стратегию, вступив в дискуссию не с автором романа, а с его персонажем. Так, в “Дневнике писателя” за июль–август 1877 г. он предлагает вниманию читателя подробный разбор толстовского романа и в целом дает исключительно высокую оценку его художественным достоинствам, но, отдельно останавливаясь на характеристике восьмой его части, со свойственной ему полемической страстностью развенчивает идею неприятия войны, которую в романе последовательно транслирует Константин Левин. И хотя Достоевский предварительно оговаривается, что Левин есть художественная фикция, то есть плод творческой фантазии писателя, он подчеркивает, что “романист изображает в этом идеальном, то есть придуманном, лице частью и собственный взгляд свой на современную нашу русскую действительность” [29, т. XXV, с. 193].

Особое возмущение Достоевского вызывает тот факт, что Левин не только демонстрирует принципиальное равнодушие к судьбе угнетенных славянских народов, но и квалифицирует свою позицию как выражение народного большинства. Комментируя размышления Левина о воле народной, критик уточняет: “Прошлого года не воля народа обозначилась, а великое сострадание его, во-первых, во-вторых, ревность о Христе, а в-третьих, собственное как бы покаяние его, вроде как бы говения” [29, т. XXV, с. 213]. Достоевский отстаивает мысль о том, что общественные акции, пожертвования и массовое участие добровольцев в войне с Турцией еще до ее официального

объявления императором Александром есть проявление исторической черты русского народа, суть которой предполагает «ревность его к “делу божию”, ко святым местам, к угнетенному христианству и вообще ко всему *покаянному, божественному*» [29, т. XXV, с. 216]. Именно это, по мнению автора “Дневника писателя”, служит главным объяснением и оправданием войны.

Другой принципиальный пункт, в котором Достоевский категорически расходится с толстовским героем, — это право на уничтожение врага во время боя. Парируя суждения Левина о том, что защита обижаемого не совместима с убийством обидчика, он приводит красноречивые свидетельства патологической жестокости турецких солдат, почерпнутые из публикаций в отечественной и зарубежной периодике, и резюмирует: “Пусть уже лучше великодушное и человеколюбивое ведение этой войны русскими не омрачится репрессалиями. Но выкалывать глаза младенцам нельзя допускать, а для того, чтобы пресечь навсегда злодейство, надо освободить угнетенных накрепко, а у тиранов вырвать оружие раз навсегда... чтобы вырвать из рук их оружие, надо вырвать его в бою. Но бой не мщение, Левин может быть за турка спокоен” [29, т. XXV, с. 221–222].

По всей видимости, многочисленные свидетельства о бесчинствах турецкой армии настолько потрясли сознание Достоевского, что он и позже возвращается к ним в своих сочинениях. В частности, они появляются в пятой книге “Рго и contra” романа “Братья Карамазовы” в разговоре Ивана и Алеши и служат для последнего своеобразным “испытанием веры” [29, т. XIV, с. 217–218].

Следует заметить, что позиция Ф.М. Достоевского по отношению к русско-турецкому военному противостоянию в той или иной степени была созвучна настроениям большей части русского образованного общества. Отечественная периодика этого времени пестрела известиями о неслыханной жестокости турок по отношению к славянским народам, вступившим в борьбу за свою национальную независимость, тем самым формируя общественное мнение и косвенно подталкивая власть к принятию решительных мер. Вот, например, фрагмент заметки, напечатанной в газете “Русский инвалид” за 1877 год: “...с дунайской границы постоянно получают известия о зверствах, совершаемых башибузуками и черкесами в болгарских селениях. Хищники сожигают и уничтожают все, что попадает им на пути; убивают мужчин, бесчестят женщин,

словом, производят такие же злодейства, как и в прошлом году” [30, с. 5].

О господствующих настроениях русской общественности во многом можно судить по количеству и содержанию лирических опусов, напечатанных на страницах периодических изданий этого периода. В числе тех, кто в поэтической форме считал необходимым выразить свою гражданскую позицию, были такие крупные литературные величины, как К.С. Аксаков, А.Н. Апухтин, А.А. Голенищев-Кутузов, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, К.К. Случевский, Л.Н. Трефелев, И.С. Тургенев и др. Внимание стихотворцев было сосредоточено вокруг комплекса взаимосвязанных мотивов: освободительной войны, праведного возмездия и славянского братства, — актуализация которых выработала определенный арсенал устойчивых художественных средств. По наблюдениям О.В. Кочуковой, «в поэтическом осмыслении войны России “за братьев-славян” легко выделить круг преобладавших тем. Это, прежде всего, создание образов, вокруг которых строилась концепция освободительной войны: объект освобождения (славяне); враг (Турция и поддерживающие ее европейские политики); герой-освободители (армия, общество, власть Российской империи)» [31, с. 142]. В качестве иллюстрации этой поэтической модели исследователь приводит фрагмент стихотворения М.А. Чаграева “Вопль славянина”, в котором идея сурового, но справедливого возмездия доходит до своей кульминационной точки:

Дайте шашку, топор, иль ружье, иль кинжал!
Или все, что к убийству годится —
И тогда со врагами, как дикий шакал,
Как герой, как злодей, буду биться!

Я не славы хочу, я хочу отомстить —
Расплатиться хочу с палачами,
В их крови я все горе хочу потопить,
Я хочу разорвать их руками! [32, с. 7].

Однако по мере развития событий военного противостояния, подробно освещаемых фронтными корреспондентами на страницах периодических изданий и подкрепляемых рассказами очевидцев, постепенно меняется тон лирических высказываний, смещаются оценочные критерии авторской модальности поэтов, личностно переживающих суть происходящего. Осознание масштабов кровопролития, ощущение несоответствия высоких целей войны и безмерности страданий людей, невольно оказавшихся заложниками исторического катаклизма, наводит на мысль о попрании высших человеческих законов и неоправданности жертв, принесенных

на алтарь “правого дела”. Так, лирический герой стихотворения А.Н. Апухтина “Братьям”, написанного уже в первые месяцы войны, с чувством глубокого сострадания задается вопросом о горькой доле всех участников военного столкновения:

Вас, братья далекие, ищет мой взор.
 Что с вами? Дрожите ли вы под дождем
 В убогой палатке, прикрывшись плащом,
 Вы стонете ль в ранах, томитесь в плену,
 Иль пали в бою за родную страну,
 И жизнь отлетела от лиц дорогих,
 И голос ваш милый навеки затих?.. [33, с. 205].

Адресуя враждующим общее обращение “братья”, лирический герой Апухтина стремится напомнить им о первородной связи всех живущих на земле, о единстве творения в Творце, о великой заповеди братской любви как единственно возможной форме человеческого существования вне зависимости от политических, национальных и конфессиональных догм.

Горькой мыслью о том, что насилие порождается насилием, а война — это величайшее зло, которому нет оправдания, проникнуты “Письма из Болгарии” публициста и военного корреспондента Е.И. Утина, находившегося в эпицентре военных событий на протяжении почти всей кампании 1877–1878 гг. Книга, появившаяся сначала на страницах журнала “Вестник Европы”, а в 1879 году вышедшая отдельным изданием, написана по личным впечатлениям автора и содержит в себе ценные сведения о бытовой фактографии фронтовых будней. Излагая подробности балканских событий, нередко натуралистичные и шокирующие, Утин намерен показать своему читателю ту изнаночную сторону войны, о которой не принято было писать в официальной прессе. Он стремится освободить его от романтических и псевдопатриотических иллюзий, утвердить в мысли о катастрофичности последствий происходящего.

С этой целью автор ориентируется на повествовательную форму “от второго лица”, что интонационно напоминает толстовский очерк “Севастополь в декабре”, написанный двумя десятилетиями ранее в аналогичной ситуации. Однако в отличие от Л.Н. Толстого, стремящегося к эпической цельности изображения, Утин пошагово воссоздает процесс распада эпических связей, запущенный под воздействием разрушительных механизмов, которые заложены в саму суть и плоть войны: “Видите вы этот дом, полуразрушившийся, опустелый? загляните во внутрь — там все переломано, перебито; присмотритесь ближе, — быть может, вы заметите еще следы запекшейся крови; это дом турка: тут произошло разграбление, убийство,

а тот, кто грабил, кто убивал, — тот зовется болгарин, которого вы пришли спасать, освобождать от необузданного турецкого зверства! Посмотрите на другие турецкие дома: как один, так и другой, — исключений нет, дикая толпа сравнивала их все до одного!” [34, с. 77].

Но война, по мнению Утина, влечет за собой не только внешние, но и — что гораздо страшнее — внутренние, этические разрушения. В условиях массового убийства, когда смерть другого человека перестает быть событием, а становится фактом повседневности, человек утрачивает свое главное видовое свойство — способность к состраданию, он становится равнодушен ко всему, что его окружает, он перестает быть человеком в подлинном смысле этого слова: «Вы становитесь бесчувственнее. Вы ходите, толкаете раненых, слышите стоны, кровь кругом вас, но вам уже все равно; вы не испытываете больше никаких ощущений, для вас не существует больше людей, страдания не трогают, вы окаменели, превратились в машину, готовую исполнять только то, что вам скажут ... вам решительно нет никакого дела, ни до Гривицкаго редута, ни до Зеленых гор. Вас преследует кошмар, кошмар наяву, кошмар во сне; перед вашими глазами проходит окровавленная вереница раненых, мертвых, и вы как автомат твердите одно лишь слово: “война! проклятие тебе!”» [34, с. 372].

Но, пожалуй, наивысшей эмоциональной точкой идея неприятия войны получает выражение в творчестве В.М. Гаршина, сама жизненная судьба которого наглядно отразила оценочную динамику русским общественным сознанием событий балканской войны 1877–1878 гг. Как известно, еще будучи студентом Санкт-Петербургского горного института, Гаршин горячо откликнулся на витавшую в воздухе идею освобождения угнетенных славянских народов и в июне 1876 года в письме к своему однокурснику Н.С. Дрентельну сообщает: “... по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30 000 безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей” [35, с. 368–369]. По всей видимости, решение отправиться на фронт созревает к концу лета того же года, так как в сентябре Гаршин пишет стихотворение, исполненное благородной решимости и твердого осознания своего гражданского долга:

Мы не идем по прихоти владыки
 Страдать и умирать;
 Свободны наши боевые клики,

Могуча наша рать,
 И не числом солдат, коней, орудий,
 Не знанием войны,
 А тем, что в каждой честной русской груди
 Завет родной страны!
 Она на смерть за братьев нас послала,
 Своих родных сынов,
 И мы не стерпим, чтоб она сказала:
 “Бежали от врагов!”
 Мы победим или в бою погибнем,
 Как вождь наш обещал,
 И доблести славянской столп воздвигнем,
 Какого мир не знал... [36]

Вскоре после опубликования манифеста об объявлении войны в апреле 1877 года Гаршин записывается вольноопределяющимся в действующую армию, о чем буквально накануне сообщает в письме к матери: “Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня” [35, с. 370]. В составе Болховского 138-го пехотного полка он участвует в болгарском походе, получает чин прапорщика, а в августе 1877 г. после тяжелого ранения в боях под Аясларом и длительного лечения выходит в отставку.

Еще находясь на лечении, Гаршин пишет рассказ “Четыре дня”, который впервые был опубликован в журнале “Отечественные записки” (1877, № 10) и еще при жизни автора переведен на несколько европейских языков. Сюжет рассказа основан на реальном событии, о котором Гаршин сообщает матери в письме от 21 июля 1877 года: “... нашли раненого. Пять суток лежал он в кустах с перебитой ногой. Несколько раз турки ездили мимо него, но не замечали. Наконец 19 июля, через пять дней после боя, наша 6 рота набрела на несчастного. Его подняли и принесли в Коце-лево. Жизнь его вне опасности. Вот уж именно спасшийся чудом!” [35, с. 373]. Примечательно, что авторский пафос рассказа “Четыре дня” кардинально отличается от довоенной гаршинской лирики. Повествование ведется здесь от первого лица и наглядно отражает стремительную эволюцию антивоенных настроений героя-рассказчика, оказавшуюся результатом его четырехдневного пребывания в пограничном состоянии между жизнью и смертью: от упоительного восторга атаки — через мучительные размышления о смысле своего участия в военных действиях — к полному неприятию войны и осознанию единства человеческих судеб. Невыносимые физические страдания, которые испытывает раненый герой рассказа Петр Иванов, перерастают в страдания нравственные, связанные с пониманием непоправимых последствий его участия в смертоносном действе. Поверженный ударом его штыка турок

(и даже не турок, а египетский феллах!) перестает восприниматься как враг и предстает в его сознании как обычный человек — сын, муж, отец, чья жертвенная гибель, вызванная некоей безличной волей, не оправдана, как и не может быть оправдана любая война, страшный образ которой предстает в ореоле мортальной символики: «Лица у него уже не было. Оно сползло с костей. Страшная костяная улыбка, вечная улыбка показалась мне такой отвратительной, такой ужасной, как никогда, хотя мне случалось не раз держать череп в руках и препарировать целые головы. Этот скелет в мундире с светлыми пуговицами привел меня в содрогание. “Это война, — подумал я, — вот ее изображение”» [35, с. 29].

Комментируя проблематику рассказа “Четыре дня”, В.Ю. Даренский замечает: “Экзистенциальный парадокс, ярко показанный Вс. Гаршиным, состоит в том, что человек на войне даже с самыми благородными намерениями неизбежно становится носителем зла, убийцей других людей — и это может им переживаться даже тяжелее, чем собственная смерть” [37, с. 280]. Примечательно и то, что к этой мысли читателя приводит не автор, а его герой, непосредственный участник военных событий. В данном случае субъективность позиции рассказчика приобретает максимальный суггестивный эффект именно потому, что воспринимается как личностно пережитый экзистенциальный опыт, приобретенный на пограничных рубежах бытия и начисто лишенный внешнего дидактизма.

Впоследствии Гаршин опубликовал еще несколько произведений, связанных с событиями русско-турецкой кампании и объединенных общей тематикой (“Аясларское дело”, “Трус”, “Денщик и офицер”, “Из воспоминаний рядового Иванова”), но по художественной убедительности, силе эмоционального воздействия на читателя и высокой тональности антивоенного звучания рассказ “Четыре дня” по праву вошел в “золотой фонд” русской гуманистической культуры и поставил имя его автора в один ряд с именами Ф.М. Достоевского И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого.

Последнее вооруженное столкновение Российской и Османской империй происходило в годы Первой мировой войны, когда оба государства вошли в состав противоборствующих коалиций — Антанты и Четверного союза. Однако, несмотря на крупные военные операции на Черноморском побережье и на Кавказе, основным противником в этой войне российская общественность воспринимала Германию, отводя Турции лишь роль ее сателлита. А революционные события 1917 года, заключение Брестского мира в марте 1918 года и

начало Гражданской войны вообще на долгие годы отодвинули проблему русско-турецкого внешне-политического противостояния на второй план.

Четырехвековая история русско-турецких войн дала богатый материал для творческих инициатив русских писателей и существенно повлияла на развитие отечественного литературного процесса. Оперативно реагируя на события многочисленных военных конфликтов, художественная литература продуцировала и наглядно демонстрировала идеологические и аксиологические приоритеты общественного сознания в ракурсе их исторической динамики. Общая логика развития темы русско-турецкого противоборства получила непосредственное выражение и на уровне поэтики художественного творчества. Соотнося ранние литературные опыты осмысления и изображения военных конфликтов, можно наблюдать общее движение от общего — к частному, от коллективного — к индивидуальному, от прямой оценочности — к сложным этическим коллизиям. Картины масштабной баталистики сменяются очерками внутренних переживаний, внешний ракурс изображения событий уступает место ракурсам психологическому и экзистенциальному. Восприятие войны постепенно, но все более отчетливо предстает через призму персонального сознания автора и его героя и воспринимается как личностно пережитый и осмысленный опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Широкорад А.Б.* Русско-турецкие войны 1676–1918. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000. 752 с.
2. *Пересветов И.* Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 388 с.
3. *Творогов О.В.* Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков: Примечания // *Воинские повести Древней Руси*. Л.: Лениздат, 1985. С. 491–493.
4. *Воинские повести Древней Руси*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 359 с.
5. *Панегирическая литература петровского времени*. М.: Наука, 1979. 311 с.
6. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. 560 с.
7. *Травников С.Н., Ольшевская Л.А.* “Лавровы вьются там венцы...” (Поэтика “Оды на взятие Хотина” М.В. Ломоносова) // *Литературоведческий журнал*. 2011. № 29. С. 213–235.
8. *Переписка Екатерины Великой с Иосифом II, переведено с французских подлинников И.М. Живаго* // *Русский архив*. 1880. № 1. С. 210–355.
9. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
10. *Клейн И.* Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // *Slovëne*. 2018. № 1(7). С. 174–210.
11. *Сумароков А.П.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 608 с.
12. *Петров В.П.* Сочинения. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб.: Мед. тип., 1811. 242 с.
13. *Майков В.И.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 502 с.
14. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1864. 872 с.
15. *Вельтман А.Ф.* Странник. М.: Наука, 1978. 343 с.
16. *Бестужев-Марлинский А.А.* Кавказские повести / Изд. подгот., [примеч. сост.] Ф.З. Канунова. СПб.: Наука, 1995. 701 с.
17. *Бестужев-Марлинский А.А.* Письмо К.А. Полевому, 5 апреля 1833. URL: <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters/letter-56.htm>
18. Высочайший манифест от 9 февраля 1854 года, о прекращении дипломатических сношений России с Англией и Францией // *Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя*. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Вып. I. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. С. 272–273.
19. *Мельников В.А.* Крымская кампания 1853–1856 гг. как первая информационная война в истории противостояния мировых держав // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2017. № 3. С. 34–39.
20. *Ф.Б. [Булгарин Ф.В.]* Пчелка. Журнальная всякая всячина // *Северная пчела*. 1854. № 1 (2 янв.). С. 2–4.
21. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М.: Тип. В.М. Фриш, 1874. 385 с.
22. *Заморские гости, собрание песен, военных куплетов, сказок, басен и стихов про Турок, Англичан и Французов. Выражающие чувства Русских за Веру, Царя и Отечество, в войну настоящего времени*. М.: Тип. Александра Семена, 1854. 52 с.
23. *Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных российским победоносным воинством / Собр. Н. Клячковым*. Ч. 1–2. М.: тип. М. Смирновой, 1854.
24. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. Л.: Наука, 1981. 447 с.
25. *Плещеев А.Н.* Полн. собр. стихотворений. М.-Л.: Советский писатель, 1964. 430 с.

26. Кочуков С.А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 163–166.
27. [Катков М.Н.] Что случилось по смерти Анны Карениной // Русский вестник. 1877. Т. 130. С. 448–462.
28. Толстой Л.Н. Полн. собр. сочинений: В 90 т. Т. 19: Анна Каренина. Роман в 8-ми ч. (1873–1877). Ч. 5–8. М.: ГИХЛ, 1935. 520 с.
29. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
30. [Б.И.] Внешние известия // Русский инвалид. 1877. № 99. 7 мая. С. 3–5.
31. Кочукова О.В. Поэтические образы освободительной войны России на Балканах // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 141–146.
32. Чаграев М.А. Вопль славянина // Пчела. 1876. № 49. С. 7.
33. Анухтин А.Н. Полн. собр. стихотворений. Л.: Советский писатель, 1991. 448 с.
34. Утин Е. Письма из Болгарии в 1877 году. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 472 с.
35. Гаршин В.М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. М.: Сов. Россия, 1984. 432 с.
36. Гаршин В.М. Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_1884_stihi.shtml
37. Даренский В.Ю. Испытание смертью как нравственная Голгофа героя в прозе Вс. Гаршина // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 276–296.
6. Lomonosov, M.V. *Izbrannyje proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sov. Pisatel' Publ., 1986. 560 p. (In Russ.)
7. Travnikov, S.N., Olshevskaya, L.A. "Lavrovyy vyut-sya tam vency..." (*Poetika "Ody na vzyatie Xotina" M.V. Lomonosova*) ["The Lavrov's Wind Crowns There ..."] (*Poetics of "Odes to the Capture of Khotin" by M.V. Lomonosov*). *Literaturovedcheskij zhurnal* [Journal of Literary Criticism], 2011, No. 29, pp. 213–235. (In Russ.)
8. *Perepiska Ekateriny Velikoj s Iosifom II, perevedeno s francuzskix podlinnikov I.M. Zhivago* [Correspondence of Catherine the Great with Joseph II]. *Russkij arxiv* [Russian Archive]. 1880, No. 1, pp. 210–355. (In Russ.)
9. Zorin, A. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka* [Feeding the Two-headed Eagle ... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)
10. Klejn, I. *Torzhestvuyushhaya Rossiya: voennaya lirika XVIII veka* [Triumphant Russia: Military Lyrics of the 18th Century]. Slověne, 2018, No. 1(7), pp. 174–210. (In Russ.)
11. Sumarokov, A.P. *Izbrannyje proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sov. Pisatel' Publ., 1957, 608 p. (In Russ.)
12. Petrov, V.P. *Sochineniya. Ch. 1. Izd. 2-e.* [Compositions. Part 1. Ed. 2nd.]. St. Petersburg, Med. Publ., 1811, 242 p. (In Russ.)
13. Majkov, V.I. *Izbrannyje proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, Sov. Pisatel' Publ., 1966. 502 p. (In Russ.)
14. Derzhavin, G.R. *Sochineniya. S obyasnitelnyimi primechaniyami Ya. Grotta. T. I.* [Compositions. With Explanatory Notes by J. Groth. Vol. I]. St. Petersburg, Imper. Akademii Nauk Publ., 1864. 872 p. (In Russ.)
15. Veltman, A.F. *Strannik* [Wayfarer]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 343 p. (In Russ.)
16. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. *Kavkazskie povesti* [Caucasian Stories]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 701 p. (In Russ.)
17. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. *Pismo K.A. Polevomu, 5 aprelya 1833* [Letter to K.A. Polevoy, April 5, 1833]. URL: <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/letters/letter-56.htm> (In Russ.)
18. *Vysochajshij manifest ot 9 fevralya 1854 goda, o prekrashhenii diplomaticheskikh snoshenij Rossii s Angliyeu i Franciyeu* [Supreme Manifesto of February 9, 1854, on the termination of diplomatic relations between Russia and England and France]. *Materialy dlya istorii Krymskoj vojny i oborony Sevastopolya. Sbornik, izdavaemyj komitetom po ustrojstvu Sevastopol'skogo muzeya. Vyp. I* [Materials

REFERENCES

1. Shirokorad, A.V. *Russko-tureczkie vojny 1676–1918* [Russo-Turkish Wars 1676–1918]. Moscow, Minsk, 2000. 752 p. (In Russ.)
2. Peresvetov, I. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1956, 388 p. (In Russ.)
3. Tvorogov, O.V. *Povest ob Azovskom osadnom sidenii donskix kazakov: Primechaniya* [The Tale of the Azov Siege Seat of the Don Cossacks: Notes]. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Warrior Tales of Ancient Russia]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985, pp. 491–493. (In Russ.)
4. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Warrior Tales of Ancient Russia]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 359 p. (In Russ.)
5. *Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni* [Panegyric Literature of Peter's Period]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 311 p. (In Russ.)

- for the History of the Crimean War and the Defense of Sevastopol. Collection Published by the Committee for the Arrangement of the Sevastopol Museum. Issue I]. St. Petersburg, Departamenta Udelov Publ., 1871, pp. 272–273. (In Russ.)
19. Melnikov, V.A. *Krymskaya kampaniya 1853–1856 gg. kak pervaya informacionnaya vojna v istorii protivostoyaniya mirovy'x derzhav* [Crimean Campaign of 1853–1856 as the First Information War in the History of Confrontation Between World Powers]. *Zhurnalist. Social'nyje kommunikacii* [Journalist. Social Communication], 2017, No. 3, pp. 34–39. (In Russ.)
 20. F.B. [Bulgarin, F.V.] *Pchylka. Zhurnalnaya vsyakaya vsyachina* [Little Bee. All Magazine Sorts of Things]. *Severnaya pchela* [Northern Bee], 1854, No. 1, pp. 2–4. (In Russ.)
 21. Pogodin, M.P. *Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenii Krymskoj vojny. 1853–1856* [Historical and Political Letters and Notes in the Continuation of the Crimean War. 1853–1856]. Moscow, V.M. Frish Publ., 1874. 385 p. (In Russ.)
 22. *Zamorskie gosti, sobranie pesen, voennykh kupletov, skazok, basen i stixov pro Turok, Anglichan i Francuzov. Vyrazhayushhie chuvstva Russkix za Veru, Czarya i Otechestvo, v vojnu nastoyashhego vremeni* [Overseas Guests, a Collection of Songs, Military Couplets, Fairy Tales, Fables and Poems about Turks, English and French. Expressing the Feelings of Russians for Faith, Tsar and Fatherland, in the War of the Present Time]. Moscow, Aleksandra Semena Publ., 1854. 52 p. (In Russ.)
 23. *Sobranie patrioticheskix stikhotvorenij, napisannykh raznymi avtorami po sluchayu voennykh dejstvij i pobed, oderzhanny'x rossijskim pobedonosnym voinstvom. Sobr. N. Klyachkovym. Ch. 1–2* [Collection of Patriotic Poems Written by Various Authors on the Occasion of Military Operations and Victories Won by the Victorious Russian Army]. Moscow, M. Smirnovoj Publ., 1854. (In Russ.)
 24. Nekrasov, N.A. *Poln. sobr. soch. i pisem v 15 t. T. 2: Stikhotvoreniya 1855–1866 gg.* [Complete Works and Letters in 15 Volumes. Vol. 2: Poems 1855–1866]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 447 p. (In Russ.)
 25. Pleshcheev, A.N. *Poln. sobr. stikhotvorenij* [Complete Collection of Poems]. Moscow; Leningrad, Sovetskij Pisatel Publ., 1964. 430 p. (In Russ.)
 26. Kochukov, S.A. *Otnoshenie obrazovannogo obshhestva Rossii k russko-tureczkoj vojne 1877–1878 gg.* [The Attitude of the Educated Society of Russia to the Russo-Turkish War of 1877–1878.]. *Vlast* [Power], 2011, No. 11, pp. 163–166. (In Russ.)
 27. [Katkov, M.N.] *Chto sluchilos po smerti Anny Kareninoj* [What Happened after the Death of Anna Karenina]. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin], 1877, vol. 130, pp. 448–462. (In Russ.)
 28. Tolstoy, L.N. *Poln. sobr. soch. v 90 t. T. XIX. Anna Karenina. Roman v 8-mi ch. (1873–1877). Ch. 5–8* [Complete Works in 90 Volumes. Volume XIX. Anna Karenina. Novel in 8 Hours (1873–1877). Parts 5–8]. Moscow, 1935. 520 p. (In Russ.)
 29. Dostoevskiy, F.M. *Poln. sobr. soch. v 30-ti t.* [Complete Works in 30 Volumes.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
 30. [B.I.] *Vneshnie izvestiya* [Foreign News]. *Russkij invalid* [Russian Invalid], 1877, No. 99, May 7th, pp. 3–5. (In Russ.)
 31. Kochukova, O.V. *Poeticheskie obrazy osvoboditelnoj vojny Rossii na Balkanakh* [Poetic images of the liberation war of Russia in the Balkans]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Saratov University. Series History. International Relationships], 2019, Vol. 19, No. 2, pp. 141–146. (In Russ.)
 32. Chagraev, M.A. *Vopl slavyanina* [The Scream of the Slav]. *Pchela* [Bee], 1876, No. 49, p. 7. (In Russ.)
 33. Apuxtin, A.N. *Poln. sobr. stikhotvorenij* [Complete Collection of Poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel Publ., 1991. 448 p. (In Russ.)
 34. Utin, E. *Pisma iz Bolgarii v 1877 godu* [Letters from Bulgaria in 1877]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevicha Publ., 1879. 472 p. (In Russ.)
 35. Garshin, V.M. *Sochineniya: Rasskazy. Ocherki. Statji. Pisma* [Writings: Stories. Essays. Articles. Letters]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1984. 432 p. (In Russ.)
 36. Garshin, V.M. *Stikhotvoreniya* [Poems]. URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_1884_stihi.shtml (In Russ.)
 37. Darenskiy, V.Yu. *Ispytaniye smertyu kak npravstvennaya Golgofa geroya v proze Vs. Garshina* [The Test of Death as the Moral Golgotha of the Hero in the Prose of Vs. Garshina]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2016, No. 14, pp. 276–296. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 31 марта 2021 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 апреля 2021 г.
 Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.
 Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on March 31, 2021
 Revised on April 15, 2021
 Accepted on June 30, 2021
 Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016289-0

Иафет в шатрах Сима: раввинистическая герменевтика и современная теория литературы

© 2021 г. А. Н. Беларев

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
abelarev@gmail.com

Резюме. Статья посвящена чрезвычайно плодотворной “встрече” современной теории литературы с традиционной еврейской герменевтикой, произошедшей в американском литературоведении в 1980-е и 1990-е годы. Американские постструктуралисты стремились не только прочитать еврейские источники с помощью оптики новой теории чтения, основанной на идеях Ж. Деррида и Р. Барта, но и увидеть в раввинистической герменевтике актуальный источник моделей, образов и терминов для современной теории текста. Анализ подходов С. Хандельман, Г. Блума, Д. Боярина показывает, что для них термины каббалы, техника мидраша и раввинистическое представление о роли интерпретатора, о традиции и новаторстве, стабилизации и деформации канона стали инструментами для разрешения проблем современной теории литературы. Для этих авторов на первое место вышла проблема продолжения традиции в ситуации разрыва с традицией и проблема ситуации теоретика на границе двух миров. Можно говорить о стремлении в постструктурализме к тройному прочтению традиционных еврейских текстов: одновременно как сакральных текстов, как объектов научного изучения и как «современных» теоретических текстов. В свою очередь тексты современной теории читаются американскими постструктуралистами как продолжение древней традиции.

Ключевые слова: мидраш, С. Хандельман, Д. Боярин, постструктурализм, герменевтика, теория литературы, иудаика.

Для цитирования: *Беларев А.Н. Иафет в шатрах Сима: раввинистическая герменевтика и современная теория литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 23–33. DOI: 10.31857/S241377150016289-0*

Japhet in the Tents of Shem: Rabbinic Hermeneutics and Modern Literary Theory

© 2021 Alexander N. Belarev

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
abelarev@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the extremely fruitful “meeting” of modern literary theory with traditional Jewish hermeneutics that took place in American literary criticism in the 1980s and 1990s. American poststructuralists sought not only to read Jewish sources using the optics of a new theory of reading based on the ideas of J. Derrida and R. Barthes, but also to see in rabbinic hermeneutics an actual source of models, images and terms for modern text theory. An analysis of the approaches of S. Handelman, H. Bloom, D. Boyarin shows that for them the terms of Kabbalah, the Midrash technique, and the rabbinic notion of the

role of the interpreter, of tradition and innovation, stabilization and deformation of the canon have become tools for solving problems of modern literary theory. For these authors, the problem of continuing tradition in a situation of breaking with tradition and the problem of the theoretician's situation on the border of two worlds came to the fore. We can talk about the aspiration in poststructuralism to a triple reading of traditional Jewish texts: both as sacred texts, as objects of scientific study and as “modern” theoretical texts. In turn, the texts of modern theory are read by American poststructuralists as a continuation of an ancient tradition.

Key words: midrash, S.A. Handelman, H. Bloom, D. Boyarin, post-structuralism, hermeneutics, literary theory, Jewish studies.

For citation: Belarev, A.N. *Iafet v shatrakh Sima: ravvinisticheskaia germenevtika i sovremennaia teoriia literatury* [Japhet in the Tents of Shem: Rabbinic Hermeneutics and Modern Literary Theory]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 23–33. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016289-0

Две возможности перевода

Сначала следует в нескольких словах прокомментировать заглавие нашей статьи. Речь идет о благословении, данном Ноем своим сыновьям: Иафету, считавшемуся в талмудической традиции предком эллинов, и Симу, предку евреев. “Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых...” (Бытие 9:27). Мы начинаем издалека, но на самом деле моментально оказываемся в средоточии интересующих нас вопросов. Данный стих Писания обсуждается мудрецами Талмуда в трактате “Мегила” (Вавилонский Талмуд, Мегила, 9а) в связи с проблематикой перевода, а именно по поводу греческого перевода Торы, инициированного царем Птолемеем (Септуагинта). В этой связи перевод оценивается двояко. С одной стороны, перевод есть трагическое событие, в память о котором устанавливается общественный пост. Потому что перевод разрывает цепь традиции, ведь традиционная культура мудрецов предполагала единство письменной и устной Торы. Перевод оставляет “*sola scriptura*” без герменевтической “опеки” устной комментаторской традиции. С другой стороны, красота и стройность греческого языка настолько высоко оцениваются мудрецами Талмуда, что они позволяют написать на этом языке свиток Торы – вещь, обладающую в еврейской религиозной традиции наибольшей святостью. Благословение Ноя понимается раввинами в том смысле, что в будущем греческий гений (“красота Иафета”) сможет прийти на помощь постижению Торы (под шатрами традиционно понимаются еврейские академические институты). То есть конфликт и герменевтический агон могут перерасти в сотрудничество и творческий симбиоз, в истинный перевод. И это не раз происходило в истории еврейской культуры.

Исход из Эллады

Именно на одном из таких эпизодов напряженного диалога с “греческой мудростью” мы хотим

остановиться. К 1980-м годам назрела необходимость взглянуть на наследие иудаизма “греческими глазами” [1, р. 10]. Пришло время активного внедрения новой критической теории чтения в Jewish studies.

Еврейская культура после Второй мировой войны переживает то, что Жак Деррида назвал “исходом из Греции” [2, с. 106], имея в виду попытку после Холокоста переосмыслить свои отношения с европейской культурой. Такую ревизию, например, предпринял во многом повлиявший на Деррида французский философ и выходец из России Эмманюэль Левинас. Он критиковал европейскую философию, основанную на мышлении в терминах сущности и бытия, прославляющую безличное присутствие. Европейской традиции объектного мышления как традиции, потенциально склонной к “насилию” (подавлению различий), он противопоставил мышление, апеллирующее к фигуре Другого, с которым можно вступить в ненасильственное отношение только на путях этики как диалога с “лицом”, на путях языка и обучения. Но уже Жак Деррида, анализируя философию Левинаса, пришел к важному выводу: критика европейской метафизики становится возможна только на языке самой этой метафизики [2, с. 195]. То есть Исход происходит так, как это описано в Библии: сыны Израиля вышли из Египта “вооруженными” (Исход 13:18). В нашем контексте стоит понимать слово “вооруженными” в смысле методологической оснащенности.

Политически и лингвистически процесс рестройки еврейской культуры ускоряется с образованием государства Израиль. Создание собственных политических институтов и возрождение языка иврит как языка повседневного общения многое в еврейской культуре и в ее отношении с другими культурами наделяет новым смыслом. В культурном плане на первое место выходит

еврейство США, которое счастливо избежало трагедии Холокоста и смогло использовать интеллектуальный потенциал европейских изгнанников¹. Отсутствие притеснений и государственного антисемитизма, возможность свободного культурного творчества позволили американскому еврейству накопить мощный интеллектуальный потенциал.

Обновление теории

Что касается методологии, то в 1970–80-х в США происходит рецепция французской теории. Значительный вклад в перенесение методов деконструкции на американскую почву сыграла Йельская школа литературоведения (Поль Де Ман, Хиллис Миллер, Джеффри Хартман, Гарольд Блум). Принципы новой критики, представители которой занимали ведущие позиции в американском академическом литературоведении, подвергались жесткой критике. Прежде всего это касалось принципа автономии литературного произведения, его закрытости, формальной самодостаточности. Деконструкторы делают ставку на открытость произведения, во-первых, истории и идеологии, во-вторых, другим текстам (интертекстуальность). Происходит проблематизация и деидеализация письма и чтения. Чтение начинает пониматься как борьба за смысл, поединок с текстом, как соперничество дискурсов автора и предшественника, автора и исследователя. На первое место выходят метафоры негативности. Происходит реабилитация риторики (в традиции Ницше) как универсального свойства любого нарратива (художественного, исторического и научного). Внимание к риторичности дискурса связано с критикой прозрачности языка, возможности через язык напрямую подступиться к фактам. Да и сами факты все больше понимаются как интерпретации или конструкты, которые не в последнюю очередь связаны с фигурой толкующего наблюдателя. В постструктурализме подвергаются эрозии две ключевые для культуры пограничные линии: граница между историческим и фикциональным нарративом (см., например, работы Хейдена Уайта по тропологии исторического повествования) и граница между текстом и интерпретацией. Критик, по словам Джеффри Хартмана, переходит от “паразитического” к “симбиотическому” отношению к искусству [3, р. 82]. Теперь он “вчитывает” свои смыслы в произведение, авторская интенция проигрывает интенции критика. Кроме того, понятие текста

теряет свою закрытость. С одной стороны, идеология и история начинают “входить” в текст, с другой стороны, все содержимое культуры начинает интерпретироваться в терминах текстуальности. Герменевтика после знаменитой книги Х.-Г. Гадамера “Истина и метод” получает философский вес. Литературная критика занимает место философии и начинает пониматься как некая метатеоретическая дисциплина, снабжающая другие гуманитарные и общественные науки идеями и подходами. Критика логоцентризма, этноцентризма и так называемой белой мифологии (фактической неспособности европейской культуры обратить на саму себя культурную критику) Деррида подвигала к тому, чтобы противопоставить им репрессированные традиции, дать слово подавляемым меньшинствам (религиозным, этническим, сексуальным). Другим путем могла быть попытка переосмыслить собственную традицию, выявив в ней “логоцентрическую” составляющую, и противопоставить ей некие внутренние скрытые подавленные течения, то есть найти в собственной культуре потенциал для децентрации канона. Все это создало почву для пересмотра и переосмысления канонических текстов. По словам философа и раввина Хосе Фаура, автора книги “Золотые подвески с серебряными блестками. Семиотика и текстуальность в раввинистической традиции” (1986) [4]: “Значение постструктурализма и современной критической теории состоит в том, что они учат тому, как исследовать и расшифровывать тексты, созданные чужой культурой, в терминах, доступных для современного западного мышления” [1, р. 10].

Убийцы Моисея

В десятилетие с начала 1980-х до середины 1990-х выходит целый ряд пионерских работ, которые смогли полностью изменить лицо Jewish studies, применив методологический аппарат структурализма, постструктурализма и нового историзма к раввинистическим текстам. Это открыло в целом достаточно герметичную область раввинистических исследований современным теоретическим спорам, сделав при этом культуру еврейской герменевтики (например, такое понятие как “мидраш”) полноправным “собеседником” в теоретических дискуссиях.

Своеобразным прологом к новому этапу теоретической рефлексии стала книга профессора английской литературы университета Мериленд Сьюзен Энн Хандельман (S.A. Handelman) “Убийцы Моисея. Возникновение раввинистической интерпретации в современной теории литературы” (The Slayers of Moses. The Emergence of

¹ При этом большое значение для самосознания американских евреев имеет комплекс вины перед европейскими собратьями.

Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory), вышедшая в 1982 г. Важно отметить, что Хандельман была в некотором смысле человеком “со стороны”. То есть не выходящим из среды ученых-библеистов и исследователей талмудической культуры, в отличие, например, от другого представителя еврейского постструктурализма, Даниэля Боярина, который на момент публикации своих теоретических работ уже имел репутацию историка талмудической литературы и лексикографа. По образованию она англист, по складу характера — теоретик. В сферу ее интересов входила не только теория литературы, но и психоанализ. Позже она стала соредактором журнала “Психоанализ и религия”. Полагаю, что именно ее несколько “внешняя” позиция позволила ей быть более радикальной и “смелой” в постановке вопросов². В первых же строках “методологического предисловия” Хандельман формулирует некую отправную точку исследования: «С тех пор как Книга книг потеряла свой божественный статус, понятие “Текст” — в частности, “критический текст” — заняло ее место. Литературная критика стала своего рода субститутотом теологии» [5, р. XIII]³. Подобная ситуация требует отрефлексировать влияние теологии на критический дискурс: “Мы пока мало осознаем, сколь глубоки теологические корни современного искусства интерпретации”⁴ [5, р. XIII]. Поэтому задача

книги состоит в том, чтобы “исследовать конфликт интерпретаций в свете их теологического происхождения” (background) [5, р. XV]. Вполне в духе постструктурализма в основе книги лежит различие. Автор противопоставляет две структурные модели интерпретации, два подхода к тексту, которые она соответственно определяет как “раввинистическую” и “патристическую”⁵. Причем первая близка тому отношению к текстуальности, которое характерно для постструктурализма. Раввины талмудического периода в их оппозиции к эллинизму выступают в роли протодеконструкторов, а отцы церкви как продолжатели греческого подхода к тексту и знаку будут представителями “логоцентризма”. Противостояние исторических структурных моделей очерчивает линию фронта по цепочке оппозиций: герменевтика текста и герменевтика логоса (если воспользоваться удачной антитезой И.С. Дворкина [6]), буква и дух, “давар” и “онома” (ивритское слово-вещь против греческого “имени”, требующего движения в невидимую сферу идеальных значений). Конкретность и буквализм мидраша противопоставляется аллегории платоников, децентрирование и рассеивание смысла в Торе — собиранию смысла в некоем центре в греческом логосе, интерпретация — инкарнации, метафора — концепту, семиотика — онтологии, одноголосие — бесконечности значений. Но Хандельман пишет не столько сочинение по истории идей, сколько, как она говорит, “структуралистский мидраш”⁶.

Основная тема книги — это род “короткого замыкания”, которое происходит между раввинистической герменевтикой и современной теорией (психоанализом Фрейда и Лакана,

² Достаточно бросить взгляд на содержание книги:

I. Исторические основы: интерпретативный агон грека, еврея и христианина

1. Греческая философия и преодоление слова

2. Раввинистическая мысль: божественность текста

3. Некоторые философские аспекты раввинистической интерпретативной системы

4. Бегство от текстуальности: наполнение знаков

II. Убийцы Моисея: Фрейд, Лакан, Деррида, Блум и темная сторона вытеснения

Пролог: Книга книг и книга природы

5. Соломон-Зигмунд, сын Якова

6. Аналитик как писец: Жак Лакан и возвращение отцовского имени

7. Писание ребе Деррида

8. Критик как каббалист: Гарольд Блум и еретическая герменевтика

³ Противопоставление профанного и священного текста, конфликт и примирение еврея и писателя (Эдмон Жабес), поэтов (свобода) и раввинов (закон, гетерономия), двух “интерпретаций интерпретации” (Жак Деррида) составляет “нерв” книги.

⁴ Хандельман справедливо указывает на значение традиции протестантской герменевтики для Дильтея, Хайдеггера и Гадамера и важность католического и протестантского богословия для новых критиков.

⁵ “Я стремилась не столько проследить историческое влияние христианства и иудаизма на историю критики, сколько исследовать с помощью компаративного метода основные структурные модели интерпретации, которые можно грубо обозначить как *раввинистическая* и *патристическая*, и их отношение к теориям значения некоторых современных мыслителей” [5, р. XV.]

⁶ «В широком смысле слова эта книга сама является родом мидраша, поиском скрытых элементов и корреспонденций, тропизмом, или “блужданием значения”, которые настолько же действуют с помощью аналогии и ассоциации, насколько с помощью линейной логики. Возможно, она может быть названа “структуралистским мидрашом”» [5, *ibid.*]. А.Б. Ковельман в своем анализе “Убийц Моисея” оспаривает это “жанровое” определение, возражая тем, что структурно книга построена по классическим канонам американской литературоведческой работы [7, с. 40]. Позволил себе ему возразить. Ирония заключается в том, что здесь самоопределение “мидраш” относится не к формальной структуре, а к самой “идеологии” работы. Мидраш есть возможность найти деконструкцию в Талмуде и талмудическую логику у психоаналитиков.

деконструкцией Деррида, теорией метафоры Рикера, антитетической критикой Блума). Между ними Хандельман находит “поразительные” и “глубинные” схождения. Древние тексты обретают свой истинный смысл в свете современной теории, оказываясь ее предвосхищением, а древняя герменевтика становится своего рода бессознательным современной теории. Но и современная светская теория, созданная в значительной степени еврейскими интеллектуалами (все герои основных глав, кроме Жака Лакана, евреи: Фрейд, Деррида, Блум), парадоксальным образом становится продолжением древних раввинистических текстов. Здесь работает анахронистическая логика мидраша, в котором Моисей может оказаться на лекции рабби Акивы в талмудической академии начала новой эры (Вавилонский Талмуд, Менахот, 29 б)⁷. С точки зрения Хандельман, современная теория, возможно, точнее отражает истинный смысл раввинистической герменевтики, чем любые традиционные фундаменталистские и апологетические прочтения. Апологетический посыл есть и у Хандельман, но он не прямолинеен, поскольку, по ее мнению, продолжение канона в современных условиях происходит не прямым образом. Традиция может продолжаться не через преемственность, а в обход, контрабандой, не через звенья цепи традиции (“шальшелет акабала”), а через разрывы. Продолжение традиции может парадоксально происходить в отказе от нее. Конечно, здесь важно и понимание традиции в постмодернистской теории. История не продолжается потомками, традиция не получается по наследству. Она конструируется, выбирается, вхождение в историю всегда проблематично. Оптика историка сформирована его собственной историей, его укорененностью в определенной идеологии, он изначально пристрастен.

Но и тексты самих раввинов дают примеры осознания проблематичности передачи традиции и сохранения канона. Раввины ощущали

⁷ Хандельман в полемической статье “Осколки скалы: современная теория литературы и изучение раввинистических текстов” (“Fragments of the Rock: Contemporary Literary Theory and the Study of Rabbinic Texts”) [3], отвечая на критику ее книги в рецензии Дэвида Стерна, отмечает анахроничность и аисторичность раввинистической литературы, которая не намеревалась создать историографию. Хандельман приводит слова историка Йосефа Хаима Иерушалми: “Раввины, кажется, играют временем, словно на аккордеоне, по собственной воле сжимая и растягивая его” [3, р. 79]. Для них важно значение истории. Концепция Иерушалми о различении истории и памяти (организация истории, придание истории значения), изложенная им в книге “Захор. Еврейская история и еврейская память” [8], имеет для Хандельман большое значение.

необходимость вписать свои новации в форму традиции, придать им статус откровения. Неслучайно даже ключевая книга каббалы “Зоар” (“Сияние”), написанная в Средневековье, имеет форму традиционного мидраша. Хандельман приводит слова Саймона Равидовича, который писал о стремлении мудрецов Талмуда совершить революцию, но “революцию изнутри” [5, р. 41]. Он представляет историю еврейской античной экзегезы, диалектику Устной и Письменной Торы, текста и комментария, как историю “двух храмов”. Второй Храм являет собой новое начало, предполагающее “преемственность и бунт, традицию и инновацию, связь с текстом и отчуждение от него” [3, р. 77]. Равидович пишет о том, что работа мудрецов Талмуда учит “одновременно искоренять и стабилизировать, отвергать и сохранять на одном дыхании” [3, *ibid.*]. Но при этом толкования мудрецов наделяются авторитетом слов Торы. Происходит неприятие собственной запоздалости, надделение интерпретации свойствами исходного текста, превращение чтения в род письма (Reading becomes a form of writing) [3, р. 85]. Причем даже не просто письма, а “переписывания истоков”⁸. Это переписывание истоков лежит, по мнению Хандельман, в основе “еретической герменевтики” ее героев (“блудных сынов” еврейской традиции) уже в XX в. Причем бунт возможно тематизировать и в самом сердце канона. Характерный пример – появление “мятежного” сына на ключевом мероприятии еврейской педагогической и религиозной традиции – пасхальной трапезе (седере). Следует вспомнить и эпиграф к книге Хандельман из Эдмона Жабеса о различении / неразличении писателя и еврея: “Сначала я думал, что я писатель. Потом я понял, что я еврей. Потом я перестал отличать в себе еврея от писателя, потому что и тот, и другой – только муки древнего слова” [5, р. 1]. Некое примирение с собой наступает как осознание того, что внутренний разлад есть “муки древнего слова”, то есть и древнее слово традиции не является целостным, идиллическим, беспроблемным словом.

Хандельман выстраивает форму еретического канона, продолжения традиции как отклонения от нее. В этом смысл заглавия “Убийцы Моисея”⁹, восходящего к последней книге Фрейда “Моисей и монотеистическая религия”. В этой работе

⁸ Название одного из подразделов главы о Фрейде в книге Хандельман: “Heretic hermeneutics: re-writing origins” [5, р. 137].

⁹ Дэвид Стерн язвительно назвал свою критическую рецензию на книгу Хандельман “Moses-cide” [9].

Фрейд, как известно, выступает сторонником гипотезы о том, что евреи убили собственного вождя. Подобно этому герои книги (еврейские интеллектуалы XX в.) либо отвергают традиционные формы еврейской культуры, либо дают им еретическое толкование, но *volens nolens* плетут цепь традиции. Если в первой книге Хандельман описано возвращение языковых стратегий мидраша в психоанализе, деконструкции Деррида и теории поэтического влияния Блума, то в ее второй книге 1991 г. “Осколки избавления. Еврейская мысль и теория литературы у Бенямина, Шолема и Левинаса” (*Fragments of Redemption. Jewish Thought and Literary Theory in Benjamin Scholem and Levinas*) [10] описано парадоксальное возвращение мессианства в эпоху крушения теологического историсофского схематизма (“мессианство без надежды”). Для дискурса об интерпретации, каноне и традиции в книгах и статьях Хандельман (и в работах ее героев) характерны метафоры негативности: “осколки”, “фрагменты”, “изгнание”, “катастрофа”, “руина”, “забвение”. Они отражают свойственную постструктуралистам деидеализацию литературы и литературной критики. Гарольд Блум утверждает, что создание и чтение поэзии — это не гуманистическое предприятие, а борьба. Неслучайно свой анализ библейской сцены борьбы Иакова с ангелом в ключевом для обсуждаемой нами темы сборнике “Мидраш и литература” (*Midrash and Literature*) 1986 г. [11] Джеффри Хартман назвал “Борьба за текст” (“*The struggle for the text*”) [12]. В критическом проекте Г. Блума негативное продолжение традиции осуществляется как попытка переинтерпретировать представление лурианской каббалы о самосокращении Божества (“цимцум”) и космической катастрофе, сопровождающей сотворение мира (“швира а келим”, “разбиение сосудов”) как метафору и схему поэтического самоопределения и взаимодействия с литературными предшественниками и их текстами¹⁰. Важной герменевтической и исторической метафорой для Блума (под влиянием работ Гершома Шолема по истории каббалы) становится метафора изгнания. Шолем полагал, что концепция каббалистов об изгнании Шехины (Божественного присутствия) была теософским

¹⁰ О трактовке каббалы и ее образности в постструктурализме см. соответствующий раздел фундаментального исследования Андреаса Кильхера о каббалистической теории языка [14]. Кильхер рассматривает подход Блума как совмещение “академической” каббалы Г. Шолема с “эстетизацией каббалы”, восходящей к немецким романтикам [14, S. 347]. Книга Хандельман подвергается Кильхером критике за эссенциализм, то есть попытку выделить особый, “еврейский” тип интерпретации [14, S. 347].

ответом на исторический опыт еврейского народа в изгнании. Для Блума изгнание есть важная метафора запоздалости поэта, его зависимости от традиции и неспособности обрести собственный голос:

В еврейской традиции всякая литературная репрезентация, не являющаяся канонической, отдает грехом. Но Изгнание — глубочайший стимул человеческого стремления к литературной репрезентации. Каббала — учение об Изгнании, теория влияния, созданная для объяснения Изгнания. В чисто литературном контексте Изгнание переключивается из категории пространства в категорию времени и таким образом превращается в *запоздалость* (*belatedness*). После изгнания евреев из Испании в каббале нарастает представление о запоздалости, нашедшее затем наиболее полное выражение в лурианском мифе, где само Творение предстает как Изгнание¹¹ [13, с. 65]

У Деррида с изгнанием ассоциируется одна из двух “интерпретаций интерпретации” (тот вариант, который Хандельман ассоциирует с раввинами): “Одна стремится расшифровать, мечтает расшифровать истину или ускользающий от игры и строя знака исток и переживает необходимость интерпретации как изгнание” [2, с. 368]¹². Схожей метафорой авторской негативности и уязвимости, невозможности и необходимости письма становится у Эдмона Жабеса метафора пустыни как пространства одиночества, откровения и рождения письма.

Как видно, литературоведческий проект Хандельман (который вырастает из критических проектов ее героев) предполагает несколько вариантов переосмысления канона и ревизии традиции. Это переосмысление может протекать как понимание секуляризации лишь как сокрытия теологии. Как размышление над проблемой обмирщения Торы и теологизации критики и сакрализации литературного и критического текста. Здесь имеет место, например, расширение канона за счет переосмысленных текстов психоанализа и деконструкции как подспудно теологических и “иудейских”. Происходит “проявление” и даже “появление” старого в новом.

Другим вариантом диалога с традицией является реструктуризация канона за счет усиления внимания к определенным традициям и типам текстов, своеобразное высвечивание и выделение в толще традиции определенных зон и слоев как

¹¹ Любопытно, как метафору изгнания наделяет поэтологическим смыслом израильский литературовед Йегошуа Левинсон, говоря об “изгнании” в чужую систему жанров [15, с. 60].

¹² О метафоре изгнания у Деррида и Блума в связи с символикой каббалы см.: [14, S. 356].

особенно релевантных. Например, Мартин Бубер заново “открывает” для европейских интеллектуалов хасидский рассказ и притчу, Гершом Шолем — тексты каббалы, Эмманюэль Левинас — талмудические тексты. Реструктуризация канона имеет полемический характер и обладает критическим потенциалом. Так, повышается престиж жанров и традиций, которые были подавлены или не замечены доминирующей традицией. Характерными примерами являются мидраш и каббала, которые становятся в постструктурализме важнейшими точками приложения критической энергии. Каббала долгое время игнорировалась академической иудаикой и еврейской философией, поскольку нарушала представление об иудаизме как о религии в “пределах одного лишь разума”. О сложной рецепции мидраша и “репрессиях” в отношении него очень точно написал Даниэль Боярин, одна из ключевых фигур современной иудаики, в своей ставшей уже знаменитой работе 1994 г. “Интертекстуальность и прочтение мидраша” (Intertextuality and the Reading of Midrash):

Мидраш по большей части подавлялся в еврейской герменевтике, так же, как он маргинализировался на Западе. Аллегорически — аристотелевская традиция в иудаизме, наиболее ярко представленная у Маймонида, была враждебна тому взгляду на язык, который предполагал мидраш, и эта традиция господствовала в доминирующей еврейской культуре. В связи с этим я нахожу неубедительными попытки (как у Сьюзен Хандельман и Хосе Фаура) говорить об уникальном еврейском способе понимания языка или текста. Еврейская мысль и практика интерпретации была на более чем тысячу лет захвачена логоцентрической традицией, и мидраш был обесценен внутри иудаизма так же, как и вне его [16, р. XII].

Характерно, что Боярин здесь критикует Хандельман, хотя в принципе стоит на достаточно близких к ней методологических позициях. Вообще, любопытно, что книга “Убийцы Моисея”, как точно подметил А.Б. Ковельман [7, с. 33], вызвала критику именно со стороны тех, кому она должна была в принципе быть близка. Рассмотрение этого вопроса завело бы нас сейчас слишком далеко. Возвращаясь к словам Боярина, нужно отметить, что он стремится не просто противопоставить свой и чужой канон, но провести деконструкцию “собственной” традиции, выделяя в ней также логоцентрический дискурс и затененные, недооцененные дискурсы, которые можно будет взять за основу при перестройке канона. На самом деле, примерно то же имеет в виду Хандельман, когда называет свою работу мидрашом: она лишь дает понять, что энергия для обновления критики будет черпаться ею в недрах традиции.

Мидраш и рассеивание смысла

Чем так привлекателен мидраш¹³ для постструктуралистов? Мидраш как герменевтическая практика подчеркнута интертекстуален. Он рассматривает Писание как единый гипертекст. Тем самым реализуется идея Торы как самотолкующего (selfglossing¹⁴) текста. Фактически мидраш видит все 24 книги еврейского библейского канона как единый источник теологических доказательств, как единый герменевтический горизонт. Герменевтическая работа мидраша подчеркнута семиологична: он извлекает кольца из цепочек означающих, опустошает их, инсталлирует в новый контекст, наделяя новым значением. Кроме того, мидраш “не боится” негативности. Он “ищет” проблемы в текстовой ткани Писания. Можно даже сказать, что он деформирует, взрывает текст, ищет лакуны, трещины, зазоры и предлагает несколько альтернативных вариантов заполнения этих смысловых лакун.

Особенности мидраша как интерпретативной практики связаны с ключевыми герменевтическими принципами раввинистического иудаизма. Прежде всего это презумпция целостности текста Торы. Весь текст еврейской Библии (или Танаха) расположен на единой синхронической оси, хронологическая последовательность отходит на второй план. Отсюда — важный принцип “нет раннего и позднего в Торе”.

В тексте Торы на иврите нет второстепенных элементов, которые обладали бы меньшей значимостью, чем другие. Толкование может основываться не только на смысле слов, но и на необычном очертании букв, особенностях знаков кантилляции, грамматических отклонениях. Кроме того, иврит является консонантным языком, поэтому один и тот же набор смысловосущих согласных может по-разному вокализоваться, давая богатые возможности языковой игры. То, что в Торе нет второстепенного, связано с тем, что по одному из авторитетных мнений, “Тора не говорит языком людей”, т.е. текст литературен

¹³ «Мидраш — от корня со значением “искать”, “вопросить”. В раввинистической литературе термин, означающий интерпретирующее изучение Библии. Расширительно слово также употребляется в двух схожих значениях: первое — в отношении результата этой интерпретаторской активности, а именно, специфическая интерпретация как продукт экзегезы мидраша, и второе — для описания литературных композиций, в которых оригинальные интерпретации (многие из которых изначально передавались устно) были в итоге собраны» [11, р. 365].

¹⁴ Термин принадлежит Даниэлю Боярину.

в том смысле, что обладает повышенной семиотической насыщенностью.

Сама структура герменевтической традиции уникальна. Потому что библейский текст, как его точно охарактеризовал Эрих Ауэрбах, имеет “задний фон” [17, с. 32], создает эффект затемнения; он подчеркнуто чередует рассказ с умолчанием. Разрывы смысловой ткани заполняет герменевтическая энергия устной традиции, так называемой Устной Торы, которая при этом претендует на ту же значимость, что и Тора Письменная.

Важна для постструктуралистов и динамичность, процессуальность мидраша, его способность давать одновременно несколько ответов, что не дает сглаживать все неровности смысла (мидраш в переводе “поиск”, “вопрошание”). Поиск смысла оборачивается бесконечностью смыслов, откладыванием окончательного смысла, отсутствием “главного” смысла. Ведь разногласия мнений, подходов опирается на утверждение: “И то мнение, и это мнение являются словами Бога Живого”. Герменевтическое беспокойство и активность толкователя становятся в традиции важным религиозным императивом. Это своего рода заповедь — искать в Торе новые смыслы, “обновлять” Тору. Под словом “хидуш” (обновление) может пониматься и открытие в Торе (новое решение герменевтической проблемы, например), но и “сотворение”. Проблемы в тексте не только существуют, их “ищут”, проявляя творческую инициативу, поскольку это становится залогом незавершенности откровения. Мидраш вслушивается в текст, пытается расслышать призыв самого текста (“проинтерпретируй меня”). Длительное Творение мира как бы соответствует длительному откровению.

Новая теория текста видит в традиционной еврейской герменевтике свое отражение в том смысле, что принцип божественного текста как черновика Творения (по утверждению одного известного мидраша (Берешит Раба 1:1), Всевышний смотрел в Тору, когда творил мир) понимается как предвосхищение принципа Деррида и Барта, гласящего, что нет “ничего вне текста”.

Хандельман подчеркивает, что интерпретация для евреев важнее, чем инкарнация, поскольку раввины не ищут за текстом Торы некоторый запредельный ему дух и не ставят перед собой задачи прорваться к бытию. Сами буквы Торы обладают энергией творения, текст в определенном смысле предшествует бытию. Как отмечает Хосе Фаур, наиболее существенное отличие семиотического объекта от метафизического заключается в том, что его основная задача — означать, а

не быть [4, р. 25]. Можно применить к этой филологической традиции дихотомию “субстанция” — “функция”, которую клал в основу современной философии и науки Эрнст Кассирер [18], предвосхищая, по сути, положения структурализма. Для Кассирера именно функциональный подход определяет развитие познания: значение феноменов не предзадано, оно формируется в функциональном ряду взаимосвязанных и взаимопределяющих элементов. Ключевое достижение мидраша (по мнению постструктуралистов) — это отказ от аллегоризма, который характерен для христианской интерпретации и традиции эллинистических еврейских толкований в духе Филона Александрийского. Аллегория по своей структуре подавляет “игру означающих”, заставляет видеть в тексте лишь предлог для внеположенной идеи, отблеск некоего смыслового центра, а именно в децентрации смысла, в рассеивании заключается работа читателя.

Критик между культурами

Ключевой проблемой диалога с традицией является ситуация самого критика, который находится “меж двух миров” (как писал Левинас о Франце Розенцвайге) [19, с. 475–495]. Необходимость принимать во внимание идеологическую позицию критика, изначальную его ангажированность и непрозрачность его языка очень важна для новой теории. Отвечая на критику Д. Стерна, Хандельман в статье “Осколки скалы” отмечает, что в науке постмодерна “наблюдатель (неважно, атомов или аллегорий) рассматривается как участник, то есть как интерпретатор” [3, р. 80]: “Мы всегда производим значение, а не находим факты” [3, *ibid.*]. Хандельман пишет о неизбежных идеологических предпосылках критической работы, которые могут называться по-разному: “концептуальная рамка” (по Стросону), “идеология” (по Бахтину), трактовка (*treatment*) в теоретической физике [3, *ibid.*]. Нечто похожее пишет в предисловии к упомянутой работе Даниэль Боярин: “Любой интерпретативный дискурс находится в некоей исторической и идеологической позиции” [16, р. IX]. И эта позиция достаточно проблематичная с точки зрения классических представлений об объективности исследования, тем более что открыто заявлена. Боярин признает, что он находится между двумя культурами. С одной стороны, он ортодоксальный еврей, с другой стороны, “получивший западное образование еврейский интеллектуал XX века” [16, *ibid.*]. Фактически он читает исследуемые тексты в разных режимах. Представляется очень важным, что Боярин осмысляет культурные

конфликты в терминах “внутреннего диалога”, в смысле внутреннего конфликта (“одна и вторая часть меня” [16, *ibid.*]). Но то, что делает позицию Боярина очень сильной, это его признание проблемы как методологической предпосылки, осознание внутренней разорванности и раздвоенности в отношении традиции не как слабости, а как методологического преимущества. Эта изначально “между” предполагает особое отношение к теории, в нашем случае к функции литературной теории. Боярин описывает себя (цитируя библеиста Ханса Фрея) как “этнографа и туземца” в одном лице [16, *ibid.*]. В этой ситуации теория для него выполняет функцию “моста”, перекинутого между этими полюсами. В другом месте медиальная функция теории выражена несколько по-другому. Она напоминает ему функцию схоластики для средневекового еврейского читателя мидраша и Талмуда [16, p. X].

В предисловии к своей самой известной книге “Израиль по плоти. О сексе в талмудической культуре” (*Carnal Israel. Reading Sex in Talmudic Culture*) 1993 г., первому гендерному исследованию в области иудаики, Боярин намечает еще одну стратегию переработки прошлого. Книга является частью его проекта “включения талмудических текстов в критический дискурс и критического дискурса в изучение талмудической литературы” [20, с. 7], но, как отмечает автор, у нее есть и более амбициозная задача — изменение мира, точнее “феминистское реструктурирование отношения к полу и сексу в наипозднейшей античности — т.е. в наше время” [20, с. 8]. Эта задача требует особого отношения к древней традиции:

Моя цель — выстроить из этой культуры “полезное прошлое”, обнаружив и выделив в ней те области, которые могут послужить нам сегодня, и найти способ поместить в правильный контекст непонятные и неприемлемые аспекты этой культуры, а также придать им определенный исторический смысл [20, с.47].

С точки зрения Боярина, прошлое культуры становится не только доступным объяснению, но само обретает особую объяснительную силу при интерпретации современности. Прошлое может предоставить альтернативные, часто лишь намеченные, нереализованные модели, которые возможно реконструировать и использовать в современных дискуссиях. Прошлое перестает быть “безнадежным”, возможность “другого” прошлого важна для неожиданного обретения самыми радикальными идеями некоей опоры в традиции.

Скала и молот

Сьюзен Хандельман в качестве иллюстрации сути любой герменевтической ситуации приводит

известный талмудический комментарий (Вавилонский Талмуд, Санхедрин 34 а) на стих из книги Псалмов: “Однажды сказал Бог, и дважды слышал я это...” (61:12). Талмуд для прояснения смысла этого стиха приводит мнение школы рабби Ишмаэля, которая комментирует другой стих, теперь уже из Иеремии (23:29): “Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу?”. Ученики рабби Ишмаэля объясняли эту фразу следующим образом: “Подобно тому, как молот дробит скалу на множество осколков, один стих Писания распадается на множество значений”. Комментаторы этого талмудического отрывка расходятся во мнениях. Грамматика позволяет толковать его и так, что молот раскалывается на куски, пытаясь раздробить скалу, и так, что скала раскалывается под ударами молота, и так, что молот при ударе о скалу высекает множество искр. Этот отрывок — прекрасная иллюстрация работы мидраша. При этом здесь сам этот метод — высекание из текста бесконечного числа смыслов — подвергается рефлексии. Хандельман отмечает, что акт интерпретации в этом комментарии понимается не как гармоничный процесс, а как некоторое насилие, силовое воздействие, фрагментация. То есть этот мидраш становится эмблемой акта чтения в постструктурализме. Но самое главное, что американская исследовательница интерпретирует этот мидраш, смещая его в поле современных дискуссий, как проблематизацию отношений современного теоретика с каноническими религиозными текстами:

Разлетятся ли наши молоты, наши критические методы, взятые из секулярных дисциплин — истории, литературной теории и т.д., — о стойкую святость Писания? Или они высекут и откроют новые смыслы священных текстов? Как эти “открытия” связаны со старыми теологическими смыслами? Поместит ли нас это раскрытие внутри или снаружи текста и что теперь значит “внутри” или “снаружи”? [3, p. 90].

Описанное здесь Хандельман сложное взаимодействие и даже взаимовлияние интерпретатора и объекта интерпретации, метода и “материала” подводит нас в заключение к тому, чтобы наметить три способа или режима чтения раввинистических текстов. Первый режим, который можно было бы условно назвать “автономным”, в целом соответствует изучению Писания методами традиционной герменевтики в рамках религиозной практики “изучения” и преподавания Торы. Второй режим чтения, “гетерономный”, соответствует научному изучению еврейских источников с помощью “привнесенных” инструментов европейской научной традиции. Каждая философская

и литературоведческая школа (неокантианство, феноменология, новая критика, структурализм) предлагала научной иудаике на протяжении XX в. свой практический и теоретический инструментарий для интерпретации традиционных еврейских текстов. Постструктурализм открыл возможность некоего третьего пути, третьего режима чтения. Здесь сама традиционная еврейская герменевтика служит источником продуктивных методологических моделей уже не только для “самопрочтения” и авторефлексии, но и для теории литературы; она наделяется силой и правом интерпретировать западную культуру. Достаточно вспомнить каббалистическую терминологию в критическом проекте Блума, понимание мидраша как новой теории чтения у Боярина или активное использование Хосе Фауром при анализе феноменов текста и книги лингвофилософской терминологии (на арабском, ладино, иврите и арамейском) из традиции евреев-сефардов. Именно исследование этого третьего пути представляет особый интерес не только для Jewish studies, но и для теории литературы в целом. Важным уроком литературоведческой работы постструктурализма, на наш взгляд, является убеждение в том, что упомянутые режимы чтения не являются герметичными, а наоборот, находятся в сложных отношениях взаимопритяжения и взаимоотталкивания. Литературовед может научиться читать тройко, и его способность / не способность к “обратному переводу”, к “переключению” режимов, возможность / невозможность балансировать на их границах могут и должны стать объектом теоретической рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Faur J.* Reading Jewish Texts with Greek Eyes. // *Sh'ma: A Journal of Jewish Responsibility* (Nov. 27, 1987). Pp. 10–12.
2. *Деррида Ж.* Письмо и различие. Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический проект, 2007. 428 с.
3. *Handelman S.A.* Fragments of the Rock: Contemporary Literary Theory and the Study of Rabbinic Texts. A Response to David Stern. *Prooftexts*, vol. 5, No. 1, Special Issue on Storytelling (January 1985). Pp. 77–95.
4. *Faur J.* Golden Doves with Silver Dots. *Semiotics and Textuality in Rabbinic Tradition*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 226 p.
5. *Handelman S.A.* The Slayers of Moses. The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory. Albany: State University of New York Press, 1982. 267 p.
6. *Дворкин И.С.* Герменевтика логоса и герменевтика текста. // Греки и евреи: диалог в поколениях. Петербургский еврейский университет. Институт исследований еврейской диаспоры. Труды по иудаике. Философия. Герменевтика. Культурология. Вып. 1. СПб., 1995.
7. *Ковельман А.Б., Гершович У.* Сокрытое и явленное в Талмуде: Очерк нефилософского мышления на исходе античности. М.: “Индрик”, 2016. 448 с.
8. *Иерушалми Й.Х.* Захор. Еврейская история и еврейская память. Москва, Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2004. 167 с.
9. *Stern D.* Moses-side: Midrash and Contemporary Literary Criticism. *The Slayers of Moses: The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory* by Susan A. Handelman. *Prooftexts*, Indiana University Press. Vol. 4. No. 2 (MAY 1984), pp. 193–204.
10. *Handelman S.A.* Fragments of Redemption. *Jewish Thought and Literary Theory in Benjamin Scholem and Levinas*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1991. 389 p.
11. *Midrash and Literature*. Edited by Geoffrey H. Hartman and Sanford Budick. New Haven and London: Yale University Press, 1986. 412 p.
12. *Hartman G.H.* The Struggle for the Text // *Midrash and Literature*. Edited by Geoffrey H. Hartman and Sanford Budick. New Haven and London: Yale University Press, 1986. Pp. 3–18.
13. *Блум Х.* Каббала и литературная критика // Таргум. Еврейское наследие в контексте мировой культуры. Выпуск 1, апрель–июнь 1990, М.: Издания Академии Мировых цивилизаций. С. 45–74.
14. *Kilcher A.B.* Die Sprachtheorie der Kabbala als ästhetisches Paradigma. Die Konstruktion einer ästhetischen Kabbala seit der frühen Neuzeit. Stuttgart, Weimar: Metzler, 1998. 403 S.
15. *Ковельман А.Б.* Герменевтика еврейских текстов. (Учебное пособие к курсу “Источниковедение истории евреев”). М.: Книжники, Текст, 2012. 109 с.
16. *Boyarin D.* Intertextuality and the Reading of Midrash. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994.
17. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. Москва: Издательство “Прогресс”, 1976. 554 с.
18. *Кассирер Э.* Познание и действительность. (Понятие о субстанции и понятие о функции). Репринтное издание. СПб.: Университетская книга, 1996. 453 с.
19. *Левинас Э.* Трудная свобода. // *Избранное: Трудная свобода* / Пер. с франц. М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 2004. 752 с.
20. *Боярин Д.* Израиль по плоти. О сексе в талмудической культуре. М.: Книжники; Текст, 2012. (Чейсовская коллекция). 560 с.

REFERENCES

1. Faur, J. Reading Jewish Texts with Greek Eyes. *Sh'ma: A Journal of Jewish Responsibility* (Nov. 27, 1987), pp. 10–12.
2. Derrida, J. *Pismo i razlichie. Per. s fr. D.Iu. Kralechkina* [Writing and Difference. Transl. from French by Kralechkin, D.Iu.]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 428 p. (In Russ.)
3. Handelman, S.A. Fragments of the Rock: Contemporary Literary Theory and the Study of Rabbinic Texts. A Response to David Stern. *Prooftexts*, vol. 5, No. 1, Special Issue on Storytelling (January 1985), pp. 77–95.
4. Faur, J. Golden Doves with Silver Dots. *Semiotics and Textuality in Rabbinic Tradition*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 226 p.
5. Handelman, S.A. *The Slayers of Moses. The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory*. Albany: State University of New York Press, 1982. 267 p.
6. Dvorkin, I.S. *Germenevtika logosa i germenevtika teksta. Greki i evrei: dialog v pokoleniakh* [Hermeneutics of the Logos and Hermeneutics of the Text. Greeks and Jews: Dialogue Through Generations]. *Peterburgskii evreiskii universitet. Institut issledovaniia evreiskoi diaspory. Trudy po iudaika. Filosofii. Germenevtika. Kulturologiia. Vyp. 1* [Petersburg Jewish University. Institute for Jewish Diaspora Research Works. Transactions on Jewish Studies. The Philosophy, Hermeneutics and Anthropology Series. Issue 1]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)
7. Kovelman, A.B. Gershovich, U. *Sokrytoe i iavlennoe v Talmude: Ocherk nefilosofskogo myshleniia na iskhode antichnosti* [Hidden and Overt in the Talmud. Non-Philosophical Thinking in the Late Antiquity]. Moscow, "Indrik" Publ., 2016. 448 p. (In Russ.)
8. Ierushalmi, I.Kh. *Zakhor. Evreiskaia istoriia i evreiskaia pamiat* [Sakhor: Jewish History and Jewish Memory]. Moscow, Jerusalem, Mosty kultury, Gesharim Publ., 2004. 167 p. (In Russ.)
9. Stern, D. Moses-cide: Midrash and Contemporary Literary Criticism. *The Slayers of Moses: The Emergence of Rabbinic Interpretation in Modern Literary Theory* by Susan A. Handelman. *Prooftexts*, Indiana University Press. Vol. 4. No. 2 (MAY 1984), pp. 193–204.
10. Handelman, S.A. *Fragments of Redemption. Jewish Thought and Literary Theory in Benjamin Scholem and Levinas*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1991. 389 p.
11. *Midrash and Literature*. Edited by Geoffrey H. Hartman and Sanford Budick. New Haven and London: Yale University Press, 1986. 412 p.
12. Hartman, G.H. *The Struggle for the Text. Midrash and Literature*. Edited by Geoffrey H. Hartman and Sanford Budick. New Haven and London: Yale University Press, 1986, pp. 3–18.
13. Blium, Kh. *Kabbala i literaturnaia kritika* [Kabbalah and Criticism]. *Targum. Evreiskoe nasledie v kontekste mirovoi kultury. Vypusk 1* [Jewish Heritage in the Context of World Culture. Issue 1]. April–June 1990, Moscow, Izdaniia Akademii Mirovykh tsivilizatsii Publ., pp. 45–74. (In Russ.)
14. Kilcher, A.B. *Die Sprachtheorie der Kabbala als ästhetisches Paradigma. Die Konstruktion einer ästhetischen Kabbala seit der frühen Neuzeit*. Stuttgart, Weimar: Metzler, 1998. 403 s. (In Germ.)
15. Kovelman, A.B. *Germenevtika evreiskikh tekstov. (Uchebnoe posobie k kursu "Istochnikovedenie istorii evreev")* [Hermeneutics of the Jewish Texts. The Study Guide to the Study Programme "Sources on Jewish History"]. Moscow, Knizhniki, Tekst Publ., 2012. 109 p. (In Russ.)
16. Boyarin, D. *Intertextuality and the Reading of Midrash*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994.
17. Auerbach, E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitelnosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature]. Moscow, Izdatelstvo "Progress" Publ., 1976. 554 p. (In Russ.)
18. Cassirer, E. *Poznanie i deistvitelnost* [Substance and Function]. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 1996. 453 p. (In Russ.)
19. Levinas, E. *Trudnaia svoboda. Izbrannoe: Trudnaia svoboda. Per. s frants.* [Difficult Freedom. Transl. from French]. Moscow, "Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia" (ROSSPEN) Publ., 2004. 752 p. (In Russ.)
20. Boiarin, D. *Izrail po ploti. O sekse v talmudicheskoi kulture* [Carnal Israel. Reading Sex in Talmudic Culture]. Moscow, Knizhniki, Tekst Publ., 2012. 560 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 31 декабря 2020 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 января 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 марта 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on December 31, 2020

Revised on January 27, 2021

Accepted on March 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016294-6

Советская “оборонная литература” начала 1930-х годов и (анти)колониализм: литературное оформление новой идеологии

© 2021 г. А. О. Бурцева

Научно-издательский центр “Ладомир”,
Россия, 123365, Москва, Зеленоград, ул. Заводская, д. 4
alla.burtseva@gmail.com

Резюме. Статья посвящена проблеме советской пропаганды в литературе, а именно комбинации антиколониального и оборонного аспектов. Литературное объединение Красной армии и Флота было основной организацией, включавшей оборонную тему в советский литературный дискурс. Объединение издавало журнал “ЛОКАФ”, перед которым ставилась задача превратить всю литературу в “оборонную”. Это определение было изобретено самими членами объединения. Советская пропаганда в период между двумя мировыми войнами была направлена в том числе на убеждение читателя в том, что новая война неизбежна из-за “империалистических” амбиций иностранных правительств. Этот аспект также реализовывался в сочетании оборонной и колониальной тем. Это сочетание порождало особые литературные паттерны. Писатели разрабатывали специфические стратегии, чтобы соответствовать избранной пропагандистской линии. Они сочетали свою привычную тематику (например, Центральная Азия или морская тема) с антиколониальным пафосом разными способами. Литературная критика также интегрировала колониальную тему в оборонную литературу, чтобы продемонстрировать, что колониализм – тоже проблема обороны. Читатель должен был понять, что политика СССР по существу антиколониальная, а оборонная литература – таким образом легитимировать внешнюю и внутреннюю политику СССР.

Ключевые слова: советская литература, оборонная литература, пропаганда в литературе, колониализм, история советского журнала, советские литературные организации 1930-х годов.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00549 А.

Для цитирования: Бурцева А.О. Советская “оборонная литература” начала 1930-х годов и (анти)колониализм: литературное оформление новой идеологии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 34–42. DOI: 10.31857/S241377150016294-6

Soviet “Defense Literature” of the Early 1930s and (Anti)colonialism: Literary Formation of the New Ideology

© 2021 Alla O. Burtseva

Ladomir Publishing House,
4 Zavodskaya Str., Zelenograd, Moscow, 123365, Russia
alla.burtseva@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of Soviet propaganda in literature, specifically with the combination of anticolonial and defense aspects. The Literary Association of Red Army and Navy was the main organization introducing defense theme into Soviet literary discourse. The Association issued a journal named LOKAF, which had to make all literature “defense literature”. This term was invented by the members of the Association themselves. Soviet propaganda of the interwar period had a special interest in making the reader believe that the new war was inevitable because of the “imperialistic” ambitions of foreign

governments. This aspect was also realized in conjunction of defense and colonial topics. This conjunction provided specific patterns of literary discourse. The authors developed specific strategies in order to follow this point of view. They combined their original field of literary interest (such as Soviet Central Asia or marine theme) with anti-colonial discourse in different ways. Literary reviews also integrated colonial patterns into defense literature in order to show that issues of colonialism were defense issues too. The reader had to learn that Soviet politics was anti-colonial. Defense literature aimed to legitimize Soviet politics, both external and internal.

Key words: Soviet literature, Defense literature, Literary propaganda, Colonialism, Soviet journal history, Soviet literary organizations of the 1930s.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00549 A.

For citation: Burtseva, A.O. *Sovetskaya “oboronnaya literatura” nachala 1930-kh godov i (anti)kolonializm: literaturnoye oformleniye novoy ideologii* [Soviet “Defense Literature” of the Early 1930s and (Anti)colonialism: Literary Formation of the New Ideology]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 34–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016294-6

В период между двумя мировыми войнами советская пропаганда особое внимание уделяла теме обороны страны. Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), созданное в 1930 г., стало проводником этой темы в работе с писателями. Привлекая как опытных, так и начинающих авторов, объединение способствовало появлению целой литературы, получившей название “оборонной”. Так называли свои произведения сами литераторы – члены объединения. Понятие “оборонная литература” охватывало не только тексты этих авторов, декларировалась установка на то, что вся советская литература в той или иной степени должна быть оборонной [1, с. 159–161]; [2, с. 231–233]. Центральным печатным органом объединения стал московский журнал “ЛОКАФ”¹. В журнале публиковались художественные тексты, рецензии и публицистика, связанные с оборонной тематикой. Постепенно формировалось представление о том, какой должна быть оборонная литература, какие тексты считать образцовыми, какие подлежат критике. После постановления “О перестройке литературно-художественных организаций” объединение было преобразовано в Комиссию оборонной художественной литературы Союза советских писателей, фактически сохранив свои позиции в литературном поле [2, с. 230]. Все эти факторы привели к формированию

своеобразного канона оборонной литературы внутри соцреалистического.

Тезис о всеохватности оборонной темы, разрабатываемый за счет мощных пропагандистских ресурсов объединения, пересекался и вступал во взаимодействие с другими аспектами отражения советской идеологии в литературе. Одна из смежных тем, которая активно обсуждалась в начале 1930-х годов, – деколонизация новых советских республик. Конечно, в связи с этой темой возникает вопрос о раннесоветских колониальных тенденциях (и о том, корректна ли такая терминология; см. [4, с. 35–45]; [5, с. 5–6]), однако нас интересует в первую очередь советское отрицание колониальности, декларация освобождения, которое новая власть принесла прежде угнетенным народам. С колониальной темой оказывается связана тема борьбы с империализмом, что возвращает нас к оборонной литературе, готовившей советского человека к будущей войне.

Действительно, в журнале “ЛОКАФ” особое внимание уделяется теме “колониального гнета”, причем она развивается по двум векторам: прославление советской политики в национальных республиках и разоблачение империалистических амбиций других стран, точнее той литературы, где они реализуются. В рамках этой модели такие писатели, как Всеволод Иванов с его интересом к культуре Востока, противопоставляются писателям вроде Редьярда Киплинга, у которого восточная тема толкуется советскими литераторами и публицистами как воспевание империализма. Сопряжение колониальной и оборонной темы было сознательной установкой редакции. Так, в тезисах одного из докладов на заседании редколлегии отдельным пунктом плана по критическому отделу упоминаются

¹ С 1933 г. журнал стал выходить под названием “Знамя”, так как ЛОКАФ был распущен в октябре 1932 г. в связи с апрельским Постановлением “О перестройке литературно-художественных организаций” [3, с. 50]. В этой статье речь пойдет о периоде, совпадающем с существованием ЛОКАФ, за исключением более поздней рецензии, которая позволяет проследить, насколько опубликованная в 1931 г. пьеса Всеволода Иванова соответствовала запросу критики.

I Национальный вопрос и колонии. Отражение царской нац<иональной> политики в дореволюционной русской литературе.

II Западный колониальный роман.

III “Поэты-конквистадоры” — Гумилев, Киплинг (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 18).

В этой статье нам хотелось бы описать, что происходило с колониальной темой в советской оборонной литературе на стадии ее становления. Если говорить о предполагаемом воздействии на читателя (а конечной целью оборонной литературы так или иначе было формирование соответствующих настроений), то тексты на подобную тему должны были создать образ страны-освободителя, противопоставленной странам-колониаторам, которые при любом удобном случае готовы начать новую войну, тем самым закрепляя свои амбиции. Аудитория журнала “ЛОКАФ” должна была получить четкое представление о том, что советская политика по существу деколонизирующая и деколонизация — одна из целей социалистической революции в любой стране. Такого рода установка порождала ясную литературную и критическую программу. Писатель был призван взять за основу удобную, привычную для него тему и добавить в нее “колониальные” аспекты.

Колониальная тема должна была породить соответствующую риторику негативной и позитивной оценки. Помимо собственно слова “колониальный”, которое, как мы увидим, использовалось непоследовательно, возникают такие характеристики, как “экзотика” и “национализм”. Последнее понятие противопоставлено понятию “национальный”. Советский писатель должен высвечивать национальные особенности, избегая “буржуазного национализма”, под которым подразумевался, по-видимому, сепаратизм внутри СССР [4, с. 9]. Что касается “экзотики”, вероятнее всего, наполнение этого понятия до конца не понимали сами критики.

От соединения колониальной темы с оборонной можно ожидать характерных повторяющихся паттернов, особой риторики и ориентации на неподготовленного читателя, которому следует разъяснить, что такое колониальные амбиции и как им противопоставлена советская политика. Такие аспекты нам бы и хотелось рассмотреть в этой статье. Также заслуживает внимания сам механизм сочетания оборонной темы с колониальной. Как кажется, здесь можно ожидать разнородных стратегий, так как далеко не всегда эта связь представляется очевидной.

В советской литературе 1930-х годов тема деколонизации часто возникает в связи с республиками

советской Центральной Азии. В силу особенностей этого региона власть выбрала удобную стратегию легитимации: противопоставление “колониального гнета” “раю сталинской эпохи” (именно эти обороты используются в публичных выступлениях; см., например: РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 2; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 33). Советская оборонная литература удачно вписывалась в эту линию, так как под остатками колониального гнета понималось басмачество (движение в Центральной Азии, которое находилось в оппозиции к советской власти; в советском дискурсе басмач фактически приравнивался к бандиту [4, с. 174]). Необходимо было представить борьбу с басмачами (к началу 1930-х годов конфликт практически сошел на нет) как оборону границ новых республик от бывших угнетателей. Заметим, что оборонная литература постоянно обращалась к недавней истории, в частности, к Гражданской войне, чтобы “учиться на героизме прошлой революционной борьбы” [6, с. 136]; см. также: [7, с. 175]. Легитимация советской национальной политики могла осуществиться только через разрешение локальных конфликтов. Это было реализовано в создании образа врага, почти ушедшего в прошлое, но готового вновь появиться в будущем.

Тема советской Центральной Азии и обороны ее границ в журнале “ЛОКАФ” вводится прежде всего пьесой Всеволода Иванова “Компромисс Наиб-Хана. Сцены пограничной жизни”, опубликованной в номере 2 за 1931 г.²

Действие пьесы разворачивается весной 1930 г. “в совхозе Кабиль, неподалеку от р. Аму-Дарьи, в Афганистане и в пограничном с Афганистаном городке М.”. Наиб-хан, “эмигрант, бывш<ий> властитель Хивы и Туркмении”, прячется в Афганистане и всеми способами пытается вернуть себе былую власть [10, с. 3]. Воспользовавшись недовольством баев, Наиб-хан снаряжает своих сыновей Рустама и Каушута захватить совхоз Кабиль, куда пастухи угнали байские стада. Заручившись поддержкой купца Измаил-аги (“величайший авантюрист нашего времени, в Европе более известный под именем полковника Лауренса” [10, с. 3]), Наиб-хан получает оружие.

² Позднее пьеса была напечатана в альманахе “Туркменистан весной” (1932), составленном по материалам писательской поездки в Туркмению. Поездка состоялась весной 1930 г., альманах, вероятнее всего, начали готовить в начале 1931 г. Тем интереснее, что “Компромисс Наиб-Хана” оказался напечатан в “ЛОКАФ” уже в февральском номере. Складывается впечатление, что писатель работал над “сценами” крайне быстро или заранее озаботился заготовками. Подробнее о писательских поездках в Туркмению см.: [8]; [9].

Компромисс заключается в том, что если оружие пропадет, Наиб-хан отвечает перед Измаил-агой всем своим имуществом. Весь диалог по поводу компромисса намекает на то, что оружие английское (Измаил-агу называют “представителем обширной империи”): “Афганцев никто не боится, но Англии боится весь мир” [10, с. 13].

В совхозе, однако, узнают о готовящемся нападении и собираются обороняться. Курбан — шпион Наиб-хана, проникший в совхоз под видом представителя хлопкома Мамедова, — пытается расстроить оборонительный план. Курбана разоблачает Хельг, невеста руководителя совхоза Халма Кенэ (главного протагониста). Чтобы проверить ее слова, Кенэ и политрук Гельды выслеживают байский отряд. Гельды притворяется странником, а Кенэ — его прокаженной матерью. В результате Гельды погибает от рук Рустама, но Кенэ удается подслушать разговор о планах Курбана. Совхоз получает преимущество, Курбан расстрелян, бай, испугавшись прилетевшего самолета красноармейцев, пытаются бежать обратно в Афганистан, бросив Рустама и Каушута привязанными к ослам. Однако, достигнутые пограничниками, бай оказываются окружены красноармейцами со всех сторон.

Колониальная тема в “сценах” не особенно выражена, однако можно вычленил несколько отсылок к ней. Так, телеграфистка Чулбабаева говорит о туркменах-красноармейцах следующее: “Они бывшие колониальные рабы царя и капиталистов” [10, с. 5]. Советский Союз скрыто противопоставлен империалистической Англии в лице полковника Лауренса. Естественно, местное население добровольно подчиняется советской власти: “Я бы желал согнать стада всех баев из Афганистана, Китая и Индии” [10, с. 15]. Упоминание Индии и Китая, видимо, не случайно: Индия отсылает к Британским колониям, а Китай — к конфликту на КВЖД в 1929 г., который также трактовался как происки империалистических стран (ситуации на советско-китайской границе посвящены и очерки В. Толстого под общим заглавием “Да-Джан”, опубликованные в “ЛОКАФ” в том же году в № 5–6). Колонизаторские черты появляются и, собственно, в образах антагонистов: в Афганистане Рустам носит европейское платье, во время похода — туркменское, вероятно, чтобы вызвать большее доверие среди баев. Также возникает распространенный мотив превращения “национала” в советского человека:

Рустам. Ты афганец?
Бармак. Да, был. <...>
Бармак. Да здравствует советская Азия [10, с. 21–22].

Всеволод Иванов, таким образом, отвечает одновременно на “оборонный” и на “колониальный” государственный запрос³. Как кажется, в тексте оборона небольшого совхоза от случайного набега подана как борьба с мировым империализмом в его колонизаторском проявлении — отсюда намеки на поддержку со стороны Великобритании, “обширной империи”.

Уже открытые выпады в сторону Великобритании появляются в произведениях менее известного автора — Павла Лина⁴, особенно явно — в его очерке “Stout” (1931, № 8):

Настоящие дела Англии совершаются на местах, в рабских колониях, в тиши провинции, в глухих городах. <...> Настоящие египетские дела английского империализма совершаются в Египте, где колониальные английские войска истребляют феллахов [11, с. 55].

В конце очерка фигурирует листовка, “призывающая к поддержке революции в Индии и свержению британского империализма” [11, с. 68]. Она приклеена к корпусу подводной лодки Stout и закрывает первые буквы таким образом, что получается out — “Вон”. Антиколониальная риторика на этот раз вложена в уста англичанина Артура Томпсона. Тема колониализма здесь напрямую вытекает из темы империализма, закрепляя для читателя связь между ними. Как и в случае с “Компромиссом Наиб-Хана”, Великобритания оказывается удобной мишенью для антиколониальной риторики. Автору, видимо, кажется важным подчеркнуть, что “деколонизировать” свою страну хочет сам ее житель. В очерке появляется и другой англичанин — Джек Броунли, “абсолютно советский человек”⁵ (ср. с ситуацией “я был афганцем” в “Компромиссе Наиб-Хана”). Как кажется, это сюжетное решение вытекает из того, что задача писателя в 1931 г. — продемонстрировать, что революция рано или поздно должна случиться в каждой стране. Ср. в вышеупомянутом цикле “Да-Джан”: “Советский Союз будет больше и больше. Китай присоединится. Потом Индия. Потом Европа. Политрук говорит, что в Америке позже всех революция будет” [12, с. 21]. По сути, за счет постоянного педалирования

³ Нам не удалось пока установить, писалось ли произведение специально для “ЛОКАФ” или все-таки для “Туркменистана весной” (см. примеч. 2; нам кажется это принципиальным для понимания того, на какой запрос Иванов отвечал в первую очередь).

⁴ Лин работал корреспондентом в газете “Труд”, служил на флоте, где, видимо, и сформировался как писатель. Его тексты в “ЛОКАФ” часто связаны с жизнью моряков.

⁵ “Джек меня прервал, обиделся и дал понять, что мы знакомы, как два абсолютно советских человека” [11, с. 63].

темы колоний и беспощадных к ним империалистов легитимируется советская политика в отношении собственных национальных республик, а также возможные внешнеполитические амбиции.

В случае с “Компромиссом Наиб-Хана” колониальная тема все-таки не становится главной, в первую очередь речь идет об обороне границ и индустриализации, и открытой пропаганды, за исключением речи одного из персонажей на собрании, нет, зато есть откровенно комические моменты. В “Stout”, наоборот, колониальная тема почти полностью замещает оборонную. Герой служит на торговом судне, и лишь в конце появляется подводная лодка — орудие врага. Со всем нехарактерно для оборонной литературы ее описание. Если обычно оружие, вне зависимости от того, кому оно принадлежит, описано с восхищением или нейтрально, то Stout должен вызывать у читателя отвращение: “...новорожденное чудовище, от свежей краски липкое, серо-зеленое и мокрое, как гной” [11, с. 65]. Лодка становится воплощением колониальной политики. Соединяя антиколониальную пропаганду с оборонной, писатель вынужден отойти от проверенной стратегии. Скомпенсировано это, однако, тем, что речь ведется от первого лица и в уста героев пропаганда вложена открыто. У читателя не должно возникнуть заблуждения, что война плоха сама по себе, “пацифистских настроений”⁶. Плохо орудие колонистов, антиколониальная война будет благом. Интересно, что каждый из писателей решает задачу в привычных ему декорациях: для Иванова это ориентальная тема, для Лина — морская. Отвечая одновременно на антиколониальный и оборонный запрос, оба они выбирают оптимальный маневр между собственными писательскими целям и идеологией. Сопрежение оборонной темы с колониальной в художественных текстах пока не получает характерной риторической окраски, однако сочетание “колониальные рабы” встречается и позднее. Вообще соотносимость “колониализма” с “рабством” — одна из тем, которые педалируются в литературе о советских национальных республиках. Читательское внимание привлекается к ключевым элементам колониального сюжета: рабство и освобождение, амбиции империалистов, мирная оборонная политика СССР.

Уже в “Знамени” будет опубликована критическая статья “Всеволод Иванов — драматург” (1933, № 12), автор которой П. Березов положительно

⁶ О пацифизме в оборонной литературе см., например, статью Н. Свирина “Против пацифистских тенденций в советской литературе” (ЛОКАФ. 1931. № 9).

оценит “Компромисс Наиб-Хана” [13]. В статье нет прямых указаний на колониальную тему, однако присутствует такое характерное для литературной критики первой половины 1930-х годов понятие, как “экзотика”: “Автор не впадает в традиционно экзотическую трактовку Востока. <...> Автор расценивает жизненные явления прежде всего с точки зрения классовой борьбы” [13, с. 194]. В статьях этого периода оно обычно означает поверхностное отношение к описываемой республике, которое наследует дореволюционному, а следовательно, “колониальному” изображению [14, с. 6]. По мнению критика, колониальная тема была решена в пьесе Иванова достаточно хорошо, она может служить образцом для новой литературы о Туркмении. Как кажется, стратегия Иванова оказалась удачной, работа с темой освобожденной колонии соответствовала актуальному запросу.

Колониальной темы также касаются критические статьи времен ЛОКАФ. Так как их содержание по существу предписывающее, в них мы встречаем указания на то, какие аспекты автор должен затрагивать в своих произведениях. Для критических статей в “ЛОКАФ” в целом характерна большая, чем для беллетристики, шаблонность. Воспроизводится один и тот же паттерн: творчество автора характеризуется по наличию в нем “империалистических”, “шовинистических”, “пацифистских” и “экзотических” тенденций положительно или отрицательно (если критик решает, что такие черты есть, произведение характеризуется как неудачное). Такая классификация встраивает оборонный сюжет в ценностную систему: критик пользуется набором характеристик и помещает произведение в соответствующую нишу, в которой, как кажется, оно и закрепляется впоследствии. В случае если произведение или сборник получают одобрительный отклик, в конце рецензии отмечаются мелкие недочеты. Так или иначе, любой критический текст завершается дежурным заявлением о необходимости следовать принципам диалектического материализма, отражать классовую борьбу и разоблачать врагов-империалистов.

В номерах журнала “ЛОКАФ” за 1932 г. (в 1931 г. колониальная тема в критике не затрагивается) феномен антиколониальной риторики наиболее отчетливо проявляется в статье “Колонии кричат” А. Тарасенкова (№ 5), в анонимном тексте «Преодоление “экзотики”» (№ 8–9) и отзыве А. Мингулиной “Восстающие колонии” (№ 10).

В первом из этих трех текстов речь идет о сборнике стихотворений Анатоля Гидаша (наст.

имя – Антал Гидаш) – венгерского поэта и прозаика, принимавшего активное участие в деятельности ЛОКАФ и в издании журнала⁷. Сборник “Колонии кричат” вышел в переводе А. Ромма.

Тарасенкова можно назвать “дежурным критиком” “ЛОКАФ” по поэзии. За два первых года существования журнала почти все рецензии на сборники стихотворений выходили с его подписью. В своих текстах Тарасенков последовательно критикует “буржуазную” поэзию. Помимо прочего, рецензия на сборник Гидаша интересна и тем, что разбираются переводные произведения. Чаще всего они оценивались исходя из лояльности автора СССР. Гидаш, однако, занимает промежуточную позицию между советскими и иностранными авторами (к моменту выхода рецензии он живет в СССР уже около семи лет).

Тарасенков начитает с характерного для тех лет заявления о “колониальной политике” Второго Интернационала и “гандистско-толстовской” продаже национально-колониального движения в руки отечественной и метропольной буржуазии” [15, с. 149]. Под “гандистско-толстовской продажей”, вероятнее всего, автор имеет в виду пацифизм. Помимо Индии и Африки, в число колоний он включает также Китай (ср. с “Да-Джан”, где китайские солдаты предстают изможденными мучениками, которые сами не хотят воевать с советскими).

Рецензия на сборник в целом хвалебная, Тарасенков хвалит Гидаша за “боевые революционные лозунги, реализованные в образах борющихся (sic!) угнетенных колониальных и полуколониальных народностей” [15, с. 149]. Отрицательные оценки в основном сводятся к творческому методу Гидаша. Автор рецензии разбирает стихотворения “Гвозди привезли”, “Кто ты такой?”, “Но Африка наша”, “О советская родина”, “Чапей”, “Ну, а дальше”. Тарасенков хвалит Гидаша одновременно за интернационализм и за передачу национальных особенностей. Последнее характерно для колониальной темы в советской критике: если речь идет о народе, который угнетают империалисты, важной оказывается национальная тема. Когда же речь заходит о внутрисоветской ситуации, например о басмачестве в Центральной Азии, та часть местного населения, которая не приняла советскую власть, обвиняется в “национализме”, под которым, как уже было сказано, фактически подразумевается сепаратизм

[16, с. 137]. Лавирование между “национальным” и “националистическим” зависит, таким образом, от лояльности советской власти. Однако в рецензии Тарасенкова национальная тема упомянута лишь вскользь, даже когда он цитирует строки:

Белый убийца, белый злодей,
Дитятко,
Он хуже змей, он тигра злей,
Дитятко [15, с. 149].

Оценки постоянно смещаются в сторону классово-борьбы. Культура колоний не интересует Тарасенкова. В первую очередь ему важна борьба с эксплуататорами, все равно в какой стране. Интересно, что Тарасенков почти не касается темы собственно козней империалистов. Так, в случае с Китаем речь идет в первую очередь о владычестве “мандаиринов, помещиков и ростовщиков” [15, с. 150]. Особенно Тарасенкову нравится, что восставшие “колониальные народы” объединяются с простыми рабочими. Типично для подобного рода рецензий и упоминание “мелкобуржуазных гуманистов”, которым противопоставлена готовность физически уничтожить “эксплуататоров” (sic!). Впрочем, призывы уничтожить “материально-техническую культуру капитализма” Тарасенков оценивает как небольшевиетские и анархические [15, с. 150].

На первый взгляд неочевидно, почему рецензия на этот сборник оказалась в журнале оборонной тематики. Однако авторов “ЛОКАФ” часто интересует зарубежная внутренняя политика. Под грядущей войной они подразумевают в первую очередь классовую войну. Оказывается важным подвести к этой теме любые произведения, хотя бы отчасти затрагивающие тему свержения существующего строя. У Тарасенкова мы уже находим устойчивое употребление слова “национальный” по отношению к культуре угнетенных народов (в меньшей степени) и их борьбе за свободу (в большей). Читателя таким образом подспудно укрепляют в мысли, что “мирная оборонная политика СССР” и деколонизация направлена на самом деле на сохранение национальных культур.

Рецензия “Восстающие колонии” А. Мингулиной посвящена книгам Сесара Вальехо “Вольфрам” и Шарля Буссино “Жалкий люд”, как раз опубликованных на русском (в первой речь идет об индейцах в Латинской Америке, во второй – о феллах в Тунисе). Большая часть рецензии представляет собой простой пересказ романов, однако есть характерные оценочные суждения. Традиционно Мингулина начинает с подразделения писателей на три типа: “открытые идеологи империализма”, мелкобуржуазные

⁷ В 1925 г. Гидаш эмигрировал в СССР, позже подвергся репрессиям, а после реабилитации занимался переводами с венгерского, пока не получил разрешение вернуться в Венгрию.

и революционные (фактически – открыто сочувствующие СССР). Интересен характер словоупотребления: романы революционных писателей Мингулина называет “колониальными”, не подразумевая негативной коннотации. Колониальные в данном случае означает “написанные о колониях”. В советской публицистике встречается, однако, и другое употребление. Так, в рецензиях на альманахи, посвященные республикам Центральной Азии, слово “колониальный” по отношению к зарубежной литературе употребляется в негативном ключе [17, с. 174]. Терминология, таким образом, оказывается неустоявшейся. Со статьей Тарасенкова у рецензии Мингулиной много общего. Она повторяет идеологические штампы относительно межнационального единения (на этот раз – индейцев с простыми рабочими) и рисует мрачную картину колонизаторских империалистических козней. Однако с оборонной темой тема колоний у Мингулиной сопрягается иначе, чем у Тарасенкова. Одной из задач оборонной литературы была критика дореволюционной армии, Мингулина точно так же критикует “колониальную армию”:

Среди самых разнообразных видов угнетения, военная служба в империалистической армии – самое страшное, самое тяжелое для туземца. <...> Мы знаем, что властью оружия и средствами запугивания империалисты в значительной степени пополняют контингент своих армий туземными войсками... <и т.д.> [18, с. 187].

Империалистическая армия подспудно противопоставлена советской уже с другого ракурса: в РККА бывшие колониальные народы вступают добровольно, она становится социальным лифтом, а империалисты их заставляют. Так появляется новый паттерн для колониальной темы. Читателю транслируется мысль о том, что вся империалистическая армия колониальна по своей сути. Дежурные претензии к текстам сводятся в основном к “экзотике”.

Этой последней теме и посвящена статья «Преодоление “экзотики”» о книге Петра Павленко “Путешествие в Туркменистан” (Туркмения по какой-то причине привлекает особое внимание писателей). Эта статья лучше всего позволяет уточнить содержание понятия “экзотика” в 1930-е годы. Аксиология статьи базируется на уже описанных принципах: писателя хвалят за то, что он “преодолеет” собственный творческий метод, в конце указаны незначительные “рецидивы”. В случае Павленко объектом преодоления становится “экзотика”, которая, по мнению автора рецензии, заключается

в любовании восточной эстетикой и “буржуазном ориентализме” [19, с. 217]. Однако сама по себе статья выбивается из общего ряда – оборонная тематика в ней вообще никак не представлена; в самой книге упоминаются пограничники, но лишь вскользь. Впрочем, Павленко был членом ЛОКАФ, позднее активно печатался в “Знамени”. Сама принадлежность автора к группе автоматически включает его произведение в круг “оборонных” литераторов. В рецензии колониальная тема и вовсе подменяет оборонную полностью.

Впоследствии журнал будет касаться колониальной темы реже. В настоящей статье мы попытались проследить начальное состояние, когда редакция ищет пути соединения “колониальности” с “оборонностью” (хотя в статье «Преодоление “экзотики”» уже намечается превалирование принадлежности автора к кругу журнала над собственно оборонной темой). Критические обзоры в журнале “ЛОКАФ” формируют особую антиколониальную риторику, а специфическая терминология этих текстов дискурсивно оформляет молодую советскую идеологию. Уже на начальном этапе можно увидеть активно тиражируемый риторический инструментарий, который можно применить практически к любому произведению на антиколониальную тему. Художественные тексты отвечают ожиданиям критики, воспроизводя характерные паттерны, используют удобные для обличения мишени, тем самым противопоставляют колониальное отношение к угнетенным народам советскому. Так антиколониальная “оборонность” встраивается в произведение как раз в той мере, чтобы выдать читателю идеологические ориентиры. Писательская стратегия в этом отношении совпадает с общей стратегией журнала: автор работает с удобной для себя темой, помещая ее в антиколониальные декорации. И писатели, и критики по-разному встраивают колониальный элемент в оборонный текст. Остается неизменным, однако, мысль о том, что колониализм будет повержен вместе с империализмом в будущей войне. Так можно легитимировать не только внутреннюю политику СССР, но и внешнюю: любой выпад в сторону других стран потенциально оценивается как помощь угнетенным народам колоний.

Конечно, ситуация с “постколониальной” советской оптикой была значительно сложнее. Само отношение к читателю, которому нужно растолковать, кто прав, а кто виноват в сложившейся международной ситуации, означает, что он представляется оборонным литераторам наивным, нуждающимся в обучении. Оборонный автор так

или иначе занимает главенствующую позицию, он управляет читателем и направляет его в соответствии с актуальной идеологической повесткой. Эта повестка, в свою очередь, транслируется автору организацией, в нашем случае – ЛОКАФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München: Verlag Otto Sagner, 1993. 405 с.
2. Добренко Е. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 225–241.
3. Закружная З.С. Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма // *Studia Literrarum*. 2019. Т. 4. № 2. С. 44–61.
4. Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
5. Hirsch, F. *Empire of Nations. Ethnographic knowledge and making the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 392 p.
6. Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 135–138.
7. Закружная З.С. Принципы изображения героя Гражданской войны в литературно-критических выступлениях членов ЛОКАФ (по материалам архива ОР ИМЛИ РАН) // *Вестник славянских культур*. 2018. Т. 49. С. 171–184.
8. Рожентцева Е.А. Опыт документирования туркменских поездок А.П. Платонова // *Архив Андрея Платонова*. Кн. 1. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. С. 398–407.
9. Holt K. Collective Authorship and Platonov’s Socialistic Realism // *Russian Literature*. 2013. Vol. 73. P. 57–83.
10. Иванов В. Компромисс Наиб-Хана (Сцены пограничной жизни) // ЛОКАФ. 1931. № 2. С. 3–46.
11. Лин П. Stout // ЛОКАФ. 1931. № 8. С. 57–68.
12. Толстой В. Да-Джан // ЛОКАФ. 1931. № 5–6. С. 3–21.
13. Березов П. Всеволод Иванов — драматург // *Знамя*. 1933. № 12. С. 188–197.
14. Schimmelpennick van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, CT: Yale University Press, 2010. 312 p.
15. Тарасенков А. <Рец. на:> Гидаш А. “Колонии кричат” // ЛОКАФ. 1932. № 5. С. 149–151.
16. Таш-Назаров О. Доклад о литературе Туркменской СССР // Первый Всесоюзный съезд

советских писателей. Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 136–140.

17. Бурцева А.О. Познание “изнутри” и “снаружи”: литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. // *Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей*. М.: Буки-Веди, 2020. С. 160–175.
18. Мингулина Н. Восстающие колонии // ЛОКАФ. 1932. № 10. С. 184–187.
19. Б. П. Преодоление “экзотики” // ЛОКАФ. 1932. № 8–9. С. 217–219.

REFERENCES

1. Dobrenko, E. *Metafora vlasti: Literatura stalinskoj epokhi v istoricheskom osveshchenii* [Metaphor of Power: Literature of the Stalin Era in Historical Context]. München, Verlag Otto Sagner, 1993. 405 p. (In Russ.)
2. Dobrenko, E. *Oboronnaia literatura i sotsrealizm: LOKAF* [Defense Literature and Socialist Realism: LOKAF]. *Sotsrealisticheskij kanon* [Socialist Realist Canon]. St. Petersburg, Akademicheskij Proekt Publ., 2000, pp. 225–241. (In Russ.)
3. Zakruzhnaya, Z.S. *Literaturnoe objedinenie Krasnoj armii i flota i Sojuz sovetskikh pisatelej: k voprosu ob istokakh sotsrealizma* [Literary Association of the Red Army and Navy and the Union of Soviet Writers: Unpacking the Origins of Social Realism]. *Studia Literrarum*, 2019, Vol. 4, No. 2, pp. 44–61. (In Russ.)
4. Abashin, S.N. *Sovetskii kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizatsiei* [Soviet Kishlak. Between Colonialism and Modernization]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015. 720 p. (In Russ.)
5. Hirsch, F. *Empire of Nations. Ethnographic knowledge and making the Soviet Union*. Ithaca, Cornell University Press, 2005, 392 p.
6. *Novyj bataljon proletarskoj literatury* [New Squadron of Proletarian Literature]. *LOKAF*, 1931, No. 1, pp. 135–138. (In Russ.)
7. Zakruzhnaya, Z.S. *Printsipy izobrazhenija geraja Grazhdanskoj vojny v literaturno-kriticheskikh vystuplenijakh chlenov LOKAF (po materialam arkhiva OR IMLI RAN)* [Principles of Representation of the Civil War Hero in Literary Criticism of LOKAF Members (Based on the Materials of the Department of Manuscripts of the IWL RAS)]. *Vestnik slavianskikh kultur* [Hearld of Slavic Cultures], 2018, Vol. 49, pp. 171–184. (In Russ.)
8. Rozhentseva, E.A. *Opyt dokumentirovaniia turkmenskikh poezdok A.P. Platonova* [Attempt on Recording of A.P. Platonov’s Turkmen Trips]. *Arkhiv Andreja Platonova* [Andrey Platonov’s Archive]. Book 1. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 398–407. (In Russ.)

9. Holt, K. Collective Authorship and Platonov's Socialistic Realism. *Russian Literature*, 2013, Vol. 73, pp. 57–83.
10. Ivanov, V. *Kompromiss Naib-Khana (Stseny pograničnoj zhizni)* [Naib-Khan's Compromise (Scenes from Life on the Border)]. *LOKAF*, 1931, No. 2, pp. 3–46. (In Russ.)
11. Lin, P. Stout. *LOKAF*, 1931, No. 8, pp. 57–68. (In Russ.)
12. Tolstoy, V. Da-Dzhan. *LOKAF*, 1931, No. 5–6, pp. 3–21. (In Russ.)
13. Berezov, P. *Vsevolod Ivanov – dramaturg* [Vsevolod Ivanov as a Playwright]. *Znamja* [The Banner], 1933, No. 12, pp. 188–197. (In Russ.)
14. Schimmelpennick van der Oye, D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, CT, Yale University Press, 2010, 312 p.
15. Tarasenkov, A. <Rets. na> *Gidash A. “Kolonii krichat”* [*Rev. of.* Gidash A. “Colonies are Screaming”]. *LOKAF*, No. 5, pp. 149–151. (In Russ.)
16. Tash-Nazarov, O. *Doklad O. Tash-Nazarova o literature Turkmenskoj SSSR* [Report of O. Tash-Nazarov about the Literature of Turkmen SSR]. *Pervyi Vsesoiuznyj sjezd sovetskikh pisatelej. Stenograficheskij otchet* [The First Congress of Soviet Writers. Shorthand Record]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1934, pp. 136–140. (In Russ.)
17. Burtseva, A.O. *Poznanie “iznutri” i “snaryzhi”: literaturnaja kritika o turkmenskikh almanakhah 1930-kh gg.* [“Inside” and “Outside” Knowledge: Turkmen Almanacs of the 1930s in Critical Reviews]. *Tekstologija i istoriko-literaturnyj protsess* [Textual Criticism and Historical Literary Process]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2020, pp. 160–175. (In Russ.)
18. Mingulina, N. *Vosstavshije kolonii* [Rebel Colonies]. *LOKAF*, 1932, No. 10, pp. 184–187. (In Russ.)
19. B.P. *Preodolenije “ekzotiki”* [Defeating “Exoticism”]. *LOKAF*, 1932, No. 8–9, pp. 217–219. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 мая 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 июня 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on May 25, 2021

Revised on June 28, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150013617-1

Интермедиальность и городской текст: к анализу понятия “городской картины”

© 2021 г. М. А. Козлова

аспирант

Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6
ORCID ID: 0000-0002-5114-5627
kir-ha@yandex.ru

Резюме. В статье предпринимается попытка рассмотреть в рамках интермедиальной методологии особый тип текста, называемый “городской картиной”. Вначале производится разграничение понятий “городской текст” и “городская картина”, где вторая понимается как отдельная разновидность городского текста, структурным и смыслообразующим элементом которого является репрезентируемый в произведении или же его отрывке образ города. Городской текст, в свою очередь, определяется одновременно как система знаков (город как текст, в семиотической перспективе) и как семантически связанная общность текстов о городе. Далее приводится анализ основных подходов к изучению явлений, условно обозначаемых зонтичным термином “интермедиальные отношения”, с целью определить инструментарий для последующей работы. В наиболее обобщенном виде интермедиальный подход рассматривает переносы и переходы различных элементов между так называемыми медиумами (или “медиа”), то есть системами средств выражения, или же между двумя произведениями, созданными в рамках того или иного “медиума”. Предпосылками к исследованию текстов в свете интермедиального подхода выступают междисциплинарная природа городского текста и включенность визуального компонента как в само понятие “городская картина”, так и в тексты, классифицируемые как примеры данного типа письма. На примере произведений отдельных авторов (Ш. Бодлер, А. Бертран, Л.-С. Мерсье, Э. Верхарн, Ж. Роденбах) производятся попытки анализа интермедиальных связей в рамках “городской картины”. В первую очередь, приводится анализ взаимосвязей литературы и живописи в избранных произведениях, затем – особенностей связей в иллюстрированных изданиях, а также “обратный” медиальный переход в область изобразительного искусства. В заключение делается вывод о продуктивности описанного подхода для анализа городских текстов.

Ключевые слова: интермедиальность, городской текст, городская картина, французская литература, Шарль Бодлер, бельгийский символизм, Жорж Роденбах, Эмиль Верхарн.

Для цитирования: Козлова М.А. Интермедиальность и городской текст: к анализу понятия “городской картины” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 43–53. DOI: 10.31857/S241377150013617-1

Intermediality and the City Text: Towards an Analysis of a “City Picture”

© 2021 Marina A. Kozlova

PhD student

at the Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5114-5627
kir-ha@yandex.ru

Abstract. This paper attempts to examine a specific type of text, called the “city picture”, by use of intermedial methodology. Firstly, it distinguishes between the “city text” and the “city picture”: the latter is understood as a particular type of urban text, which structural and semantic element is represented in a text, or its fragment, by the image of the city. The urban text is defined as both a system of signs (“the city as text”, in a semiotic perspective) and as a semantically connected group of texts about the city. Then follows an analysis of the main approaches to the intermedial study to identify the tools for further work. The prerequisites for the study of the urban text in the perspective of intermedial approach are the interdisciplinary nature of the urban text and the inclusion of the visual component both in the concept of the “city picture” itself and in the selected texts. On the example of the works Ch. Baudelaire, A. Bertrand, L.-S. Mercier, É. Verhaeren, G. Rodenbach the author tries to analyze different types of intermedial connections that the “city picture” can create. This includes an analysis of the relationships between literature and painting in selected works, then in the illustrated editions, as well as a “reverse” medial transition into the field of visual art. In the end it concludes that the described approach is applicable for the analysis of urban texts.

Key words: intermediality, city text, city picture, French literature, Charles Baudelaire, Belgian symbolism, Georges Rodenbach, Emile Verhaeren.

For citation: Kozlova, M.A. *Intermedialnost i gorodskoj tekst: k analizu ponjatija “gorodskoj kartiny”* [Intermediality and the City Text: Towards an Analysis of an “City Picture”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 43–53. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150013617-1

“Городская картина” vs “городской текст”: границы понятий

В статье предпринимается попытка рассмотреть с точки зрения теории интермедальности возможные подходы к типу текстов, которые определяются нами как “городские картины”. Использование интермедального подхода представляется целесообразным ввиду особенного, междисциплинарного характера городских текстов. С понятием интермедальности, означаемым, в наиболее общем виде, переход между формами выражения и видами искусства, “городские картины” связывает отсутствие четкой жанровой и родовой характеристики, наличие отсылок к области изобразительного искусства, специфичность и текучесть формы. Помимо этого, на выбор метода повлиял тот факт, что, несмотря на его актуальность и активное использование в научном дискурсе, на русском языке представлена лишь небольшая часть подобных исследований¹. В качестве примера текстов, которые могут быть рассмотрены с применением указанного подхода, в статье приводятся произведения бельгийских символистов.

В первую очередь, для решения поставленной задачи необходимо пояснить, в чем заключается отличие “городской картины” от более объемного

понятия “городской текст”. Рассмотрим основные предпосылки к выбору нами вышеупомянутого понятия.

В 1980 году вышла работа немецкого литературоведа Карлхайнца Штирле «Бодлер и традиция “Парижской картины”», в которой “городской текст” Бодлера, то есть сборник “Парижский сплин” и цикл стихотворений “Парижские картины”, рассматривается в контексте эволюции специфического жанра “парижской картины”, появившегося в XVIII веке [1]. Этот жанр, как отмечает Штирле, не является в строгом смысле литературным, он не имеет жестких нормативных рамок (например, не ограничивается прозой или поэзией, а в случае Бодлера находит свое воплощение в гибридной и противоречивой форме “стихотворения в прозе”), более того — он меняется одновременно со своим объектом — городом и исторической реальностью. В монографии “Столица знаков. Париж и его дискурс” (1993) Штирле развивает параллель между городом и текстом, применяя к городскому пространству понятие “читаемость” [2, с. 2–3] (*lisibilité*). Таким образом, “самосознание города” являет себя через определенные “городские тексты”, из которых составляется город как свертхтекст (или же текст города), то есть семантически связанная общность текстов.

Работы Штирле наметили целый ряд универсальных проблем изучения репрезентации города в литературе, которые, как нам представляется, позволяют расширить предмет исследования от “парижской картины” до “городской”. В пользу этой идеи говорит и тот факт, что попытки

¹ Обзор наиболее важных и актуальных трудов по интермедальности представлен в работе: *Ананьина О.А.* Новые книги об интер- и трансмедальности // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований.* 2016. Т. 1. № 4. С. 285–296. См. также другие работы в указанном номере журнала.

изучения подобного типа текста предпринимались в рамках концепции “Петербургского текста” В.Н. Топоровым [3] и Ю.М. Лотманом [4].

“Городскую картину” мы понимаем как разновидность городского текста, репрезентирующего представление городского пространства в виде описания (или с элементами описания), с тем обязательным условием, что образ города является самостоятельным смыслообразующим элементом текста. Как правило, городская картина содержит отсылки к реальной топонимике, но осознанно выходит за ее границы: как замечает Кристин Шмидер, “всемогущий художник не только интерпретирует реальность города, но и воссоздает ее с помощью еще одного, даже более истинного, слоя, относящегося к работе воображения” [5].

Мы предлагаем использовать термин “городская картина”, отделяя данный тип текста от приведенного выше более общего понятия “городской текст”. Последний термин также проблематичен, так как может быть понят двояко. В первую очередь — как любой текст о городе, то есть текст, принадлежащий любому жанру или роду литературы, где присутствует образ города; либо же как “текст города”, или знаковая система — в рамках семиотической парадигмы. Понятие “картина” объединяет в себе терминологию из области изобразительного искусства, а также, в понимании Луи-Себастьяна Мерсье, автора “Картин Парижа” (1781–1788), первого подобного произведения в истории литературы, связано с теорией драмы Дени Дидро. Для последнего она представляет кульминационный момент театрального действия: “Une disposition des personnages sur la scène, si naturelle et si vraie, que rendue fidèlement par un peintre, elle me plairait sur la toile, est un tableau” [6, с. 7] (“расположение персонажей на сцене, столь естественное и настоящее, что, будь оно точно перенесено художником на полотно, то представляло бы собой картину”). Как отмечает Штирле в ранее процитированной нами статье, “картина” — своего рода гибридизация различных форм искусства: драмы, жанровой живописи, текста [1, с. 345], и эту особенность мы берем за основу нашего анализа.

Понимая невозможность рассмотрения “городской картины” в рамках статьи с точки зрения всех возможных подходов к этому виду текста, сосредоточимся на ее рассмотрении в рамках интермедиального подхода как одного из наиболее актуальных в настоящий момент.

Определение интермедиального подхода

Приведем основные концепции того, что различные ученые понимают под интермедиальным методом и интермедиаальностью как таковой.

В монографии “Интермедиаальность в модернизме” А. Оге Ханзен-Лёве приводит следующее определение: “Перевод (с одного языка искусства на другой) в рамках одной культуры, либо объединение, между различными элементами искусства в мономедийном (литература, живопись и др.) или мультимедийном (театр, кино и др.) тексте” [7, с. 291]. В книге “Интермедиаальность в русской культуре. От символизма к авангарду” Ханзен-Лёве отмечает, что концепция “взаимного освещения художественных форм” (Г. Вёльфлин, О. Вальцель) появилась в эпоху модернизма, в то время как первыми теоретиками искусства и отчасти интермедиаальности (в аспекте взаимодействия литературой концепций изобразительного искусства, “перевода” этих концепций на язык литературы) стали русские формалисты [8, с. 17]. Важную роль сыграли исследования ученых Тартуско-Московской школы семиотики (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Б.М. Гаспаров), которые, по мнению немецкого ученого, отличались определенным логоцентризмом [8, с. 19], то есть проецировали “знаковую модель вербальности” на другие медиа. Следует отметить, что и в современной науке интермедиаальные исследования наиболее активно развиваются именно в области филологических наук.

Э.В. Седых определяет интермедиаальность следующим образом: “В широком смысле интермедиаальность — создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры. В узком — особый тип внутритекстовых взаимоотношений в художественном произведении, где взаимодействуют разные виды искусства” [9, с. 210]. А.А. Хаминова и Н.Н. Зимберман, апеллируя к значению приставки “интер” (“между”, “среди”) понимают интермедиаальность как механизм взаимодействия медиа, при котором контактирующие медиа не просто соединяются в едином синтетичном пространстве, но включаются друг в друга, пересекая границы, оказывая взаимное влияние, видоизменяя и трансформируя друг друга [10, с. 39]. Исследователи также отмечают, что интермедиаальность как область исследований сложилась на основе взаимного пересечения двух предметных областей: интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт) и “взаимодействия искусств” (от *ut pictura poesis* Горация до концепций Вёльфлина, Вагнера о синтезе

искусств, Лессинга — о границах и иерархии видов искусств).

Как пишут А.В. Марков и О.Н. Турышева, для исследователя термин интермедиальность подразумевает “взаимодействие искусств” в пределах одного художественного целого, “сотрудничество разных медиа” в тексте [11, с. 84]. Н.В. Тишунина предлагает два определения данного термина. В широком смысле под интермедиаальностью понимается «создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры (или создание художественного “метаязыка” культуры)» [12, с. 4], в узком же смысле, интермедиаальность — это “особый тип структурных взаимосвязей внутри художественного произведения, основанный на взаимодействии языков различных видов искусства в системе единого художественного целого”, “наличие в художественном произведении таких образных структур, которые заключают информацию о другом виде искусства” [13, с. 102].

А.Ю. Тимашков, основываясь в первую очередь на концепции Ханзен-Лёве, предлагает рассматривать интермедиаальность в двух модальностях: в качестве авторской стратегии, становление которой связано с определенными историческими предпосылками, и в качестве универсального принципа творчества [14, с. 4]. Габриэле Риппл во вступлении к книге “Handbook of intermediality” отмечает, что популярность и важность интермедиаальных исследований связана с тем фактом, что в современную цифровую эпоху различные произведения искусства, культуры, литературные тексты могут по-разному комбинироваться и взаимодействовать [15, с. 3]. Помимо этого, объектом изучения в интермедиаальных исследованиях могут стать следующие явления: интер-, мульти-, полимедиаальность, интермедиаальные отсылки, трансмедийность, интермедиаальная методология и связанные с ней концепты, например, визуальная культура, визуальное в литературе, музыкальность прозы и поэзии, звуковая природа литературы, ремедиация, адаптация, мультимедиаальность [15, с. 3].

Остается проблематичным и определение термина медиа, для которого исследователи приводят следующие толкования. А.А. Хамина и Н.Н. Зимберман определяют медиа как “коммуникативный канал, способ передачи информации; средство массовой информации” или “знаковую систему” [10, с. 39]. А.Ю. Тимашков обращается к концепции М. Маклюэна, согласно которой медиа определяется с максимальной широтой: это — “язык (как говорение, так и

письмо), числа, средства передвижения, средства коммуникации и средства идеологического воздействия, средства уничтожения” [16, с. 113]; также сочетание двух медиа (гибридизация) рождает новые формы, с которыми может иметь дело теория интермедиаальности. Тимашков делит концепции медиа на две группы: технологические (Г. Мейн, У. Пайлиотет, М. Лехтонен) и семиотические (то есть рассматривающие медиа в первую очередь как знаковую систему) — так данный термин понимают О. Ханзен-Лёве, Е. Хесс-Люттих, Д. Хиггинс, И. Пэч, Ю. Мюллер, Ф. Хэйуорд, И. Шпильман [16, с. 115]. И.П. Ильин подразумевает под “медиа” некую знаковую систему, содержащую в себе закодированное сообщение; так как с точки зрения семиотики все эти средства передачи информации равноправны, различие их состоит лишь в том, что они организуются согласно правилам того вида искусства, к которому принадлежат; все медиа в одинаковой мере образуют “метаязык” культуры определенного периода [17, с. 8]. Схожим образом, отмечают А.А. Хамина и Н.Н. Зимберман, термин “медиа” может быть также понят как среда, пространство, внутри которого происходит формирование и трансляция культурных кодов [10, с. 39]. Если поставить концепцию интермедиаальности и ее интерпретацию в зависимость от соответствующей трактовки понятия “медиа”, мы получим различные определения, как правило, не исключающие друг друга, а скорее максимально расширяющие поле интермедиаальных исследований.

Предпосылки к исследованию городского текста в интермедиаальном ключе

Ирина Раевски отмечает, что “интермедиаальность” представляет собой “зонтичный термин”, подчеркивая тот факт, что под интермедиаальностью может пониматься крайне широкий круг явлений [18, с. 43]. В определенном смысле, таким же термином можно назвать и “городской текст”, поскольку в рамках этой категории могут быть объединены как тексты о городе, принадлежащие к различным жанрам, так и сам “текст города” в том смысле, который придает этому понятию семиотика. Так, Ролан Барт уподобляет город тексту² в работе “Семиология и градостроение” через понятие “читаемости текста” [19, с. 11]. Барт также замечает, что город — своего

² См. также: *Трушина Л.Е.* Интерпретация визуальных текстов городского пространства // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. / Материалы научной конференции. 26–27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 155–157.

рода “письмо”, а тот, кто передвигается и живет в городе, его “пользователь”, то есть, читатель, согласовываясь со своими обязанностями и особенностями передвижения, выбирает из фразы некоторые фрагменты высказывания для их актуализации [19, с. 13]; а Карлхайнц Штирле представляет Париж как систему знаков, подлежащих расшифровке [20, с. 11]. Важно, что как городские могут быть определены и тексты, не относящиеся к художественной литературе: например, философские концепции города – от античности до постмодерна, социологические и культурологические работы, публицистика и эссеистика, биографические и автобиографические тексты.

Пространство города многослойно, что предполагает многоаспектное его изучение, как следствие, с точки зрения методологии, применение к исследованию инструментария конкретной дисциплины осложняется тем, что те или иные аспекты окажутся вне дисциплинарных рамок. Таким образом, междисциплинарный подход к “городской картине” как специфическому виду текста представляется нам наиболее адекватным и уместным.

Как и в отношении интермедиальности, впрочем, следует отметить, наиболее удачные исследования, на наш взгляд, в области городского текста были проведены именно в рамках литературоведения (работы о “петербургском тексте” Тартуско-Московской школы, структуралистская критика, о “парижском тексте” В. Беньямина [21], П. Ситрона [22], К. Штирле [1, 2], “Поэтика города” П. Сансо [23], исследование взаимоотношений поэта и городского пространства в монографии П. Лубье [24]). Таким образом, для выбора конкретной концепции в рамках отдельного исследования следует определить те “медиа” (или “медиумы”), в терминологии Ханзен-Лёве³, которые должны быть затронуты в работе, а также установить место интермедиальной парадигмы в общем методологическом аппарате.

На первый взгляд, введение интермедиального пласта в исследование городского текста может показаться искусственным, в том смысле, что если перечисленные выше дисциплины (филология, социология, семиотика) уже достаточно

широко освоили городской дискурс, то вопросы соотношения медиа, понятых в узком смысле как средства выражения определенного вида искусства, с городским текстом воспринимаются как некое дополнительное наслоение. Однако анализ некоторого количества источников позволяет утверждать, что в сознании авторов город часто мыслится именно в категориях визуального.

Городской текст как интермедиальный феномен

Так, Луи-Себастьян Мерсье создает “Картины Парижа” (1781–1788), в которых описывает и обличает нравы своего времени; как мы уже заметили ранее, Мерсье воспринимает “картину” как смешанный жанр, и здесь важно употребление множественного числа: автор представляет зрителю не цельную панораму, а отдельные сценки. Эта фрагментарность текстов, относимых нами к жанру “городской картины”, сходна с характеристикой другого “гибридного” жанра литературы – стихотворения в прозе, по определению Сюзанны Бернад [25, с. 434]; она будет обнаруживаться и в последующих примерах.

Алоизиус Бертран дает своему сборнику стихотворений в прозе “Гаспар из тьмы” (1842) подзаголовок “Фантазии в манере Рембрандта и Калло”. Его Гаспар, автор загадочной рукописи, создал свое произведение в попытках найти истинное искусство: “Эта рукопись поведаст вам, – добавил он, – сколько инструментов испробовал я, прежде чем нашел тот, что издает чистый и выразительный Звук, сколько кистей я извел, прежде чем заметил на полотне слабые признаки светотени. Здесь приведены, быть может, новые основы гармонии и красок – единственный итог моих ночных бдений – и единственная за них награда” [26, с. 9]. Сам же Бертран в своих миниатюрах изображает городскую среду через небольшие сценки, напоминающие сюжеты жанровой живописи (*peinture de genre*). Помимо этого, Н.И. Балашов в статье “Алоизиус Бертран и рождение стихотворения в прозе”, опубликованной в приложении к научному изданию “Гаспара из тьмы”, которое также содержит примеры других стихотворений в прозе XIX века, отмечает, что самобытность Бертрана состояла во многом в связи его творчества с художественными школами XVI–XVII веков, в частности фламандскими; а идея соотнести литературную манеру с живописной восходит к подзаголовку одного из сборников рассказов Т.Э. Гофмана – “Фантастические повести в манере Калло” (1813) [27, с. 237–238]. В то время как Шарль Огюстен де Сент-Бёв в своем предисловии к посмертному изданию книги Бертрана называет его тексты

³ Ханзен-Лёве определяет это понятие тремя способами: а) природоестественные (биосфера), технические, семиотические (семиосфера) и социальноэкономические конститутивы инструментов коммуникации в рамках семиотической системы, б) художественные формы или виды искусства, в) специфические медиа жанры в рамках художественных форм [15, с.28–29]. В нашем случае применимы все три разновидности медиа.

своего рода “расцвеченными литературными дагерротипами” [28, с. 14].

Наконец, Шарль Бодлер в “Парижских картинах” создает своеобразный тип письма, апеллирующий к различным жанрам живописи: начиная с “Пейзажа”, где привычная идиллическая картина природы заменяется городским ландшафтом, он обращается и к жанровым сценам, и к средневековой традиции “Плясок смерти” и экфрасису, и к попыткам запечатлеть архитектуру и воскресить исторический облик города.

Творчество Бодлера также тесно связано с появлением и развитием еще одного вида пластического искусства – фотографии. Как отмечает Филипп Ортель, несмотря на то, что Бодлер в “Салоне 1859 года” отрицает художественную ценность фотографии, сам текст “Салона” создается под влиянием этой еще относительно новой техники воспроизведения: согласно исследователю, поэт использует в изображении картин определенную логику кадрирования, “вырезания” отдельных визуальных планов. [29, с. 7]. Ортель также обнаруживает параллель между стихотворением в прозе, рожденным, как мы помним из “Предисловия” к “Парижскому сплину”, из “потребности в изображении огромных городов и бесконечной цепи взаимоотношений, которые в них возникают” [27, с. 245], и “механически созданными изображениями” [30, с. 141]. Речь идет о волшебных фонарях, калейдоскопах, дагерротипах и непосредственно фотографии [30, с. 142]; с этими изобретениями авторы сравнивают и соотносят стихотворения в прозе, столь же фрагментарные, как и технически воспроизводимые “образы”. Фотографическая революция затрагивает и литературу, поскольку писатель, выбирая способ письма, принимает во внимание не только литературный контекст, но и способы невербальной коммуникации, в том числе “иконические”, то есть изображения, использование которых в XIX веке приобретает всё большую популярность [30, с. 143]. Таким образом, если природа представляется поэту пространством для размышления, то город – пространство видения и наблюдения, – именно этому посвящает себя лирический герой Бодлера, фланируя по улицам Парижа.

Вместе с тем, упомянутые выше “Салоны” Бодлера продолжают традицию, начатую Дени Дидро, который сделал критические эссе об изобразительном искусстве достоянием литературы в более широком смысле; Бодлеру же принадлежит знаменитая фраза о том, что лучшим описанием (compte-rendu) картины является сонет или

элегия [31, с. 607], указывающая на то, насколько связаны в его представлении эти виды искусства. Следовательно, его видение города напрямую связано с “медиумами” изобразительного искусства (то есть художественными формами и теми инструментами, которые определяют формы коммуникации в семиотической системе). Это видение также сходно с фотографией тем, что оно фрагментарно, как мы уже отметили ранее.

“Городская картина” в бельгийском символизме

В литературе бельгийского символизма (Э. Верхарн, Ж. Роденбах), воспринявшей бодлеровский опыт, сохраняются и воспроизводятся обе обозначенные выше доминанты: изображение городской среды и тесная связь с живописными практиками, а также предшествующей художественной традицией (здесь следует отметить, что для бельгийской литературы связь с живописью становится основополагающим фактором становления и развития). Таким образом, городской текст и городская картина как его разновидность воспринимаются и продолжают развиваться в парадигме, где литература мыслится в категориях живописи и получает теоретическое обоснование через работы об изобразительном искусстве⁴ (с этой точки зрения можно отметить книгу Камиля Лемонье “Наши фламандцы” (1869) и критические эссе о творчестве художников, которые в большом количестве публиковал в прессе Эмиль Верхарн⁵). Постоянное взаимодействие писателей и художников, их сотрудничество в рамках журналов (*L'Artiste*, *L'Art moderne*, *La Jeune Belgique*) и художественных салонов (*Les XX*, *L'Essor*, *La libre esthétique*) создает пространство культурного обмена, которое мы могли бы в определенном смысле назвать интермедийным.

Жизнь городского текста как интермедийного феномена продолжается в иллюстрированных и “декорированных” (то есть оформленных виньетками, буквицами, особыми шрифтами) изданиях: так, повесть Жоржа Роденбаха “Мертвый Брюгге” выходит в 1892 году в издательстве “Фламарион” с фронтисписом, созданным специально для него художником Фернаном

⁴ Подробнее о влиянии теоретических работ о живописи на формирование дискурса о литературе в Бельгии см. *La Belgique artistique et littéraire: une anthologie de langue française (1848–1914). Textes réunis et présentés par Paul Aron. Bruxelles: Éditions Complexe, 1997. 751 p.*

⁵ Эссе и монографии Верхарна об изобразительном искусстве собраны и опубликованы в виде критического издания: *Verhaeren É. Écrits sur l'art. Édités et présentés par Paul Aron. T. I: 1881–1892; T. II: 1893–1916. Bruxelles: Éditions Labor, 1997. 1049 p.*

Кнопффом и 35 фотогравюрами [32]; сборники стихотворений “Города-спруты” (1895) и “Поля в бреду” (1894) Эмиля Верхарна уже после смерти автора печатаются с литографиями и ксилографическими иллюстрациями Фрэнка Брэнгвина (1919, 1927 год, издательство Helleu&Sergent [33]; [34]).

Таким образом, “городская картина” — такая, какой ее задумывал Бодлер, — становится картиной не только в том смысле, что автор заимствует средства и конструктивные элементы другого вида искусства (назовем это, следуя классификации Раевски, медиальной транспозицией [18, с. 51]), но и в том, что он наполняет ее интермедийными отсылками к различным знаковым системам и отдельным произведениям. Само произведение впоследствии трансформируется и становится, с одной стороны, синтетической формой медиа (единство текста и изображения на печатной странице), с другой — выполняет медиальный переход, то есть текст воспроизводится в виде связки “текст+иллюстрация” как “оммаж”, дань памяти автору (таковы посмертные издания сборников Верхарна), либо воссоздается заново с целью возобновить интерес к произведению — как в случае с иллюстрациями художника Леви-Дюрмера к повести Роденбаха, созданными более чем через 30 лет после ее первого самостоятельного издания [35]. Таким образом, иллюстрации создают дополнительные смыслы, новые прочтения, обеспечивая то, что Вальтер Беньямин называл “вызреванием” художественного произведения [36, с. 31]. Можно также сказать, пользуясь терминологией Ханзен-Лёве, что в результате этого взаимодействия создается некий новый медиальный жанр, где текстуальный “медиум” (произведение) реализуется в визуальной форме, подчиненной законам художественного восприятия [8, с. 33].

В монографии “Плоть книги” (*La Chair du livre*), посвященной иллюстрированным книгам и *livre d'artiste* конца XIX — начала XX века, Эвангелия Стеад ставит вопрос следующим образом: является ли тенденция к “смещению жанров” следствием упадка культуры, или же появление нового типа книги — лишь свидетельство нового взгляда на мир, появившегося в результате технологического прогресса (в том числе и в издательском деле) [37, с. 73]? Автор замечает, что если в предыдущие эпохи иллюстрация должна была прояснять, “освещать” текст (это явствует и из этимологии самого слова *illustration*, от латинского глагола *illustrare*, что значит “проливать свет”), то в модернизме задача иллюстрации полностью противоположна; даже более того, картина

зачастую “затемняет” язык, делая его неясным и “жутким” [37, с. 75]. Таким образом, книга становится объектом расшифровки, требующим совершения определенного эстетического акта, в том числе, преодоления разрыва между означаемым и означающим, о котором впервые написал Стефан Малларме в эссе “Кризис стиха” [38, с. 360]. Иллюстрация становится своего рода “переводом” на язык изображения, попыткой поиска смысла [37, с. 87–88]. Сама система “текст+изображение”, которую Бернар Вуайю характеризует в своих работах как “диспозитив”⁶ (то есть порядок, расположение элементов, относящихся к различным системам в пространстве [39, с. 153]), получает дополнительное значение, как правило, метафорическое, и за счет композиции и сочетания элементов поэтическая и эстетическая ценность подобной книги увеличивается. Стилизация, декоративные элементы, текст, изображение и даже бумага, выбор которой играет определенную роль, смешиваются в один новый тип медиа, и это неразрывное сочетание элементов переводит книгу в разряд артефакта [37, с. 87–88]. Однако при всей видимой синтетичности данной формы, мы не имеем дело с вагнеровским “всеобщим искусством”, так как два “медиума” одновременно едины и разъединены, ведь каждый из них пользуется своими собственными средствами и дополняет другой путем добавления новых смыслов и пере-прочтения.

Иной случай интермедийного перехода (или же трансформационной интермедийности в понимании Йенса Шрётера [40, с. 48–49]) представляют собой картины, созданные художниками на основе городских текстов. Так, Фернан Кнопфф создает в 1900–1906 годах серию работ, посвященных Брюгге, под влиянием повести Роденбаха. Портрет самого Роденбаха на фоне городского пейзажа, созданный Леви-Дюрмером, — оригинальный пример смешения жанров внутри основного “медиума” (живописного), так как в нем одновременно представлены и портрет, и пейзаж. Помимо этого, городской вид отсылает не к реальному референту (городу), а к иллюстрациям, приведенным на страницах повести [41, с. 43–45], с помощью которых художник, наподобие мозаики, сконструировал не существующий в реальности пейзаж Брюгге.

Обратную трансформацию мы наблюдаем в текстах Эмиля Верхарна: поэт, также много

⁶ Подробнее о понятии “диспозитив” и его использовании в интермедийных исследованиях см. коллективную монографию: *Discours, Image, Dispositif: Penser La Représentation. Textes réunis par Philippe Ortel. Paris: L'Harmattan, 2008. 270 p.*

писавший о живописи, посвятивший монографии “великим фламандским мастерам” – Рубенсу, Рембрандту, а из современников – Джеймсу Энсору, не только использует критические тексты для выражения своих взглядов на литературу, но и переносит те черты, которые ценит в художниках, – “широкий мазок”, “любовь к текстуре”, чувство и интерес к цвету, “музыкальность цвета”, музыкальную композицию – на свое собственное творчество [42, с. 316–320]. Сопоставление критических и поэтических текстов Верхарна, а также сравнение его приемов работы с освещением и трактовки образа распятого Христа с теми, что представлены на картинах Рембрандта и Энсора (последнее делает в своем исследовании Марк Кважебер [43]), наводят на мысли не только о своеобразном “художественном” видении авторов данной эпохи, но и подтверждают интермедиаальную природу городского текста в модернизме. В отличие от парадигмы позднего романтизма, в символизме понятие границы остается основополагающим, так как именно самостоятельность каждого из “медиумов” обеспечивает возможность перехода и трансформации, в процессе которой “виртуальный” текст получает новое прочтение. Акцент, в соответствии с типологией Шрётера, ставится именно на процесс перехода, а не на присутствие чуждого кода, литературного или живописного: тот же разрыв, что обнаруживают модернисты между означаемым и означающим, лежит между двумя медиа, и именно в этом пространстве происходят наиболее важные трансформационные процессы.

Таким образом, проведенное нами наиболее общее обозрение текстов, включающих городские картины, показывает, что интермедиаальный подход применим к их изучению и может стать рабочей методологией в отношении подобного материала. Визуальная составляющая не является внеположной тексту, внешней по отношению к нему, но, напротив, естественно включается в него, что видно как на уровне содержания, так и на уровне традиционно применяемой к тексту терминологии (пейзаж, картина, панорама, пространство). В связи с этим представляется возможным и целесообразным дальнейшее детальное изучение конкретных текстов, включающих городские картины, в границах обозначенного подхода и указанной терминологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stierle K.* Baudelaire and the tradition of Tableau de Paris // *New Literary History*. 1980. Vol. 11, № 2, pp. 345–361.
2. *Stierle K.* La capitale des signes. Paris et son discours. Paris: Éditions de la maison des sciences de l’homme, 2001. 630 p.
3. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 614 с.
4. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Семиотика города и городской культуры: Петербург / Тартуский государственный университет. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45.*
5. *Schmider Ch.* Écriture de la ville et poétique du mensonge – l’espace urbain chez Flaubert et Balzac // *Cahiers d’Études Germaniques*. 2015. № 68. URL: <http://journals.openedition.org/ceg/1405>
6. *Franz P.* L’esthétique du tableau dans le théâtre au XVIIIe siècle. Paris: Puf, 1998. 272 p. URL: <https://doi.org/10.3917/puf.frant.1998.01>
7. *Hansen-Löve A.A.* Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort – und Bildkunst – Am Beispiel der russischen Moderne // *Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / Hg. von W. Schmid und W.D. Stempel (Wiener Slawist. Almanach, Sonderb. 11).* Wien, 1983, pp. 291–360.
8. *Ханзен-Лёве О.А.* Интермедиаальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М.: РГГУ, 2016. 450 с.
9. *Седых Э.В.* К проблеме интермедиаальности // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2008. Серия 9. Выпуск 3. Часть II. С. 210–214.
10. *Хаминова А.А., Зимберман Н.Н.* Теория интермедиаальности в современной гуманитарной науке // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 389. С. 38–45.
11. *Марков А.В., Турышева О.Н.* Литература и живопись: неканонический случай интермедиаального взаимодействия (на материале картины Андреа дель Сарто “Девушка с томиком Петрарки” // *Известия УрФУ, серия 2: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 19. № 2. С. 83–91.
12. *Тишунина Н.В.* Западноевропейский символизм и проблема синтеза искусств: опыт интермедиаального анализа. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 160 с.
13. *Тишунина Н.В.* Проблема взаимодействия искусств в литературе западноевропейского символизма // *Синтез в русской и мировой художественной культуре. Материалы II научно-практической конференции, посвященной памяти А.Ф. Лосева*. М., 2002. С. 100–101.
14. *Тимашков А.Ю.* Интермедиаальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX веков. Автореферат диссертации по искусствоведению, специальность ВАК РФ 17.00.09. Санкт-Петербург, 2012. 23 с.

15. *Ripple G.* Handbook of Intermediality: Literature-Image-Sound-Music. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2015. 703 p.
16. *Тимашков А.Ю.* К истории понятия интермедиальности в зарубежной науке. URL: https://www.spbriic.org/PDF/tim08_1.pdf
17. *Ильин И.П.* Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. М.: ГБЛ. 1998. 28 с.
18. *Rajewsky I.O.* Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality // *Intermédialités / Intermediality*. 2005. № 6, pp. 43–64.
19. *Barthes R.* Sémiologie et urbanisme. Conférence organisée par l'Institut français de l'Institut d'histoire et d'architecture de l'université de Naples, 1967. URL: <https://www.larchitectureaujourd'hui.fr/wp-content/uploads/2016/05/7-BARTHES-ENTIER-tiny2.pdf>
20. *Starobinski J.* Préface // Stierle K. La Capitale des signes: Paris et son discours. Les Éditions de la MSH, 2001, pp. 10–13.
21. *Benjamin W.* Paris, capitale du XIXe siècle // *Das Passagen-Werk*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982, pp. 60–77.
22. *Citron P.* La Poésie de Paris dans la littérature française de Rousseau à Baudelaire. Paris: Les Éditions de Minuit, 1961. 188 p.
23. *Sansot P.* Poétique de la ville. Paris: Klincksieck, 1971. 422 p.
24. *Loubier P.* Le Poète au labyrinthe, Ville errance, écriture. Fontenay/Saint-Cloud: ENS Éditions, 1998. 443 p.
25. *Bernard S.* Le Poème en prose de Baudelaire jusqu'à nos jours. Paris: Nizet, 1959. 814 p.
26. *Бертран А.* Гаспар из тьмы. Фантазии в манере Рембрандта и Калло. М.: Наука, 1981. 352 с.
27. *Балашов Н.И.* Алоизиус Бертран и рождение стихотворения в прозе // *Бертран А.* Гаспар из тьмы. Фантазии в манере Рембрандта и Калло. М.: Наука, 1981. С. 235–295.
28. *Sainte-Beuve Ch.A.* Notice // *Bertrand A.* Gaspard de la nuit. Paris: Labitte, 1842. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8600227w/f1.item>
29. *Ortel Ph.* Les doubles imaginaires de la photographie // *Romantisme*. 1999. № 105, pp. 5–15.
30. *Ortel Ph.* La Littérature à l'ère de la photographie. Enquête d'une révolution invisible. Nîmes: Rayon Photo, 2002. 382 p.
31. *Baudelaire Ch.* À quoi bon la critique ? // *Salon de 1846 // Œuvres complètes, tome I, Bibliothèque de la Pléiade*. Paris: Gallimard, 1956. 1604 p.
32. *Rodenbach G.* Bruges-la-Morte. Paris: Flammarion, 1892. 223 p.
33. *Verhaeren É.* Les Villes tentaculaires. Paris: Helleu & Sergent éditeurs, 1919. 178 p.
34. *Verhaeren É.* Les Campagnes hallucinées. Paris: Helleu & Sergent éditeurs, 1927. 118 p.
35. *Rodenbach G.* Bruges-la-Morte, ouvrage illustré par Lucien Lévy-Dhurmer (18 pastels, 1927–1930). Paris: Javal & Bordeaux, 1930. 147 p.
36. *Беньямин В.* Задача переводчика // *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. М.: Симпозиум, 2014. С. 27–47.
37. *Stead É.* La Chair du livre. Matérialité, imaginaire et poétique du livre fin-de-siècle. Paris: PUPS, coll. Histoire de l'imprimé, 2012. 566 p.
38. *Mallarmé S.* Crise de vers // *Œuvre complètes*. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1945. 1696 p.
39. *Vouilloux B.* La critique des dispositifs // *Critique*. 2007. № 3, pp.152–168.
40. *Schröter J.* Discourses and Models of Intermediality. // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2011. URL: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1790>
41. *Le Beller É.* Lucien Lévy-Dhurmer, portraitiste et illustrateur de Georges Rodenbach. *Mémoire Master 2 Arts, parcours Histoire et critique des arts*. Université Rennes 2. 2017. 171 p.
42. *Quaghebeur M.* Le pictural comme métaphore du combat pour la littérature // *Histoire, forme et sens en littérature. La Belgique francophone. Tome I – L'engendrement (1815–1914)*. Bruxelles: Peter Lang, 2015, pp. 311–339.
43. *Quaghebeur M.* Verhaeren et la lumière. L'aboutissement d'une vaste activité critique // *Lettres belges entre absence et magie*. Bruxelles: Labor, 1990, pp. 47–64.

REFERENCES

1. Stierle, K. *Baudelaire and the tradition of Tableau de Paris*. New Literary History. 1980. Vol. 11, No. 2, pp. 345–361. (In Engl.)
2. Stierle, K. *La capitale des signes. Paris et son discours*. Paris, Éditions de la maison des sciences de l'homme, 2001. 630 p. (In French)
3. Toporov, V.N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy* [The Petersburg Text in Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskustvo – SPB Publ, 2003. 614 p. (In Russ.)
4. Lotman, Ju.M. *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The Symbolism of Petersburg and the Problems of City Semiotics]. *Semiotika goroda i gorodskoj kultury: Peterburg. Tartuskij gosudarstvennyj universitet* [Semiotics of the City and the Urban Culture: St. Petersburg. State University of Tartu]. Tartu, 1984. Iss. 664, pp. 30–45. (In Russian)
5. Schmider, Ch. *Écriture de la ville et poétique du mensonge – l'espace urbain chez Flaubert et Balzac*.

- Cahiers d'Études Germaniques, 2015. № 68. URL: <http://journals.openedition.org/ceg/1405> (In French)
6. Franz, P. *L'esthétique du tableau dans le théâtre au XVIIIe siècle*. Paris, Puf, 1998. 272 p. URL: <https://doi.org/10.3917/puf.frant.1998.01> (In French)
 7. Hansen-Löve, A.A. *Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort– und Bildkunst – Am Beispiel der russischen Moderne*. Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität. Hg. von W. Schmid und W.D. Stempel. Wiener Slawist. Almanach, Sonderb. 11. Wien, 1983, pp. 291–360. (In Germ.)
 8. Hansen-Löve, A.A. *Intermedialnost v russkoj kulture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian Culture. From Symbolism to Avantgarde]. Moscow, RGGU Publ., 2016. 450 p. (In Russ.)
 9. Sedyh, Je.V. *K probleme intermedial'nosti* [Towards the Problem of Intermediality]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. 2008. Series 9, Iss. 3, Part II, pp. 210–214. (In Russ.)
 10. Haminova, A.A., Zimberman, N.N. *Teorija intermedialnosti v sovremennoj gumanitarnej nauke* [The Theory of Intermediality in Contemporary Humanities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2014. No. 389, pp. 38–45. (In Russ.)
 11. Markov, A.V., Turyshcheva, O.N. *Literatura i zhivopis: nekanonicheskij sluchaj intermedialnogo vzaimodejstvija (na materiale kartiny Andrea del Sarto "Devushka s tomikom Petrarki")* [Literature and Painting: a Non-Canonical Case of Intermedial Relations (Based on a Picture of Andrea del Sarto's "Girl with a Book of Petrarch")]. *Izvestija UrFu, s. 2: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Southern State University, Series 2: Humanities], 2017. Vol. 19. No. 2(163), pp. 83–91. (In Russ.)
 12. Tishunina, N.V. *Zapadnoevropejskij simvolizm i problema sinteza iskusstv: opyt intermedialnogo analiza* [West-European Symbolism and a Problem of Arts' Synthesis]. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena Publ, 1998. 160 p. (In Russ.)
 13. Tishunina, N.V. *Problema vzaimodejstvija iskusstv v literature zapadnoevropejskogo simvolizma* [The Problem of Inter-Arts Relationships in West-European Symbolism]. *Sintez v russkoj i mirovoj hudozhestvennoj kulture. Materialy II nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj pamjati A.F. Loseva* [Synthesis in Russian and World Culture. Acts of the 2nd Conference in a Memory of A.F. Losev]. Moscow, 2002, pp. 100–101. (In Russ.)
 14. Timashkov, A.Ju. *Intermedialnost kak avtorskaja strategija v evropejskoj hudozhestvennoj kulture rubezha XIX–XX vekov* [Intermediality as Author's Method in European Culture Between 19th and 20th Centuries]. Avtoreferat dissertacii po iskusstvovedeniju, specialnost VAK RF 17.00.09, St. Petersburg, 2012. 23 p. (In Russ.)
 15. Ripple, G. *Handbook of Intermediality: Literature-Image-Sound-Music*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2015. 703 p. (In Engl.)
 16. Timashkov, A.Ju. *K istorii ponjatija intermedial'nosti v zarubeznoj nauke* [Towards the History of "Intermediality" Term in European Academic Context]. URL: https://www.spbric.org/PDF/tim08_1.pdf (In Russ.)
 17. Iiin, I.P. *Nekotorye koncepcii iskusstva postmodernizma v sovremennyh zarubeznyh issledovanijah* [Some Conceptions of Postmodern Art in Contemporary European Research]. Moscow, GBL Publ., 1998. 28 p. (In Russ.)
 18. Rajewsky, I.O. *Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality*. Intermédialités. Intermediality. 2005. № 6, pp. 43–64. (In Engl.)
 19. Barthes, R. *Sémiologie et urbanisme*. Conférence organisée par l'Institut français de l'Institut d'histoire et d'architecture de l'université de Naples, 1967. URL: <https://www.larchitectureaujourd'hui.fr/wp-content/uploads/2016/05/7-BARTHES-ENTIER-tiny2.pdf> (In French)
 20. Starobinski, J. *Préface*. Stierle K. *La Capitale des signes: Paris et son discours*. Paris, Les Éditions de la MSH, 2001, pp. 10–13. (In French)
 21. Benjamin, W. *Paris, capitale du XIXe siècle*. Das Passagen-Werk, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1982, pp. 60–77. (In French)
 22. Citron, P. *La Poésie de Paris dans la littérature française de Rousseau à Baudelaire*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1961. 188 p. (In French)
 23. Sansot, P. *Poétique de la ville*. Paris, Klincksieck, 1971. 422 p. (In French)
 24. Loubier, P. *Le Poète au labyrinthe, Ville errance, écriture*. Fontenay, Saint-Cloud, ENS Éditions, 1998. 443 p. (In French)
 25. Bernard, S. *Le Poème en prose de Baudelaire jusqu'à nos jours*. Paris, Nizet, 1959. 814 p. (In French)
 26. Bertran, A. *Gaspar iz tmy. Fantazii v manere Rembrandta i Kallo* [Gaspard from a Night. Fantasies in Rembrandt's and Callo's Manner]. Moscow, Nauka, 1981. 352 p. (In Russ.)
 27. Balashov, N.I. *Aloizius Bertran i rozhdenie stihotvorenija v proze* [Aloysius Bertrand and a Birth of Poem in Prose]. Bertran A. *Gaspar iz tmy. Fantazii v manere Rembrandta i Kallo*. [Gaspard from a Night. Fantasies in Rembrandt's and Callo's Manner]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 235–295. (In Russ.)
 28. Sainte-Beuve, Ch.A. *Notice*. Bertrand A. *Gaspard de la nuit*. Paris, Labitte, 1842. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8600227w/f1.item> (In French)

29. Ortel, Ph. *Les doubles imaginaires de la photographie*. Romantisme, 1999. No. 105, pp. 5–15. (In French)
30. Ortel, Ph. *La Littérature à l'ère de la photographie. Enquête d'une révolution invisible*. Nîmes, Rayon Photo, 2002. 382 p. (In French)
31. Baudelaire, Sh. *À quoi bon la critique?* Salon de 1846. Œuvres complètes, tome I, Bibliothèque de la Pléiade. Paris, Gallimard, 1956. 1604 p. (In French)
32. Rodenbach, G. *Bruges-la-Morte*. Paris, Flammarion, 1892. 223 p. (In French)
33. Verhaeren, É. *Les Villes tentaculaires*. Paris, Helleu & Sergent éditeurs, 1919. 178 p. (In French)
34. Verhaeren, É. *Les Campagnes hallucinées*. Paris, Helleu & Sergent éditeurs, 1927. 118 p. (In French)
35. Rodenbach, G. *Bruges-la-Morte*, ouvrage illustré par Lucien Lévy-Dhurmer (18 pastels, 1927–1930). Paris, Javal & Bordeaux, 1930. 147 p. (In French)
36. Benjamin, V. *Zadacha perevodchika* [The Task of a Translator]. *Maski vremeni. Esse o kulture i literature* [The Masks of Time. Essays about Culture and Literature]. Moscow, Simpozium Publ., 2014, pp. 27–47. (In Russ.)
37. Stead, É. *La Chair du livre. Matérialité, imaginaire et poétique du livre fin-de-siècle*. Paris, PUPS, coll. Histoire de l'imprimé, 2012. 566 p. (In French)
38. Mallarmé, S. *Crise de vers*. Œuvre complètes. Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 1945. 1696 p. (In French)
39. Vouilloux, B. *La critique des dispositifs*. Critique, 2007, № 3, pp. 152–168. (In French)
40. Schröter, J. *Discourses and Models of Intermediality*. CLCWeb: Comparative Literature and Culture, 2011. URL: <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1790> (In Engl.)
41. Le Beller, É. *Lucien Lévy-Dhurmer, portraitiste et illustrateur de Georges Rodenbach*. Mémoire Master 2 Arts, parcours Histoire et critique des arts, Université Rennes 2, 2017. 171 p. (In French)
42. Quaghebeur, M. *Le pictural comme métaphore du combat pour la littérature*. Histoire, forme et sens en littérature. La Belgique francophone, tome I – L'engendrement (1815–1914). Bruxelles, Peter Lang, 2015, pp. 311–339. (In French)
43. Quaghebeur, M. *Verhaeren et la lumière. L'aboutissement d'une vaste activité critique*. Lettres belges entre absence et magie. Bruxelles, Labor, 1990, pp. 47–64. (In French)

Дата поступления материала в редакцию: 31 января 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки:
23 июня 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on January 31, 2021

Revised on June 23, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016295-7

“Инкская утопия” в романе “Письма перуанки” Ф. де Графиньи

© 2021 г. А. Д. Морозов

Аспирант Института мировой литературы
имени А.М. Горького Российской академии наук,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
morozov-msu@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается французский роман “Письма перуанки” Ф. де Графиньи (*Lettres d'une péruvienne*, 1747), а также входящее в него, начиная с 1752 г., “Историческое вступление...” (*Introduction historique aux lettres péruviennes*), в котором в идеализированном ключе описана Империя инков. Показывается, что источником для автора во многом послужили “Подлинные комментарии об истории государства инков” Г. де ла Веги (1609) и более поздние философско-критические и художественные тексты, посвящённые американским туземцам: эссе М. де Монтеня, трагедия “Альзира, или Американцы” Вольтера и др. В “Историческом вступлении...” говорится, в частности, о богатстве и мудрости инков, о достоинствах их государственного устройства. Доказывается, что с идейной и композиционной точек зрения “Историческое вступление...” играет важную в произведении роль: утопические описания Империи инков выполняют функцию философской рамы, обрамляющей роман любовного содержания. Представления о государстве древних инков, получившие в “Письмах перуанки” художественное переосмысление, отразили социальные и политические идеи эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Графиньи Ф. де, Империя инков, утопия, перуанцы, дикари, цивилизация, европоцентризм, эпистолярный роман, французская литература XVIII в.

Для цитирования: Морозов А.Д. “Инкская утопия” в романе “Письма перуанки” Ф. де Графиньи // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 54–59. DOI: 10.31857/S241377150016295-7

The “Inca Utopia” in the Novel “Letters from a Peruvian Woman” by F. De Graffigny

© 2021 Artem D. Morozov

PhD student at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
morozov-msu@mail.ru

Abstract. The article considers the French novel “Letters from a Peruvian Woman” (*Lettres d'une Péruvienne*, 1747) by Françoise de Graffigny, as well as the “Historical introduction...” (*Introduction historique aux lettres péruviennes*), which was included into the novel in 1752, and where the Inca Empire is described in an idealized way. The main source of information for F. de Graffigny was “The Royal commentaries of the Incas” by Garcilaso de la Vega (1609) and other philosophical, critical and fictional publications on American natives: Michel de Montaigne’s essays, the tragedy “Alzira, or the Americans” by Voltaire, etc. The “Historical introduction...” praises the wealth and wisdom of the Incas, the merits of their state organization. This article claims that the “Historical introduction...” plays an important ideological and compositional role in F. de Graffigny’s book: a utopian description of the Inca Empire serves as a specific philosophical frame

for the novel with a love story. Ideas concerning the empire of the ancient Incas, as reflected in the fictional “Letters from a Peruvian Woman”, are congenial with the Age of Enlightenment.

Key words: Graffigny F. de, Inca Empire, utopia, Peruvians, savages, civilization, Eurocentrism, epistolary novel, 18th century French literature.

For citation: Morozov, A.D. “*Inkskaia utopiia*” v romane “*Pis'ma peruanki*” F. de Grafin'i [The “Inca Utopia” in the Novel “Letters from a Peruvian Woman” by F. de Graffigny]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 54–59. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016295-7

В истории французской литературы 1747 год был ознаменован появлением эпистолярного романа “Письма перуанки” (*Lettres d'une péruvienne*). Несмотря на то, что художественное наследие их автора – Франсуазы де Графиньи (Françoise de Graffigny, 1695–1758) – достаточно обширно (несколько пьес и малая проза), при жизни именно этот её роман получил наибольшую известность.

В основе сюжета “Писем перуанки” – злоключения и переживания перуанской принцессы Зилии, разлучённой накануне свадьбы с возлюбленным, наследником престола Азой. В начале романа действие происходит в столице Империи инков Куско. На храм Солнца, где воспитывается героиня, нападают испанцы, а затем похищают и её, и местные сокровища. Однако в океане, в результате нападения французского фрегата, Зилия становится пленницей капитана Детервиля. В отличие от испанцев он проявляет к перуанке уважение и, влюбившись, старается добиться её расположения. Героиня, однако, не понимает его ухаживаний и надеется на скорое воссоединение с Азой. Попав по Францию, она входит в семью Детервиля, изучает французский язык и европейские нравы. На всём протяжении романа героиня сохраняет верность Азе, и даже узнав о его намерении жениться на другой, заявляет: “Моя жизнь принадлежит ему: пусть он отнимет её или любит меня!” [1, с. 178]. В отчаянии Зилия удаляется от света в свой загородный дом, купленный на отвоёванные Детервилем перуанские сокровища, и обещает ему не любовь, но дружбу и благодарность.

Изначально “Письма перуанки” включали авторское “Предупреждение” (*Avertissement*) и 38 посланий Зилии, 33 из которых адресованы Азе, а остальные пять – Детервилю. Начиная с переиздания 1752 г. Ф. де Графиньи расширила роман, добавив “Историческое вступление к письмам перуанки” (*Introduction historique aux lettres péruviennes*) и три письма главной героини к Азе.

По замечанию исследователя Ф. Россе, в 1747–1836 гг. вышли по меньшей мере 147 переизданий, переводов и переложений этого романа [2, с. 1106]. Ш.-Л. де Монтескьё, сам известный писатель 1-й половины XVIII в., сравнивал успех “Писем перуанки” с английским бестселлером, романом “Памела, или Вознаграждённая добродетель” С. Ричардсона (1740), и считал их “очаровательными произведениями” [3, с. 45]. К. Гольдони, написавший по мотивам “Писем перуанки” комедию “Перуанка” (1754), отзывался о первом как о “самом прелестном маленьком романе на свете” [4, с. 27]. О широкой популярности произведения Ф. де Графиньи свидетельствует и тот факт, что образ главной героини вызвал моду на “перуанские” платья и причёски. По словам исследовательницы М. Рейд, «горожанки времён Реставрации имели возможность, как и аристократки предшествующего столетия, позировать для портретов “а-ля перуанка”, т.е. в наряде, вдохновлённом “Письмами перуанки” Франсуазы де Графиньи» [5, с. 147]. Сама писательница в письме от 1752 г. упоминает увиденные в магазине мод “новые причёски а-ля Зилия”, которые она, однако, посчитала “самой смешной вещью в мире” [6, с. 428].

Первые критики отмечали в “Письмах перуанки” “блистательность” стиля и “нежность выражений” [7, с. 53], “разнообразие красивых деталей; живых, нежных, искусных, богатых, сильных, лёгких, неподражаемо созданных образов”, а также “утончённых, наивных, страстных чувств” [8, с. 20]. Помимо формально-языковых достоинств успех романа в XVIII в., вероятно, связан и с его экзотической темой, которая вызвала повышенный интерес у читателей в идейно-философском аспекте.

Внимание к нецивилизованным народам прослеживается в Европе со времён Античности, что подтверждают фиктивные “Письма Анахарсиса”, датируемые III в. до н.э. В них высказывается мысль, что афиняне не превосходят дикарей ни интеллектом, ни культурой: “Эллины – мудрый народ, но ни в каком отношении не мудрее

варваров, у которых боги не отняли способности познавать прекрасное. Можно даже испытать и узнать, правильно ли мыслим, соответствуют ли у нас дела словам и берём ли мы пример с тех, кто правильно живёт. Пусть ни памятники, ни украшения тела не препятствуют правильному решению. Ведь, следуя обычаям отцов, все по-разному украшают себя. Признаки глупости, как и признаки разума, у варваров и греков одни и те же” [9, с. 212]. К традиции культурного мифа о примитивной мудрости дикарей примыкают также тексты, созданные в период позднего эллинизма, в том числе “Письма Аполлония Тианского” (I в. н.э.), авторство которых сомнительно.

В Новое время умозрительные рассуждения о дикарях дополнились документальными описаниями путешествий, отчётами католических миссионеров, материалами торговых компаний. Варварство, как пишет О.В. Окунёва, трактовалось “французскими авторами XVI в. преимущественно как незнание или отступление от европейских культурных установок” [10, с. 132]: отсутствие религии, жестокость и др. В то же время между поведением диких народов и цивилизованными европейцами нередко проводились параллели и показывались недостатки последних. Например, французский мореплаватель Ж. де Лери в “Истории одного путешествия в Бразилию” (1578) писал о том, что людоедство, практикуемое туземцами, естественно — таковы местные традиции и условия жизни. Европа, а именно Франция, как считает путешественник, по кровожадности ничем не уступает Бразилии; он приводит в пример Варфоломеевскую ночь, когда его соотечественники хладнокровно убивали друг друга из чувства жестокости и мести.

В книге “Опыты” М. де Монтеня (1580), а именно в эссе “О каннибалах”, также осмыслиются традиции индейских народов (в том числе людоедство) и утверждается их приемлемость с точки зрения местной морали: “У нас, похоже, нет иных критериев истины и благоразумия помимо тех взглядов и обычаев, принятых в том краю, в котором мы живём” [11, с. 221]. Знакомство Ф. де Графиньи с “Опытами” не подлежит сомнению. Так, в “Историческом вступлении...” приводится прямая цитата из эссе М. де Монтеня “О средствах передвижения”, в котором он поражается жестокости, с которой расправлялись конкистадоры в Перу с местным населением: “Никогда прежде [...] честолюбие и неприязнь не сталкивали людей друг с другом до такой степени, чтобы привести к столь ужасной войне и к бедствиям столь прискорбным” [1, с. 25]. Этими словами Ф. де Графиньи подчёркивает

кровожадность и алчность испанцев, которые “стали полными хозяевами одной из самых прекрасных частей света” [1, с. 25].

В “Письмах перуанки” отчётливо прослеживается идея дикости и ограниченности европейцев и гуманности американских индейцев. В “Предупреждении” анонимный автор, следуя романной традиции того времени, отмечает, что представленные письма — подлинные. В то же время, осознавая, что читатели не поверят в это (часть посланий выдаются за перевод кипу — вязи узелковых шнуров, служащей инкам формой письма), Ф. де Графиньи замечает, что её современники недооценивают автора-туземку: “Пусть же издатель этого произведения не побойтся представить Публике письма молодой перуанки, чей слог и мысли так мало отвечают нашему невыгодному мнению о её народе, сложившемуся по вине несправедливого предрассудка!” [1, с. 21]. Далее писательница подчёркивает ограниченность европейцев и нежелание их считаться с чужой культурой, поскольку “предрасположенные в собственную пользу, мы признаём достоинства других племён лишь постольку, поскольку они подражают нашим нравам, а их язык походит на нашу речь” [1, с. 21].

Ф. де Графиньи и другие писатели эпохи Просвещения, в распоряжении которых оказалась широкая географическая информация, по-разному описывали представителей диких, в их понимании, неподвластных европейским законам народов. М.В. Разумовская отмечает, что некоторые жители Востока (как правило, персы, турки или китайцы) воспринимались в XVIII в. как находящиеся на высокой ступени развития, а потому посвящённые им произведения часто носили сатирический “антиевропейский” характер [12, с. 101]. Показательный пример — эпистолярный роман Ш.-Л. де Монтескье “Персидские письма” (1720), герои которого, путешествующие персы, показывают несостоятельность институтов и противоречивость порядков в Европе. Осуждение цивилизации представлено и в посланиях перуанки, которая, попав по Францию, описывает и сравнивает местные порядки и нравы с перуанскими, отдавая предпочтение последним. “Ни в одной из разнообразных провинций, которые мы пересекли, я ещё не видела таких высокомерных и развязных дикарей” [1, с. 80], — так отзывается героиня о французах, впервые оказавшись в свете.

Причина, по которой Ф. де Графиньи написала роман именно о перуанке, связана во многом со всеобщим увлечением американской (инкской) культурой. Большой вклад в популяризацию знаний о перуанцах внесли естествоиспытатели. Например,

Ш.-М. де ла Кондамин в 1735–1745 гг. руководил экспедицией в Перу для измерения длины меридиана на экваторе, и в 1746 г. вышли его "Мемуары о некоторых древних памятниках Перу времён инков". Живой интерес и нескрываемая симпатия к перуанцам в XVIII в. связаны с тем, что они воспринимались как потомки древних инков; их система правления и нравы считались идеальными, вследствие разумной организации жизни. В "Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера", а именно в статье "Законодатель", написанной предположительно Ж.-Ф. де Сен-Ламбером (1765), говорится следующее: "Законы в Перу, как правило, объединяли граждан узами человечности [...] Эти законы, устанавливая (насколько это возможно вне естественного состояния) общность благ, ослабляли дух собственности — источник всех пороков [...] У этого народа не было врагов кроме тех, кто способен на зло; он нападал на соседние народы, чтобы избавить их от варварских обычаев; инки хотели привлечь все государства своими любезными нравами" [13, с. 358].

В предуведомлении к "Письмам перуанки" Ф. де Графиньи отмечает: "Мы [современники] презираем индейцев. Мы едва признаём существование души у этих несчастных народов, а между тем их история общедоступна и мы повсеместно находим в ней доказательства их ума и основательности их мировоззрения" [1, с. 21]. Вероятно, под "общедоступной историей" она подразумевает сочинения Г. де ла Веги, известного под именем Инка. Сын конкистадора и внучатый племянник брата одного из правителей Империи инков в "Подлинных комментариях об истории государства инков" (1609) и "Всеобщей истории Перу" (1617) подробно описал древнее Перуанское государство. Сочинения Г. де ла Веги пользовались широкой популярностью в Европе, начиная с XVII в.; французский перевод "Подлинных комментариев инков", выполненный Ж. Бодуэном, вышел в 1633 г. и неоднократно переиздавался в XVII–XVIII вв. В 1744 г., за три года до выхода "Писем перуанки", "Подлинные комментарии..." вышли в новом переводе Т.-Ф. Далибара. Вероятно, именно его использовала Ф. де Графиньи для написания романа.

Историк литературы Р. Труссон отмечает: «Из этой классики, которой пользовался не один утопист, писательница почерпнула местные слова, мифологию, политическую и религиозную иерархию, и именно от этого экзотизма проистекает также метафорический язык, "индейский", немного раздражающий стиль, мода на который продлится вплоть до романа "Натчезы" Ф.Р. де Шатобриана» [14, с. 64]. Знакомство Ф. де Графиньи с "Подлинными комментариями..."

подтверждается схожестью их содержания с "Историческим вступлением...". Писательница скрупулёзно следует за перуанской хроникой при рассмотрении представлений инков о единственном божестве Солнце, описании религиозных обычаев, институтов и церемоний, наук и искусств. Из книги Г. де ла Веги она также позаимствовала сведения о молодёжи, которая "воспитывалась со всей заботой, требуемой благословенной простотой их нравов" [1, с. 27], идеи естественной организации государственной жизни, при которой "покорность не страшила умы, т.к. с раннего детства люди убеждались в её необходимости и в том, что к ней не примешивались ни тирания, ни честолюбие" [1, с. 27].

Предпосылая "Письмам перуанки" историческое введение, автор, однако, не ставил своей целью строго следовать фактам перуанской хроники, позаимствовав из неё лишь то, что характеризовало бы перуанцев с положительной стороны, а потому не посчитал уместным описывать человеческие жертвоприношения или кровопролитные войны между племенами. В первую очередь Ф. де Графиньи хотела идеализировать реально существовавшее государство инков, противопоставив их гуманность, простоту и близость к природе европейской цивилизации, что нашло своё непосредственное отражение в основной части романа. Показательно, что родина героини в "Историческом вступлении..." описана в утопическом ключе: "Какое зрелище для испанцев — сады вокруг храма Солнца, где деревья, цветы и фрукты были сделаны из золота с невиданным в Европе искусством! Стены храма, покрытые тем же металлом, бесконечное число статуй, украшенных драгоценными камнями, и многие другие небывалые богатства ослепили завоевателей злополучного народа" [с. 25].

Сокровища Империи инков, по мысли автора, явились плодом правильной организации общества. Перуанцы трудились совместно на общее благо: "её [землю] обрабатывали сообща, и дни, посвящённые этому труду, были радостными", "опрокидывали скалы, продалбливали горы для строительства превосходных акведуков и дорог, которые проложили по всей стране" [с. 28]. Далёким от идеала порядком во Франции, где монарх благоволил лишь нескольким людям, в то время как остальные несчастны, Зилия противопоставляет жизнь древних перуанцев: "Послушание и уважение перуанцами своих королей основывалось на убеждении, что Солнце являлось их прародителем" [1, с. 27], а "привязанность и любовь, которые питал к ним народ, было плодами их собственных добродетелей и справедливости

инков” [1, с. 27]. Автор предисловия, как и героиня, считают перуанцев счастливым народом, т.к. их скромные познания в науках удовлетворяли желания: “В Перу достаточно знали геометрию, чтобы измерять и делить земельные участки. Медицина же была неизвестной наукой, хотя в отдельных случаях перуанцы прибегали к использованию каких-то таинств. [...] единственным знанием, приобретённым перуанцами с некоторым успехом, были нравственность и наука законов, полезных для общественного блага” [с. 29].

Образ империи инков во многом сопоставим со страной Эльдorado из повести Вольтера “Кандид, или Оптимизм”, появившейся спустя 12 лет после “Писем перуанки”: “Огромная равнина, окружённая неприступными горами. Земля была возделана так, чтобы радовать глаз и вместе с тем приносить плоды; все полезное сочеталось с приятным; дороги были заполнены, вернее, украшены изящными экипажами из какого-то блестящего материала; [...] Деревенские детишки в лохмотьях из золотой парчи играли у околицы в шары [...] это были самородки золота, изумруды, рубины, из которых меньший был бы драгоценнейшим украшением трона Могила” [15, с. 191–192]. По замечанию исследователя И. Шоултера, ещё на начальной стадии написания романа Ф. Дево, литератор и пожизненный корреспондент Ф. де Графиньи, советовал ей “осовременить” героиню, представив жительницей индейской деревни, похожей на утопическую страну Эльдorado. От предложения Ф. Дево писательница отказалась, объяснив это тем, что “общее впечатление от величия империи инков куда важнее исторической точности, и что роман нуждается лишь в той степени правдоподобия, что и опера” [16, с. 222].

Утопические представления о древнем государстве инков – как стране несметных сокровищ, передовой социальной-политической системы, высоко нравственных, мудрых людей, помимо “Писем перуанки”, нашли отражение и в трагедии Вольтера “Альзира, или Американцы” (1736). Сюжет пьесы во многом перекликается с романом Ф. де Графиньи: испанец Гусман и наследник престола инков Замор соперничают из-за принцессы Альзиры. Покорив подданных Замора, испанец понимает, что девушка предпочитает ему другого, а потому, смирившись, освобождает соперника и позволяет им пожениться; инка Замор, поразившись благородством Гусмана, принимает христианство. В романе Ф. де Графиньи Детервиль так же жертвует личным счастьем, способствуя, как того желает героиня, её встрече с перуанцем Азой, который к тому моменту перешёл в католичество. Известно, что в мае 1743 г. Ф. де Графиньи смотрела спектакль по “Альзире...” и

уже на следующий день, согласно её письмам, начала читать упомянутую выше “Историю государства инков” [16, с. 223]. О влиянии трагедии Вольтера на Ф. де Графиньи свидетельствует и то, что в “Предупреждении” она упоминает “одного из наших великих поэтов” и его описание “индейских нравов в драматической поэме, которая должна была способствовать тому, чтобы о них узнали” [1, с. 21].

Представления европейцев о мудрости и гуманности дикарей отразились в “Письмах перуанки” на уровне цитат и вдохновлённых ими образов. Инкской теме посвящены “Тысяча и один час. Перуанские сказки” Т.-С. Гюолета (1734), романы “Крушение плавучих островов, или Базилиада знаменитого Пильпаи” Э.-Г. Морелли (1753), “Инки, или Крушение империи Перу” Ж.-Ф. Мармонтеля (1777), трагедия “Азор, или Перуанцы” Б.Ф. Дюрозуа (1770) и многие другие произведения XVIII в. “Письма перуанки” Ф. де Графиньи занимают в этом ряду особое место. Представленные в “Историческом вступлении...” утопические описания Империи инков выполняют функцию своеобразной философско-идейной рамы, обрамляющей роман любовного содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Графиньи Ф. де.* Письма перуанки. Перевод, предисловие О. Сергиево-Посадской. Вашингтон, 2004. 246 с.
2. *Rosset F.* Les nœuds du langage dans les Lettres d'une Péruvienne // *Revue d'Histoire littéraire de la France.* Nov.–Dec., 1996, pp. 1106–1127.
3. *[Montesquieu Ch.-L.]* Pensées et fragments inédits de Montesquieu publiés par le Baron Gaston de Montesquieu. T.I. Bordeaux, G. Gounouilhou, imprimeur-éditeur, 1899. 541 p.
4. *[Goldoni C.]* L'Autore a chi legge – La peruviana. Commedia IX. // *Nuovo teatro comico dell'avvocato Carlo Goldoni [...]* T. 3. Venezia, Appresso Francesco Pitteri, 1757, pp. 27–29.
5. *Reid M.* Romans en cartes postale // *Littérature.* № 134. George Sand, “Le génie narratif”. Join, 2004, pp. 147–154.
6. *[Graffigny F. de]* Correspondance de Madame de Graffigny: 20 juin 1751–18 août 1752. Lettres 1723–1906. T. 12. Oxford: Voltaire Foundation, 1985. 556 p.
7. *[La Porte J. de]* Lettres d'une Péruvienne // *Observations sur la littérature moderne.* T. I. La Haye, 1749, pp. 33–54.
8. *Clément [P.]* Lettre II // *Les Cinq années littéraires, ou Nouvelles littéraires, etc., des années 1748, 1749, 1750, 1751 et 1752.* V. 1. La Haye, chés Ant. de Groot et Fils, 1754, pp. 10–15.

9. Письма Анахарсиса // Антология кинизма: Антисфен, Диоген, Кратет, Керкид, Дион. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1984. С. 211–265.
10. Окунева О.В. Варвар и/или добрый дикарь: представления о бразильских индейцах во Франции XVI в. // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 129–149.
11. Монтень М. О каннибалах // Монтень М. Опыты. Кн. 1. М.: Попурри, 2004. С. 218–232.
12. Разумовская М.В. Перуанка в романе мадам де Граффины // Латинская Америка. 1976. № 6. С. 99–108.
13. Législateur // Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. IX. Neufchastel, Chez Samuel Faulche & Compagnie, Libraires & Imprimeurs, 1765, pp. 357–363.
14. Trousson R. Introduction – Madame de Graffigny. Lettres d’une Péruvienne (1747) // Romans de femmes du XVIIIe siècle. P., Robert Laffont, S.A. 1996, pp. 59–77.
15. Вольтер. Кандид, или Оптимизм // Вольтер. Философские повести и рассказы. Т. 1. М.-Л.: Academia, 1932. С. 134–266.
16. Showalter E. Françoise de Graffigny: Sa vie et ses œuvres. Oxford, Voltaire Foundation, 2004, 571 p.
6. [Graffigny, F. de]. Correspondance de Madame de Graffigny: 20 juin 1751–18 août 1752. Lettres 1723–1906. T. 12. Oxford: Voltaire Foundation, 1985. 556 p. (In French)
7. [La Porte, J. de]. Lettres d’une Péruvienne. Observations sur la littérature moderne. T. I. La Haye, 1749, pp. 33–54. (In French)
8. Clément, [P.] Lettre II. Les Cinq années littéraires, ou Nouvelles littéraires, etc., des années 1748, 1749, 1750, 1751 et 1752. V. 1. La Haye, chés Ant. de Groot et Fils, 1754, pp. 10–15. (In French)
9. *Pis’ma Anakharsisa* [Letters of Anacharsis]. *Antologiya kinizma: Antisfen, Diogen, Kratet, Cercidas, Dion. Fragmenty sochinenii kinicheskikh myslitelei* [Anthology of Cynicism: Antisthenes, Diogenes, Cratet, Kerkides, Dion. Fragments of the Texts of Cynical Thinkers]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 211–265. (In Russ.)
10. Okuneva, O.V. *Varvar i/ili dobryi dikar: predstavleniia o brazil’skikh indeitsakh vo Frantsii XVI v.* [Barbarian and / or Noble Savage: Views on the Brazilian Indians in France (16th Century)]. *Tsivilizatsiia i varvarstvo: transformatsiia poniatii i regional’nyi opyt* [Civilization and Barbarity: Transformation of Concept and Regional Experience]. Moscow, Institute of World History, 2012, pp. 129–149. (In Russ.)
11. Montaigne, M. *O kannibalah* [Of Cannibals]. *Opyty* [Essays], book 1. Moscow, Popurri Publ., 2004, pp. 218–232. (In Russ.)
12. Razumovskaia, M.V. *Peruanka v romane madam de Graffin’i* [A Peruvian Woman in Mme de Graffigny’s Novel]. *Latinskaia Amerika* [Latin America], 1976, No. 6, pp. 99–108. (In Russ.)
13. Législateur. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. IX. Neufchastel, Chez Samuel Faulche & Compagnie, Libraires & Imprimeurs, 1765, pp. 357–363. (In French.)
14. Trousson, R. Introduction – Madame de Graffigny. Lettres d’une Péruvienne (1747). Romans de femmes du XVIIIe siècle. P., Robert Laffont, S.A. 1996, pp. 59–77. (In French.)
15. Voltaire. *Kandid, ili Optimizm* [Candide: Optimism]. *Filosofskie povesti i rasskazy* [Philosophical Tales and Short Stories]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1932, pp. 134–266. (In Russ.)
16. Showalter, E. Françoise de Graffigny: Sa vie et ses œuvres. Oxford, Voltaire Foundation, 2004, 571 p. (In French.)

REFERENCES

1. Graffigny, F. de. *Pis’ma peruanki. Perevod i predislovie O. Sergievo-Posadskoi* [Letters from a Peruvian Woman. Translated with an Introduction by O. Sergiyev-Posadskaya]. Washington, 2004. 246 p. (In Russ.)
2. Rosset, F. Les nœuds du langage dans les Lettres d’une Péruvienne. *Revue d’Histoire littéraire de la France*. Nov.–Dec., 1996, pp. 1106–1127. (In French)
3. [Montesquieu, Ch.-L.]. Pensées et fragments inédits de Montesquieu publiés par le Baron Gaston de Montesquieu. T.I. Bordeaux, G. Gounouilhou, imprimeur-éditeur, 1899. 541 p. (In French)
4. [Goldoni, C.]. L’Autore a chi legge – La peruviana. *Commedia IX. Nuovo teatro comico dell’avvocato Carlo Goldoni [...]* T. 3. Venezia, Appresso Francesco Pitteri, 1757, pp. 27–29. (In Italian)
5. Reid, M. Romans en cartes postale. *Littérature*. № 134. George Sand, “Le génie narratif”. Join, 2004, pp. 147–154. (In Engl.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 мая 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 июня 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on May 14, 2021

Revised on June 25, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016296-8

Инкогерентность как характеристика стихотворного текста (к трактовке образной системы О. Мандельштама)

© 2021 г. В. П. Москвин

Доктор филологических наук, профессор
Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
Россия, 400066, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27
vasmoskvin@yandex.ru

Резюме. Как показал анализ, одной из доминант поэтики О. Мандельштама является установка на затемняющую инкогерентность. В статье выявлены виды и источники инкогерентности, с точки зрения выстроенной типологии даны пояснения ряда темных мест в текстах поэта. Основным приемом реализации указанной установки необходимо считать метафору, которую Мандельштам именовал гераклитовой. Последняя, судя по контекстам употребления, представляет собой словесный образ, существенно, вплоть до герметичности затемненный посредством применения ряда специальных средств; этот сложный для исполнения прием придает тексту характер энигмы, рассчитанной на пробуждение читательской эвристики.

Ключевые слова: инкогерентность, стихотворная речь, словесный образ, гераклитова метафора, герметичный текст, Мандельштам.

Для цитирования: Москвин В.П. Инкогерентность как характеристика стихотворного текста (к трактовке образной системы О. Мандельштама) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 60–85. DOI: 10.31857/S241377150016296-8

Incoherence as a Feature of a Poetic Text (On the Interpretation of the Figurative System of O. Mandelstam)

© 2021 Vasily P. Moskvina

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Volgograd State Socio-Pedagogical University;
27 V.I. Lenin Prosp., Volgograd, 400066, Russia
vasmoskvin@yandex.ru

Abstract. As our analysis has shown, one of the dominant features of O. Mandelstam's poetics is the orientation towards darkening incoherence. In the article, the types and sources of his incoherences are revealed; from the perspective of constructed typology, the article explain a number of dark places in the poet's texts. The main method of implementing the mentioned orientation should be considered a metaphor, which Mandelstam called heraclitic. The latter, judging by the context, is a verbal image that is essentially, up to the point of hermetical closedness darkened by the use of a number of special means; this complex technique turns the text into an enigma designed to appeal to the reader's heuristic abilities.

Key words: incoherency, poetic speech, verbal image, heraclitic metaphor, hermetical text, Mandelstam.

For citation: Moskvina, V.P. *Inkogerentnost kak harakteristika stihotvornogo teksta (k traktovke obraznoj sistemy O. Mandelstama)* [Incoherence as a Feature of a Poetic Text (On the Interpretation of the Figurative System of O. Mandelstam)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 60–85. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016296-8

Введение

Общеизвестен тот факт, что начиная с определенного периода в текстах О. Мандельштама (далее ОМ) появляются “необычные словосочетания” [1, с. 51] и, соответственно, темные места, с трудом поддающиеся истолкованию. Естественным представляется предположение о том, что: 1) одной из доминант поэтики ОМ является установка на затемняющую инкогерентность; 2) выявление типовых источников и основных видов инкогерентности приведет к созданию аналитической платформы, которая не только покажет и подскажет векторы возможных толкований темных мест поэтического текста, но и обеспечит системный подход к их пояснению.

1. Источники инкогерентности

Под когерентностью [лат. *cohaerens* ‘взаимосвязанный’] принято понимать грамматическую и семантическую согласованность частей текста, в частности фраз, словосочетаний и, на “микроровне”, отдельных слов¹. В трактате Исидора Севильского читаем: “Oratio dicta, quasi oris ratio [...] Est autem oratio contextus verborum cum sensu. Contextus autem sine sensu non est oratio, quia non est oris ratio” ‘Речь произносимая подобна устам разума [...]. Речь есть слов сплетенье со смыслом; текст без смысла не есть речь, ибо он не является гласом разума’ [3, с. 12]. За таким представлением о языке стоит *sensus communis*, δόξα, букв. ‘общее мнение’², в изначальном смысле – мнение “обычного человека (the ordinary man)” [4, с. 2], с позиции здравого смысла (а потому зачастую небезосновательно, см. раздел 6) скептически оценивающее тексты с ослабленной и даже, что присуще стилистическому герметизму, нулевой когерентностью, сводящей смысл и понятность (ясность) речи к минимуму, если не *ad nihilum*.

Чтобы выявить СФЕРУ ДЕЙСТВИЯ категории неясности, подразделим стилевые техники на те, которые: 1) не допускают неясности: а) научный стиль, который должен быть понятен для специалиста; б) деловой, неясность которого служит почвой для инотолкований; в) публицистический и разговорный, рассчитанные на *sensus communem* “обычного человека”, т.е. избегают неясности; 2) допускают неясность: это художественная, в частности поэтическая речь, где категория неясности обретает эстетическую значимость.

¹ О подходах к определению данной категории см., напр., обзор: [2, с. 137–150, 236–285].

² Cf. *παράδοξος* ‘неожиданный’ < *παρά* ‘против’ + *δόξα* ‘общее мнение’.

Внутри категории непонимания целесообразно различать: 1) непонятность (неясность, темноту) текста, для адресата очевидную и им осознанную: *Он опыт из лепета лепит И лепет из опыта пьет*; 2) недопонимание, когда произведение понято не до конца: а) подтекст (напр., интертекстуальный намек) не воспринят; б) словесный образ принят буквально, гипостазирован или вовсе не замечен. В случае (2) следует говорить о кажущейся ясности.

Г. Фридрих, характеризуя базисные установки (“предикаты”) поэзии, утверждает: “Есть высшие предикаты – гармония, эвфония. Современный конфликт между *языком* и содержанием решается, безусловно, в пользу первого [...]. Вербальная магия не запрещает ради эффекта околдования разбить, распылить мир на фрагменты. Темнота, инкогерентность становятся предпосылками лирической суггестии” [5, с. 34]. Между тем, было бы упрощением вопроса полагать, что темнота и инкогерентность текста являются исключительно результатом “[...] капризов сюрреалистического воображения, которое отдано в безраздельную власть самых случайных созвучий [...]” [6, с. 7]. Думается, что инкогерентность нельзя сводить к случайности, ее источники – к “созвучиям”, и то, и другое – к стихотворной речи. Основные источники инкогерентности могут быть заданы следующей типологией:

1. Подбор номинаций на основе близкозвучия. Ослабление когерентности регулярно происходит в результате применения средств, укладывающих выбор слов в рамки, диапазон которых задан определенным формальным ограничением. К числу таких средств отнесем приемы, связанные с фонетической аттракцией. Тот факт, что “подобозвучающие слова тяготеют друг к другу” [7, с. 91], является психологическим основанием не только для ряда декоративных средств, например звуковых повторов, но и смысловых (таких как фонетическая аллюзия, звуковая метафора, поэтическая этимология) и даже логических операций, в частности оценки: *Все синички – истерички, А песцы – подлецы, Все лошадки – психопатки, Только мы – молодцы!* (Д. Бурачевская. Гимн ослов), установления причинно-следственных связей: *Поскольку он – тритон – Три тонны весит он* (С. Белорусец. Про тритона), etc. Тематическая канва текста может непредсказуемо меняться в угоду рифме, которая, например в частушке, нередко бывает “нужна там, где больше нечем объединять реалии”: *В огороде на гряде Вырастала мята. За то меня милый любит, Что я толстопята* [8, с. 85]. Чем сложнее

ассоциативная цепочка, тем значительнее становится ослабление когерентности, ср.: *Что за лодка в траве-мураве // может быть это Лотта из Вей- // мара — вей — муравей не робей // на корму забирайся скорей* (Д. Авалиани. Что за лодка в траве-мураве...): *лодка / ло[т]ка ~ Ло[т]ка ~ Лотта* из Веймара, *мураве ~ муравей ~ Веймар ~ вей, вей ~ муравей ~ не робей ~ скорей*. При развертывании текста на основе фонетической аттракции смысловое согласование слов de facto сменяется звуковым, с учетом этого факта сформулируем зависимость: чем больше формальных ограничений на выбор номинативных средств накладывается используемая техника, тем вероятнее становится появление инкогерентных сочетаний в тексте. Регулярность фонетических сближений, как минимум в роли стихомаркирующих средств, делает стихотворный текст более терпимым к инкогерентности, чем прозаический.

2. Подбор номинаций на основе деривационной близости. Цепочки слов, связанных деривационно, уверенно вписываются в ткань зауми: *Я смеярышня смехочеств, Смехистелинно беру* (В. Хлебников. Я смеярышня смехочеств...), гротеска: *Утром выйдешь на кухню вяло, // Пол-яблока, хлеба нет, // На столе только черный Хлебников, это немало. // Ешьте, дети, его, // Черный хлеб превратится в лиловую водку* (Е. Шварц. Утренний натюрморт), иронического дискурса: *Как бы нам обустроить Россию. // Ну, не собрать, так хоть приспособить. // Присоборовать. <...> То есть как бы нам // как бы реорганизовать Рабкрин, // но соборно* (В. Строчков. Караул опять спит...).

Комбинация типов (1) и (2): *Я к губам подношу эту зелень — Эту клейкую клятву листов, Эту клятвопреступную землю: Мать подснежников, кленов, дубков. Погляди, как я крепну и слепну, Подчиняясь смиренным корням* (ОМ. Я к губам подношу эту зелень, 1937). Звено *клейкую ~ клятву* связано фонетически, *клятву ~ клятвопреступную* — деривационно, *крепну и слепну* — структурно и фонетически. Считается, что происходящее в пространстве данного текста “не может быть описано на языке здравого смысла” [9, с. 72]. Приведем пояснение М.Л. Гаспарова: «“Клейкая клятва” [...] — это клятва весны на верность жизни, преступаемая осенью: снова “вечное возвращение” жизни и смерти» [10, с. 257]. Возможно, здесь, как и в сталинской “Оде” ОМ (янв. — февр. 1937), где говорится о “шестиклятвенном просторе” СССР, имеет место аллюзия к шести клятвам, принесенным народу от имени партии в речи И.В. Сталина “По поводу смерти Ленина” (26.01.1924) на II Всесоюзном съезде Советов.

Судя по примыкающим к “Оде” текстам, поэту (во время воронежской ссылки, в обстановке развернувшейся против него травли³) не давал покоя вопрос, *не ползет ли по шестиклятвенному простору (равнинам, земле) Иуда, преступивший клятву* и тем самым предавший идеи Ленина, см. тексты ОМ от 16.01.1937: а) “О, этот медленный, одышливый простор!..”; б) “Что делать нам с убитостью равнин...”: *Что делать нам с убитостью⁴ равнин, С протяжным голодом их чуда? Ведь то, что мы открытостью в них мним, Мы сами видим, засыная, зрим, И все растет вопрос: куда они, откуда И не ползет ли медленно по ним Тот, о котором мы во сне кричим, — Пространств несозданных⁵ Иуда?* С этой точки зрения *клятвопреступная земля* ассоциируется с *шестиклятвенным простором*.

3. Мотивационно осложненные номинации. К категории мотивационно осложненных отнесем номинации, приобретающие без учета контекста характер абсурда, если трактовать последний как нарушение принципов правдоподобия и логики, i.e. “non vero factiōmēvov & ratiōni nostrae apparens” [11, с. 370]. В образовании таких номинаций принимают участие семантические переносы как генераторы катахрез (см. разделы 4, 5 и 5.1, пункты 1–4).

Источником инкогерентности речевых единиц является близкий к категории (3) нарочитый абсурд, возникающий при использовании фигур алогизма (оксюморона, различных видов зевгмы, etc.) и неправдоподобия (гиперболы, литоты, реализации метафоры и др. приемов, связанных с гротеском).

4. Интертекстуально осложненные номинации (см. раздел 5.1, пункт 5).

5. Конситуативно осложненные номинации (см. раздел 5.1, пункт 6).

Типы (1–2) осложнены элективно⁶, (3–5) — когнитивно; за типами (1–2) стоит установка на усложнение и украшение формы текста, за типами (3–5) — установка на усложнение и детализацию его смысла. Затемненные картины (loci obscuri) возникают именно в случаях (3–5); впрочем, в большинстве таких случаев анализ

³ В этой связи сопоставим две даты: а) 23 апреля 1937 г., когда в воронежской газете “Коммуна” появилась статья О.К. Кротовой “За литературу, созвучную эпохе!”, обвинявшая ОМ в троцкизме; б) 30 апреля 1937 г., когда было написано стихотворение ОМ “Я к губам подношу эту зелень”.

⁴ Ср.: *Русь — как убитая* (см. раздел 5.1, пункт 5).

⁵ Вариант: *Народов будущих*, т.е. будущих поколений.

⁶ Одна из процедур первого риторического канона — *electio* ‘выбор’.

с контекстуальной, конситуативной либо интертекстуальной точек зрения приводит к разъяснению невязки и, соответственно, к трактовке, отвечающей авторскому замыслу. Эти три точки зрения мы принимаем за толо, с которых следует смотреть на темные места в текстах ОМ.

2. Инкогерентность снимаемая и герметичная

По отношению к возможности истолкования видятся два типа инкогерентности:

1. СНИМАЕМАЯ контекстуально, интертекстуально или конситуативно поддержанным истолкованием, i.e. “ex condideratione contextus & circumstantiarum” [11, с. 887], с соблюдением принципа правдоподобия. Простейший случай – трансформационный анализ метафоры: *золотые листья* (широкий контекст: *летят с деревьев*) → а) *листья желтые, как золото* (правдоподобное истолкование); б) *листья из золота* (истолкование, нарушающее принцип правдоподобия). Интертекстуально обусловленная инкогерентность снимается экспликацией прецедентного текста: *Родной страны вдыхая воздух, // стыдясь, я чувствовал – украл* (Б. Рыжий. Трамвайный романс) → *Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух* (ОМ. Четвертая проза). Сложный случай, требующий конситуативного комментария, представляет собой стихотворение ОМ “Цыганка” (1925). Рассмотрим его в свете следующей трактовки: «Загадочным остается стих<отворение> “Сегодня ночью, не солгу...”, похожее на описание тяжелого сна [...]» [12, с. 644]. В этой связи приведем: а) начало 1-й строфы: *Сегодня ночью, не солгу, По пояс в тающем снегу Я шел с чужого полустанка [...]*; б) 3-ю строфу: *Того, что было, не вернешь, Дубовый стол, в солонке нож, И вместо хлеба еж брюхатый. Хотели петь – и не смогли, Хотели встать – дугой пошли Через окно на двор горбатый*; в) концовку 4-й: *И запрягают на дворе. Теплеют медленно ладони*. Пояснение данного текста находим и в статье И.З. Сурат, полагающей, что “[...] в основе лирического сюжета стихотворения лежит сон, маркеры которого присутствуют в тексте”; первым из таких маркеров названы строки *По пояс в тающем снегу Я шел с чужого полустанка*, ср.: «стихотворение строится как рассказ о происшествии, и говорящий настаивает на его правдивости: “не солгу”, – но за этим обещанием сразу же следует деталь неправдоподобная: “по пояс в тающем снегу”, и эта деталь переводит рассказ из реальности в пространство тяжелого, вязкого сна», на строке *Теплеют медленно ладони* герой просыпается; стихотворение считается

“фольклоризированным” [13]. О фольклоризированном характере текста, на наш взгляд, сигнализируют и вкрапления парной рифмы. Еще одно, на этот раз конситуативно значимое уточнение. Обратим внимание на концовку текста: *Молочный день глядит в окно И золотушный грач мелькает*. Грачи прилетают в середине марта; согласно народной примете, через месяц после их появления должен растаять снег. Иными словами, речь идет о времени тающего снега, так что деталь *По пояс в тающем снегу* вполне правдоподобна, о чем, впрочем, свидетельствует и следующая подборка цитат: а) [...] *по пояс в тающем мокром снегу, сквозь лесную чащу, молча пробиралась длинная колонна* (К.И. Куликов. Грани победы); б) *Я шел за Гертом след в след, иногда по пояс в мокром снегу* (А. Монастырский. Поездки за город); в) *В топких местах он нес на руках, идя по пояс в мокрой снежной каше, свой пулемет* (Кожевников В. Уменьше побеждать). Если учесть внесенную нами поправку, то фантазмагория наплывающего сна, изображенная здесь в технике гротеска, начинается со 2-й строчки 3-й строфы и продолжается по 6-ю строку включительно.

2. ГЕРМЕТИЧНАЯ ИНКОГЕРЕНТНОСТЬ, не поддающаяся уверенному истолкованию. В этой связи приведем стихи ОМ, “смысл которых скорее угадывается, чем понимается” [10, с. 252]: *Ясность ясеневая, зоркость яворовая Чуть-чуть красная мчится в свой дом, Как бы обмороками затоваривая Оба неба с их тусклым огнем* (Стихи о неизвестном солдате, 1937). Комментарии данного отрывка, как и всего текста, во многом противоречивы (и не всегда совместимы с его содержанием): так, по мнению О.А. Лекманова, “[...] речь идет о том, как подбитый аэроплан “мчится” к земле, к месту, где его изготовили (“в свой дом”), “чуть-чуть” красный от стыда за то, что был использован в военных целях» [14, с. 262]⁷; О. Ронен видит здесь “мотив возвращения погибшего или смертельно раненного в свой земной или небесный дом [?? Курсив наш. – В.М.]”⁸ [16, с. 115]; иную трактовку предлагает Н.А. Струве: «И ясность и зоркость должны быть поняты как определения поэзии. Она “мчится в свой дом”, чуть-чуть красная под действием заката или крови (но пейзаж определенно сумеречный и близок к ночи), оттого

⁷ Н.Я. Мандельштам видит тему “авиации, воздушной катастрофы, погибающего летчика” выше – в двустишии “Научи меня, ласточка хилая, Разучившаяся летать” [15, с. 230–231].

⁸ Если считать “небесный дом” раем, то непонятно, как можно туда “возвратиться”; если считать “земной дом” жилищем, то неясно, как туда “возвращается” смертельно раненный, а тем более погибший.

ли, что окончен ее труд (с окончанием дня), оттого ли, что действие ее нарушено враждебными силами» [17, с. 266]. Существует понимание, связанное “с теорией разбегающейся вселенной”: «Мандельштамовские звезды “чуть-чуть красные”, потому что свидетельствуют о разбегании галактики» [18, с. 541], ср. [16, с. 110].

Если полагать, что средствами контекста может быть устранен любой тип двусмысленности, то основной ее причиной следует считать выявленную римским ритором Фортунатианом (IV–V вв.) “ambiguitas per deficientiam” – двусмысленность, источником которой выступает неполнота контекста [19, с. 100]. По аналогии может быть постулирована неясность per deficientiam, ср.: “ἄν τε γὰρ ἄδολεσχῆι, οὐ σαφῆς, οὐδὲ ἄν σύντομος” ‘Ни многословие, ни чрезмерная краткость не ведут к ясности <речи>’ [20, с. 193]. Противоречивость в комментариях анализируемого отрывка обусловлена дефектностью контекстуальной опоры, в связи с чем наличие второго плана в нем едва ли доказуемо; с уверенностью можно констатировать лишь четыре факта: а) он содержит оптическую дескрипцию; б) предтекст придает ей зловещий, апокалиптический оттенок; в) субъект дескрипции олицетворен (“мчится в свой дом”); г) олицетворение имеет реализованный характер, что характерно для гротеска, реализация же олицетворения, порождающая мотивы оживших предметов, нередко переносит нас в мир ужасного: примеры – статуя в трагедии А.С. Пушкина “Дон Жуан”, портрет в повести О. Уайльда “Портрет Дориана Грея”, тень в пьесе Е. Шварца “Тень”, части тела: нос в повести Н.В. Гоголя “Нос”, голова в поэме А.С. Пушкина “Руслан и Людмила”, etc.

Текст ОМ в целом “интуитивно понятен” [21], вместе с тем, некоторые его образы предназначены скорее для эмоционального переживания, чем для понимания подобно тому, как не предназначена для понимания калиграмма.

3. Инкогерентный образ как элемент текстов позднего Мандельштама

При интерпретации текстов ОМ следует принять во внимание некоторые утверждаемые им самим моменты его поэтики. В статье 1922 г. читаем:

«“Все преходящее есть только подобие”⁹. Возьмем, к примеру, розу и солнце, голубку и девушку. Для символиста ни один из этих образов сам по себе не интересен, а роза – подобие солнца,

солнце – подобие розы, голубка – подобие девушки, а девушка – подобие голубки. Образы *выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием*. Вместо символического “леса соответствий” – **чучельная мастерская**» [23, с. 183].

Объектом критики стала двусмысленность per deficientiam, лежащая в основе образной поэтики (“чучельной мастерской”) символизма. Ср.: *Каждый вечер по легким и зыбким мостам Мы выходим друг другу навстречу* (М. Цветаева. Не гони мою память! Лазурны края...). Ряд возможных трактовок открыт: *мосты* сновидений? грез? мечты? памяти? Характеризуя незамкнутые метафоры символистов, ОМ пишет:

“Для Москвы самый печальный знак – богородичное рукоделие М. Цветаевой [...]. Худшее в литературной Москве – это женская поэзия. <...> Большинство московских поэтесс ушиблены метафорой. Это бедные Изиды, обреченные на вечные *поиски куда-то затерявшейся второй части поэтического сравнения* [курсив наш. – В.М.], долженствующей вернуть поэтическому образу [...] свое первоначальное единство” [24, с. 275].

При незамкнутой метафоре отсутствует подсказывающее ее смысл ключевое слово (“вторая часть поэтического сравнения”); его подстановка превращает метафору в замкнутую, т.е. однозначную. Дабы не сорваться “в выпуск бумажных ассигнаций” [25, с. 394], такими метафорами не следует злоупотреблять; видимо, этот тезис стоит за тоном замечаний, обращенных к женской поэзии. Логично предположить, что в определенный момент в арсенале ОМ появилась некая альтернативная тактика. На ее роль может претендовать следующий сформулированный в 1921 г. принцип словоупотребления:

“Не требуйте от поэзии сугубой вещности [...]. Сомнение Фомы. *К чему обязательно осязать перстами?* [здесь и далее курсив наш. – В.М.] А главное, зачем отождествлять слово с вещью, с травой, с предметом, который оно обозначает? *Разве вещь хозяин слова?* Слово – Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. *И вокруг вещи слово блуждает свободно*, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела” [26, с. 171].

В данный контекст вписываются слова, сказанные им А. Ахматовой (в “Листках из дневника”) этот принцип назван «ТЕОРИЕЙ “ЗНАКОМСТВА СЛОВ”»: “Надо знакомить слова”, т.е., по истолкованию Ахматовой, “сталкивать те слова, которые никогда раньше не стояли рядом” [27, с. 449].

⁹ Лозунг символистов, восходящий к следующим стихам: “Все преходящее // Только сравнение...” (И.-В. Гёте. Фауст, перев. А. Фета) [22, с. 9 и 485]. – В.М.

В этом свете может быть объяснен тот факт, что с начала 20-х годов в стихах поэта рядом с прежними, простыми и ясными, что соответствует установкам акмеизма: “конкретность, вещественность, посюсторонность” [10, с. 201], появляются инкогерентные, противящиеся уверенному истолкованию фантазмагорические образы: по мысли ОМ, если поэзия “поддается пересказу”, это “вернейший признак отсутствия поэзии” [28, с. 214]. В число тактик поэта вошла неясность *per deficientiam*, во многом определившая стиль позднего ОМ. Ср.:

«До 1920 г. у ОМ много стихотворений, содержание и смысл которых не сразу, не с первого чтения открывается читателю, но все они могут быть поняты до конца, если в них вдуматься. <...> В 20-х годах от этого основного ствола поэзии ОМ отделяются две ветви: одна часть его стихотворений начинает приближаться по понятности к классической простоте, а другая стремится [...] к “зауми”. Постепенно ветви ширятся за счет ствола. Стихотворения ОМ, написанные ок. 1930 г., можно разделить на две группы: понятные с первого чтения и *недоступные вполне обычному пониманию* [курсив наш. — В.М.]» [29, с. 32].

Эти же сроки указывает В. Вейдле: «После “Тристей” [1922] стихотворная его манера коренным изменениям не подверглась, только наметившееся уже там сгущение образности и соответственное затуманивание связи между отдельными образами кое-где обозначилось сильнее, чему в отдельных случаях содействовала сознательная или полусознательная зашифровка того, что собственно высказывалось в данном стихотворении» [30, с. 72]. В тексте от 24.11.1920 читаем: *И блаженное, бессмысленное слово В первый раз произнесем <...> За блаженное бессмысленное слово Я в ночи советской помолюсь* (ОМ. В Петербурге мы сойдемся снова). М.Л. Гаспаров, полагая, что “[п]оздний ОМ — это [...] новаторская поэтика необычных словосочетаний на грани сюрреализма”, называет переломным “от ранней манеры к поздней” год написания “Грифельной оды” (1923) [1, с. 51]; А. Кан связывает этот перелом с текстами “Грифельной оды” и “1 января 1924” [31, с. 9–10].

4. Вопрос об устройстве словесных образов Мандельштама и подходах к их анализу

4.1. Метафора смысловая и звуковая

Среди релевантных для поэтической речи переносов (см. раздел 1, пункт 3) наиболее ярким считается метафорический. Изучение научной

литературы убеждает в том, что при рассмотрении данного переноса целесообразно:

1. Отделять метафору от смежных феноменов, что облигаторно предполагает обращение к экспериментальным методам. Рассмотрим с этой точки зрения следующую трактовку: “Различным образом скрещенные метафоры / метонимии наблюдаем в таких построениях, как *судьба-цыганка* [а], [...] *внимательные закаты* [б], *затравленное фортепьяно* [в], *эластичный сумрак кареты* [г]” [32, с. 29–30]. Трансформационный анализ показывает, что “скрещения” здесь отсутствуют: 1) примеры (а) – (в) представляют собой олицетворяющие метафоры: неодуш. *судьба* → одуш. *судьба-цыганка*¹⁰ → *судьба, как цыганка*, etc.; 2) пример (г) содержит метонимический эпитет: *эластичные рессоры кареты* (М.Н. Волконский. Кольцо императрицы); *баюкание эластичных резиновых шин* (К. Чуковский. Футуристы) → *А в эластичном сумраке кареты, Куда печаль забилась* (ОМ. Лютеранин, 1913).

2. Различать значения термина *метафора*, в частности следующие два типа метафор, первый из которых связан с сопоставлением смыслов, второй – звуковых форм номинативных единиц (см., напр.: [34, с. 12–15]):

2.1. Семантическая метафора – замена по сходству референтов. Рассмотрим случай, когда вспомогательным субъектом семантической метафоры становится графема: *страдальческая ижица рта* (Л. Ржевский. Дина. Записки художника), *дельта реки* и др. В том, что этот тип метафоры входил в репертуар выразительных средств, используемых ОМ, убеждают следующие цитаты: а) *Когда сотни фонарщиков с лесенками мечутся по улицам, подвешивая бемоли к ржавым крюкам, укрепляя флюгера дизелов, снимая целые вывески поджарых тактов, — это, конечно, Бетховен* (Египетская марка, 1923); б) *Флейты греческой тэта и йота* (Флейты греческой..., 1937). Комментируя этот загадочный, по мнению специалистов, стих, М.Л. Гаспаров пишет: «Мы склонны даже думать, что в ст. 1 следует восстановить “...мята и йота”: вариант с “тэтой”, несомненно, авторский (*lectio difficilior*), но из того, что он больше нравился Н[.]Я[.]М[андельштам] в старости, не следует, что он непременно последний. Сопоставление же разночтений первых двух и третьего списка убедительных выводов не дает. Почему именно тэта и йота связывались для ОМ с флейтой, **мы не знаем** (тэта – первая буква слова *thanatos*, “смерть”)?»

¹⁰ Широкий контекст: *Ломовика судьба-цыганка Обратно в степи привела...* (ОМ. Летние стансы, 1913).

примечание А.Г. Меца, что речь идет о двух буквах... из слова “флейта”, — явное недоразумение» [35, с. 120]. Заменяя сложный для понимания фрагмент простым, т.е. *тэту на мяту*, М.Л. Гаспаров скорее нарушает предписание И.А. Бенгеля (1687–1752), чем следует ему. Думается, что при анализе стихов ОМ, в записи которых, как известно, принимала участие Н.Я. Мандельштам, необходимо учитывать не только правило И.А. Бенгеля “lectio difficilior potior”, продуктивное при работе с искаженными при переписывании старинными текстами, но и не менее значимый принцип герменевтики “lectio facilior / clarior potior”, согласно которому при наличии ряда возможных истолкований следует выбирать наиболее ясное, простое и естественное. На наш взгляд, образ “греческой флейты” (αῦλου) возникает при соединении двух графем: а) “Θ” ‘тэта, тэта, фита’, изображающей раструб; б) “Ι” ‘йота’, изображающей трубку.

2.2. Звуковая метафора — замена по сходству формы (см. раздел 1, пункт 1), что предполагает отсутствие семантических оснований для такой замены¹¹: *вижу лица, запрокинутые к весне, // и саму весну — так близко, в пяти шагах* (П. Калугина. С высоты), ср. в пяти шагах; *Ворон картавый кар-р! // назад с иврита канцер-р! // и чирьи воробьев // Цир-роз! Цир-роз! Цир-роз!* (В. Строчков. Весенние стансы), ср. *чириканые*. Данная тактика (в античной терминологии — замена *per raronomasian / katà paronomasían*) известна в риторике как фигура (в настоящее время именуемая звуковой метафорой), в герменевтике — как прием пояснения темных мест текста [11, с. 1333].

Рассмотрим методику анализа метафор ОМ, применяемую Б.А. Успенским¹². Исходя “из определения Аристотеля, согласно которому метафора представляет собой скрытое сравнение” [36, с. 7], ученый анализирует следующие стихи: *Но сильнее всего непрочно- Выпуклых голубизна, Полукруглый лед височный Речек, бающих без сна...* (Как подарок запоздалый..., 1936). Он утверждает: “Слово *лед* явно заменяет здесь слово *лоб*, изоритмически и фонетически близкое [...]” [36, с. 15]. Однако: а) обозначив как объект исследования один тип метафоры (смысловую, т.е. скрытое сравнение референтов, что соответствует определению Аристотеля), Б.А. Успенский приписывает тексту

¹¹ При появлении таких оснований следует говорить о комбинации типов (2.1) и (2.2), ср. *горящий мел* (“Грифельная ода”) и *Млечный Путь*: ход и по смыслу, и “по созвучию” [33, с. 18].

¹² См. выполненные по этой же методике работы П.Ф. Успенского, в частности [21] и др.

ОМ другой (звуковую), в чем видится потеря тезиса; б) неприемлемость субституции *лед височный* → **лоб височный* демонстрирует сомнительность интерпретации через звуковую метафору (хотя бы с точки зрения анатомии); думается, что за выражением *лед височный* стоит более подходящая для данного контекста смысловая метафора, основанная на сравнении формы льда с формой височной кости. Ср.: “Чешуйчатая часть височной кости имеет вид *полукруглой* [курсив наш. — В.М.], вертикально расположенной пластинки, которая принимает участие в образовании крыши черепа” [37, с. 79]. Применяя один и тот же аналитический прием (замену по близкзвучию, или, в терминах экзегезы, замену *κατὰ παρονομασίαν*) к целому ряду далеко не всегда однородных феноменов, Успенский трактует стихи:

1) *Вода голодная течет, Крутятся, играя, как звереныш* (Грифельная ода, 1937) — как *вода холодная течет* [36, с. 15], в результате оказывается разрушен анимистический образ голодной (*как зверь*) воды.

2) *И расхаживает ливень С длинной плеткой ручьевой* (Зашумела, задрожала..., 1932) — как *И расхаживает парень*: “Для того чтобы получить из метафорического текста обычный текст (отвечающий прямому, а не переносному употреблению), мы должны [...] заменить в нем слово *ливень* (поскольку оно употреблено здесь **метафорически** [? — В.М.]). Вместе с тем кажется ясным, какое именно слово должно быть подставлено вместо данного: [...] это слово *парень*” [36, с. 14]. Однако: а) олицетворяющая метафора (*ходит ливень*, ср. *идет дождь*), как известно, не приводит к смене значения олицетворяемого слова; б) субституция *ходит ливень с длинной плеткой ручьевой* → **ходит парень с длинной плеткой ручьевой* неприемлема контекстуально, поскольку она не только разрушает тематическую цепочку *ливень* ~ *ручьевой*, но и сводит смысл двустипшия ad absurdum; в) с обозначенной точки зрения для анализа такой метафоры более уместна не субституция, а компаративная развертка: *ходит ливень* → *ходит ливень, как парень (кучер, etc.)*.

3) *Дай мне силу без пены пустой...* (Заблудился я в небе — что делать? 1912) — как *густой*, ибо “[n]устая пена воспринимается здесь на фоне **обычного** сочетания *густая пена*” [36, с. 16]. Данный тезис: а) имплицитно подразумевает необычность сочетания *пустая пена*, на самом деле вполне привычного для русской поэзии, ср.: *и платья // Бального пустая пена* (М. Цветаева. Психея), *Напоминает прошлых пиришеств чад Шампанское на самом дне бокала, Пустую пену пуниша, легкий взгляд*,

В котором тенью чувство пробежало (Дж. Байрон. Дон Жуан, перев. Т.Г. Гнедич); Чуть-чуть погрелся у костра, Пригубил вин пустую пену (А.В. Луначарский. И все теряет сразу цену...), etc.; б) заменяет один образ другим, сниженным и коннотативно чужеродным, ср.: Нянька хотела что-то сказать, но в это время поднялась на варенье **густая белая пена** (Н. Тэффи. Ревность); Когда официант принес пиво, Дед выудил из кармана бутылку самогона, разлил в **густую пену**, пустую поставил под стол (Ю. Коротков. Попса); **Раскрытые глаза налились кровью; густая, красноватая пена** показалась изо рта (С. Голицын. Царский изгнанник). Как видим, коннотационал выражения **густая пена** прочно связан с кулинарией, едой, с физиологией, а значит, в силу своего бытового характера вступает в конфликт с высоким лирическим стилем стихотворения ОМ.

Методика Б.А. Успенского срабатывает применительно к парафразу устойчивых словосочетаний, однако едва ли целесообразно:

1. Подводить все случаи парафраза под “метафору” (семантическую? звуковую?). Рассмотрим в этой связи производимые ученым субституции: а) **государственный стыд** (Чтоб, приятель и ветра и капель..., 1937) → **государственный строй**, формула переноса здесь не метафорическая, ср.: ‘то, что происходит в государстве, вызывает стыд’ (метонимия *per consequentiam*); б) **москательные пожары** (Ты розу Гафиза колышешь..., 1930) → **москательные товары** (вывеска горит пожаром красок: семантическая метафора); в) **по торговой мостовой** (Зашумела, задрожала..., 1932) → **по торцовой мостовой**: если не усматривать метонимические связи между **торцовой мостовой** и **торговлей на улице** или **Торговой улицей**, то здесь имеет место звуковая метафора. Ряд случаев не имеет отношения ни к семантической, ни к звуковой метафоре, напр.: **Черноречивое молчание в работе** (Чернозем, 1935). Ученый прав, утверждая: “Эпитет **черноречивый** явно восходит в этом контексте к эпитету **красноречивый**” [36, с. 17], но производящим приемом выступает здесь не метафора, а параморфоза¹³.

2. Выводить такую замену за пределы устойчивых выражений, поскольку в этом случае опознание замены лишается опоры на фразеологически связанный контекст, ср.: а) **черноречивое молчание** → **красноречивое молчание**, **торговая мостовая** → **торцовая мостовая** (есть опора); б) **лед**

¹³ ПАРАМОРФОЗА состоит в замещении части слова близкозвучной единицей, отвечающей содержанию контекста: *Удод, удод, удодина, // Удодливый удод, // В твоём гнезде удодом // Удобно ли, удод?* (М. Яснов. Приставалка к удоду).

височный → **лоб височный**, **вода голодная** → **вода холодная** (опора отсутствует).

4.2. Открытая для понимания и герметичная метафора

Словесные образы ОМ, связанные с семантической метафорой, в трансформационном отношении членятся на два типа:

1. Метафоры, поддающиеся компаративной трансформации, а потому ясные: *Скандалом называется бес, открытый русской прозой или самой русской жизнью в сороковых, что ли, годах. Это не катастрофа, но обезьяна ее, подлое превращение, КОГДА НА ПЛЕЧАХ У ЧЕЛОВЕКА ВЫРАСТАЕТ СОБАЧЬЯ ГОЛОВА* (ОМ. Египетская марка, 1928), ср.: *когда человек начинает лаять как собака*, т.е. *лаяться*. В этой яркой реализованной метафоре наблюдаем “баланс внятного и бессвязного” [38, с. 61]. В данном случае бессвязность, т.е. инкогерентность, катахрезность, присущая любой метафоре (см. раздел 1, пункт 3), снимается благодаря возможности компаративной развертки. Этот тип образов ОМ использовал на протяжении всей творческой жизни.

2. Не поддающиеся истолкованию через сравнение. Метафора представляет собой катахрезный (онейроидный, сюрреалистический) образ, для понимания которого необходимо построить известную аналитическую триаду “основной субъект ~ вспомогательный субъект ~ tertium comparationis” [34, с. 92–95, 98–104], например, применительно к метафоре **золото листьев**: ‘желтизна’ (основной субъект), ‘металл’ (вспомогательный), ‘цвет’ (tertium comparationis). В герметичной метафоре дан вспомогательный субъект, может угадываться tertium comparationis, основной же субъект остается не вполне определенным. Такие словесные образы характерны для позднего ОМ.

Регулярное применение поддающегося истолкованию типа (1) наряду с типом (2) провоцирует к попыткам осмысления типа (2), что вызывает серьезные, а нередко и заведомо непреодолимые сложности. Разберем в этой связи следующие стихи: *Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма, За смолу кругового терпенья, за советный деготь труда. Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима, Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда. И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый, Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, – Обещаю построить такие дремучие срубы,*

Чтобы в них татарва опускала князей на бадье (ОМ. Сохрани мою речь навсегда..., 3.05.1931).

К типу (1) относятся четыре образа: а) *совестный деготь труда* “черная повседневная работа” [39, с. 236]; б) *смола кругового терпенья* ‘вязкая липкость всеобщего терпенья’, ср. также, рег. *рапопoтaсиaн, круговая порука* [40, с. 57]; [41, с. 66–67]; в) *отразилась семью плавниками звезда* ‘семью лучами’¹⁴; г) *И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый, Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье [...]. “Непризнанному брату”, т.е. интеллигенту-отщепенцу, одновременно отцом, другом и помощником могут быть: а) народ; б) язык: “Обращено стихотворение, вероятнее всего, к русскому языку” [10, с. 240]; [40, с. 49]. Однако поэт не назовет родной язык грубым, а абстракция вряд ли станет адресатом обещания. С этой же точки зрения язык (т.е. абстракция) не может требовать от поэта “тех жертв, о которых дальше идет речь”, их “может требовать только народ” [42, с. 180].*

Тип (2) содержится в следующем двустишии: **Обещаю построить такие дремучие срубы, Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.** Лексико-тематическая группа *сруб, опускать и бадья* предполагает упомянутый в предтексте *колодец*; эпитет *дремучий*, возможно, смещен по метонимической формуле “*дремучий лес* → *дремучий сруб* <сделанный из деревьев дремучего леса>”¹⁵. Казнь князей в колодце заставляет вспомнить: а) «тему библейского Иосифа, “непризнанного брата”, брошенного в колодец» [42, с. 180]; б) с некоторым вульгарно-социологическим креном — “убийство царской семьи” [41, с. 73]; [40, с. 51]; в) с логической и темпоральной невязкой: “**расовые** враги топят в них [колодцах. — *В.М.*] **классовых** врагов” [10, с. 240].

Ряд исследователей усматривает в данном двустишии готовность поэта пойти на сделку с совестью, что, *inter alia*, согласуется: а) с последней строкой стихотворения “Неправда” (4.04.1931); б) со следующей оценкой повести “Шум времени” (1923): “ОМ воспевае власть”, вместе с тем: “Было бы низостью умалчивать о том, что ОМ-поэт (обратно прозаику, т.е. человеку) за годы Революции остался чист” [44, с. 127, 129]. Рассмотрим доводы сторонников “сделки с совестью”: «Самая большая загадка стихотворения — это “дремучие

срубы”, которые обещает построить поэт, “чтобы в них татарва опускала князей на бадье”»; текст загадочен уже хотя бы потому, что “никаких свидетельств о подобных казнях князей в Древней Руси найти не удастся” [42, с. 181]. Соответственно, приходится применить метафорезис¹⁶, в частности: а) понимать под татарвой “молодежь”, “племя младое, незнакомое”, видя в появлении этого племени «приход нового поколения как второе нашествие чуждых и могучих “некрещеных” племен, с которыми России суждено прожить не меньше, чем она прожила под татаро-монгольским игом» [42, с. 182], хотя за отождествлением молодежи 30-х годов с “татарвой” вполне закономерно видится *saltus in concludendo*; б) приписать ОМ готовность участвовать в этих казнях: «Так что смерть в подвале или погребе, в шахте, в колодце имела самое актуальное и личное звучание для ОМ. И вот присоединяясь к казнящей “татарве”, помогая ей поэтическим словом, поэт делает страшный выбор — он солидаризируется с убийцами [...]» [42, с. 183], ср.: “[...] ОМ изъявляет готовность пойти на сделку с (народной) властью, только бы она позаботилась о сохранности его произведений” [45, с. 350], ср. [46, с. 226–235]; «[...] поэт просит кого-то (впрочем, просьба ли это, или заявление о своем праве?) сохранить его “речь” в обмен то ли на соучастие в чем-то, то ли на собственную жизнь» [47, с. 214], etc.

С другой стороны, в анализируемом двустишии необходимо увидеть:

1. Сложноподчиненное предложение с придаточным меры и степени, построенное по формуле “ $N_1 V_f \text{ такие } Adj_4 N_4, \text{ чтобы } N_1 V_{\text{прает.}}$ ”, где V_f — глагол созидания (*verbum faciendi*), Adj_4 — оценочное прилагательное, $V_{\text{прает.}}$ — глагол в форме прошедшего времени, обозначающий некое прогнозируемое, в нашем случае — явно фантомное, гиперболическое следствие: *построить такие дремучие срубы, Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.* Придаточные меры и степени с союзом *чтобы* “[...] обозначают ирреальную ситуацию, которая спровоцирована некоторым свойством, выраженным в главном предложении. Их можно называть придаточными *ирреального* [курсив наш. — *В.М.*] следствия” [48, с. 142].

¹⁴ Сравнение звезды с рыбой: *Ночь наглоталась колючих ершей* (На полицейской бумаге верже..., 1930).

¹⁵ Существует и такая трактовка: «“Сруб” — колодец, уходящий вглубь, что подчеркивается определением “дремучий”» [43, с. 21]. Однако эпитет *дремучий* ‘густой’ не связан с линейными измерениями объекта.

¹⁶ МЕТАФОРЕЗИС — интерпретация выражения как содержащего метафору, в частности аллегория, ср.: *Вход с трагической надписью: “Выхода нет”* (Б. Слуцкий. Дальний автобус); на мотив “Снесла курочка...”: *вот метафора сказочно точная: // его били-били — не разбили // дед и баба // (т.е. всякие объективные // социально-политические // и социокультурные // тяготы и лишения)* (Т. Кибиров. Шалтай-Болтай).

2. Выполненную в технике гротеска псевдо-историческую (возможно, *ad risum*¹⁷) аллюзию к татарам, якобы казнившим русских князей таким способом. Общий смысл двустушия: ‘обещание сделать нечто невероятное’, для дальнейшей конкретизации (“чучельного наполнения”) образ закрыт с контекстуальной, конситуативной и исторической точек зрения. Примеры гипербол, построенных по рассмотренной структурной схеме: *Свадьбу своей дочери Слонимские должны были ЗАКАТИТЬ такую, чтобы она СВЕРКНУЛА на всю Новую Англию, ДОКАТИЛАСЬ до Нью-Йорка и Вашингтона, ВСТРЯХНУЛА Чикаго, и дальше, и глубже — по всем проводам, всем магнитам, всем волнам — ДОСТИГЛА БЫ слуха последней букашки* (И. Муравьева. Любовь фрау Клейст); *Покуда касается он имения нашего, я ни слова не говорю; но ежели осмелится врать вздор и ежели дойдет до меня, я ему уши СДЕЛАЮ такие, чтобы он походил вперед на осла* (А.Я. Булгаков. Письмо К.Я. Булгакову, 23.08.1818). Едва ли стоит, принимая эту реплику буквально, обвинять дипломата в попытке обратить уши человека в ослиные, поэта же, гипостазировав построенный им гротескный образ, — в готовности к соучастию в казнях.

Рассмотрим завершающую строфу: *Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи — Как прицелясь на смерть городки зашибают в саду, — Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе И для казни петровской в лесах топорщице найду.* М.Л. Гаспаров видит в образной структуре текста лейтмотивную формулу: “Сквозной образ стихотворения — колодезные срубы: в первой строфе на дне их светится звезда совести¹⁸ [...], во второй расовые враги топят в них классовых врагов, в третьей они похожи на сложенные городки [курсив наш. — В.М.], по которым бьют” [10, с. 240]. Насколько соответствует эта трактовка реальности? При игре в городки “рисуют два квадрата — города”, на них “в виде определенных фигур выстраивают деревянные чурки — это и есть городки”. Перечислим фигуры по степени возрастания сложности: *пушка, звезда, колодец, артиллерия, рак, серп* и др. (более двадцати, в том числе

¹⁷ “В позднейший период в произведениях ОМ чаще звучит ирония” [29, с. 33]; для поэта всегда было характерно то, что сам ОМ, по свидетельству Б.С. Кузина, именовал “ржактами”. Приведем оценку А. Тарковского: *Гнутым словом забавлялся, Птичьим клювом улыбался* (А. Тарковский. Поэт); имеется в виду ОМ. Ср. греч. *τρέπειν* ‘поворачивать <слово>’, *τρόπος* ‘поворот, перенос’, отсюда термин *троп*.

¹⁸ Согласно христианской легенде, речь должна идти о Вифлеемской звезде, согласно русскому народному поверью — о звездах, которые даже днем можно увидеть в темной воде глубокого колодца. — В.М.

“дополнительные”: *паровоз, бутылка, слон, утка, телега, забор, ворота, башня, поезд, мост, фонарь, канат, змея*, etc.). Разбивали *пушку*, затем выстраивали и разбивали *звезду* и т.д. [49, с. 162–163]. Нет полной уверенности в том, что городошники в тексте ОМ метали биты именно в “колодец”; скорее всего, картина игры в городки в стихе *Как прицелясь на смерть городки зашибают в саду* представлена средствами прямой номинации. Сложен вопрос о *мерзлых плахах*. Распространенное мнение гласит:

«Даже с точки зрения обиходного языка, в этом стихотворении много слов, тем или иным образом указывающих на топор. Если, например, из них составить искусственную загадку, то особой смекалки для ее разгадывания не понадобится: “Железная рубаха и топорщице; помощник в труде, на плахах же зашибает на смерть, казнит”» [50, с. 37].

С этой точки зрения финальная строфа стихотворения “начинается с *плахи*, а кончается — *казнью*” [51, с. 46]. С другой стороны, судя по контексту, под *мерзлой плахой* следует понимать промерзшую на морозе битую; через народное словцо *плашка* поясняется информантом диалектизм *ска́лба* “[б]ита для игры в городки”: “У нас [жителей поселка Селище Селижаровского р-на. — В.М.] зимой игры, ска́лба, ну, это плашка, бревно” [52, с. 81]. Возможен и метонимический образ парней, мечущих плахи в городки (по формуле переноса “орудие → человек, его применяющий”), ср.: *Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи*. М.Л. Гаспаров констатирует: “Кончается оно [стихотворение. — В.М.] двусмысленно: поэт обещает найти топорщице (не обух!) то ли на казнь врагу, то ли самому себе” [10, с. 240]. Если выбирать объект казни среди тех, кто упомянут в тексте, то ясно, что таким объектом должен стать не парень-городошник или иной представитель “народной семьи”, а поэт-отщепенец; к этому выводу можно прийти и если учесть омонимические ассоциации со словом *плаха* ‘атрибут казни’. И.З. Сурат, с доводом *ad auctoritatem* и с точки зрения “сделки с совестью”, приходит к заключению:

«Вот у Бродского, например, не вызывало никакого сомнения, что “топорщице” поэт обещает найти для себя, призывая тем свою скорую гибель. Покаянная [за готовность “солидаризироваться с убийцами”. — В.М.] жизнь в страданиях и насильственная смерть по собственному выбору — такова цена причастности к народной судьбе, цена той общности, к которой стремился ОМ» [42, с. 185].

Однако если поэт “солидаризируется с убийцами”, то логично было бы полагать, что топорище он должен искать не для себя, а “на казнь врагу”.

Неоднозначно толкуется и образ железной рубахи: И.З. Сураат видит в ней “железные вериги покаяния”, “одеяние то ли юродивого, то ли святого, добровольные вериги за право говорить правду” [42, с. 184 и 253]; есть мнение о слиянии двух фольклорных образов: “Железная рубаха – контаминация деревянного бушлата и железных сапог” [53, с. 220]. Между тем, железная рубаха – общепринятая перифраза кольчуги, ср.: *Старик протягивает руку и рвет кольчугу из проросшей сквозь кольца травы. Она вся в глинистых листьях и мокрых корнях. Старик сразу бросает ее. Вытаскивает из ила шлем. – Железная рубашка... Железная рубашка... – бормочет он* (Н. Задорнов. Железная рубашка); *Таким образом, получалась кольчатая железная рубашка, предохранявшая тело от удара мечом, копьем или стрелой* (Н.В. Анфимов. Древнее золото Кубани); *Эта железная рубашка, сплетенная из колец, пролежала в земле около пятисот лет* (Г. Носовский, А. Фоменко. Русь).

Под конкретикой образов ‘готовность всю жизнь проходить в <тяжелой> железной рубахе’ и ‘найти топорище для петровской казни’ необходимо понимать более широкий смысл ‘готовность пойти на любые лишения, включая <собственную> смерть’, по формуле переноса “concretum pro abstracto”¹⁹. Данная номинативная тактика, “cum insigni emphasi & energia ponitur” ‘применяемая с тем, чтобы подчеркнуть и усилить <смысл>’ [55, с. 191], отвечает: а) следующей оценке самого ОМ: “Отвлеченные понятия в конце исторической эпохи²⁰ всегда воняют тухлой рыбой” [57, с. 45]; б) реплике М. Цветаевой: “Видимый мир ОМ прекрасно видит и пока не переводит его на незримое – не делает промахов” [44, с. 128]; в) двум тезисам Г.С. Померанца: “Теоретизируя, ОМ легко запутывается”; “ОМ пытается говорить только о простых, зримых вещах [...]” [25, с. 392 и 394]; г) мнению супруги поэта, отмечавшей “конкретность мышления ОМ” [58, с. 662]; д) установке акмеизма: “конкретность, вещественность, по-сторонность” [10, с. 201].

¹⁹ Эту же тактику анализа применяет, напр., Н.А. Лавровский, рассматривая выражение *разорити дьявола* в “Игоревом договоре” (944). Он полагает, “[...] что слово *дьяволь* в этом случае употреблено вместо отвлеченного понятия – раздор, размирье и т.п. (concretum pro abstracto) [...]” [54, с. 97].

²⁰ Из этой эпохи ему, одному из “потерпевших крушение выходцев девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк” [56, с. 201], видимо, так и не удалось выйти, “приспособившись” к новой. – В.М.

Рассмотрим в этом ключе следующий текст: *Кому зима – арак и пунш голубоглазый, Кому – душистое с корицею вино, Кому – жестоких звезд соленые приказы В избушку дымную перенести дано* (Кому зима – арак и пунш голубоглазый..., 1921/1922). Составляющие этой образной цепочки сложны для осмысления. М.Л. Гаспаров видит в ней философскую абстракцию: “кантовский императив или современная эмблема?” [10, с. 228]. М.Б. Мейлах подводит под выражения *колючие звезды, жестокие звезды* мифологически обоснованный “мотив враждебности звезд” [59, с. 178 sq.]. Возможными также представляются более простые и конкретные смыслы: а) стоящее за метафорическим эпитетом *колючие* (лучи звезд, звезды) сравнение по форме с колючим плодом или колючей рыбой, ср.: *На полицейской бумаге верже – Ночь наглоталась колючих ершей – Звезды живут – канцелярские птички, – Пишут и пишут свои раппортички*; б) корреляция с выражением *счастливая звезда*, ср.: *Жестокая звезда – недобрый знак – Отражена была в моей купели, В жестокой я качался колыбели, В жестоком мире сделал первый шаг* (Ф. Петрарка. Жестокая звезда – недобрый знак... Перев. Е. Солоновича). М.Л. Гаспаров поясняет образ ‘солёный’ через ряд абстракций: «“Соль” здесь не только в прямом значении (звезды похожи на крупинки соли²¹), но и в переносном (“соль земли”, хранящая мир от порчи, – Мф 5. 13, ср. Мк 9. 50). Путь “под солью звезд” больше напоминает о виде соли, “крутая соль обид” – о горечи соли (иной, более высокой, чем горечь дыма), “солёные приказы” – о существенности соли; упоминается и “о четвертом значении соли, жертвоприносительном” [60, с. 337]. Не менее возможной представляется здесь простая в своей естественной конкретности вкусовая метафора *солёные приказы* ‘приносящие неприятности, беды’, ср.: *Петербург ему солон достался: В наводнение жену потерял* (Н.А. Некрасов. О погоде, 1859); *Ему, по-видимому, вместе с его “Новым временем”, слишком солони пришили недавние мои выписки* (В.В. Стасов. По поводу г. Буренина, 1885). Если посмотреть с этой позиции, то данная метафора оказывается применена и в стихотворении ОМ “Умывался ночью на дворе” (1921): *Чище смерть, солёнее беда*²². Если полагать, что в 1-й и 2-й строчках речь идет о мире благополучия, то в 3-й и 4-й должна идти речь о тех, кто вынужден выполнять солёные приказы

²¹ По форме и цвету, ср.: а) ниже в этом же тексте: *солью звезд*; б) *Крупной солью сыпались на двор зимние звезды* (Феодосия, 1924). – В.М.

²² Ю.И. Левин отмечает связь “соли с бедой” в “необычном эпитете” *солёнее беда* [61, с. 10].

своей несчастливой звезды, обрекающей на жизнь в дымной избушке, с этой точки зрения коррективы требует следующая картина:

«С первых же слов “кому... – кому...” (ст. 1–3 [...]) задана главная тема, противопоставление. Противопоставляются два мира: чужой, описанный кратко, и свой – подробно. В центре “чужого” мира – загадочные “заговорщики”: у них арак, голубой пунш-жженка и душистое вино с корицей (глинтвейн), в душе у них – “крутая соль торжественных обид”, над ними [или над лирическим героем, жителем избушки? – В.М.] – “жесточких звезд соленые приказы”; по-видимому, ощущение этих приказов [?] и заставляет их топиться (“отарою овец”) к отмщению этих своих обид» [60, с. 334].

В результате применения формулы “тип (1) + тип (2)” тексты ОМ оказываются затемнены образами типа (2), оставаясь понятными: а) в деталях, связанных с типом (1); б) в составляющих основу текста прямых номинациях, т.е. в общем и целом, сюжетно и тематически. Так, текст “Грифельной оды” (1923) тематически понятен: “перед нами – стихи о поэтическом творчестве” [62, с. 154], но в деталях темен, поскольку большая часть образов текста закрыта для уверенного истолкования: *Ночь, золотой твой кипяток Стервятника ошпарил горло, И ястребиный твой желток Глядит из каменного жерла* (тип 2). Обращение к прецедентному тексту помогает прояснить лишь одну деталь: *А если что и остается Чрез звуки лиры и трубы, То вечности жерлом пожрется И общей не уйдет судьбы!* (Г.Р. Державин. На тленность). Смысл четверостишия ОМ “[...] темен, потому что отношение поэта к ночи амбивалентно: она золотая и в то же время хищная, она поит поэта и в то же время смотрит на него зрачком каменного жерла – державинского, в котором все пожрется вечностью” [62, с. 165]. В цикле “Восьмистишия” (1933) “[...] запечатлена [...] духовная деятельность, подобная [...] научному познанию. Но конкретизировать грани, моменты этой деятельности – занятие малоперспективное. Мы осязаем эстетическую полновесность картины, и нам внятно ее суммарное значение – этого довольно. А затемнение отдельных метафорических высказываний создает ауру волнующей неопределенности [курсив наш. – В.М.] в рамках строго организованной целостности; того, на наш взгляд, автор и добивался” [38, с. 63].

5. Понятие гераклитовой метафоры

На основании рассмотренного материала логично предположить, что с затемненными образами, возникающими в результате применения

тактики “знакомства слов” (см. раздел 3), коррелирует введенное ОМ понятие ГЕРАКЛИТОВОЙ МЕТАФОРЫ. В пользу такого предположения свидетельствуют:

1. Внутренняя форма термина. Существует такое пояснение: «Гераклитова метафора – от афоризма Гераклита Эфесского: “Нельзя дважды войти в одну и ту же реку»» [63, с. 295]. Думается, дело не только в этом. Обратим внимание на тот факт, что Гераклита (544–483 до н.э.) именовали “ὁ σκοτεινός²³ λεγόμενος Ἡράκλειτος” ‘темно говорящим’, ср. в трактате Цицерона “О пределах блага и зла”: “[...] de industria facias, ut Heraclitus cognomento qui σκοτεινός perhibetur, quia de natura nimis obscure memoravit [...]” ‘делают <сие> с умыслом, как Гераклит, коему прозвание *темный* дано, ибо о природе слишком темно говорил’ [64, с. 56]. В “Риторике” Аристотеля читаем:

“ὄλως δὲ δεῖ εὐανάγνωστον εἶναι τὸ γεγραμμένον καὶ εὐφραστον· ἔστιν δὲ τὸ αὐτό· ὅπερ οἱ πολλοὶ σύνδεσμοι οὐκ ἔχουσιν, οὐδ’ ἂν μὴ ῥάδιον διαστίξαι, ὥσπερ τὰ Ἡρακλείτου. τὰ γὰρ Ἡρακλείτου διαστίξαι ἔργον διὰ τὸ ἄδηλον εἶναι ποτέρῳ πρόσκειται, τῷ ὕστερον ἢ τῷ πρότερον, οἷον ἐν τῇ ἀρχῇ αὐτῆ τοῦ συγγράμματος· φησὶ γὰρ “τοῦ λόγου τοῦδ’ ἐόντος αἰεὶ ἀξύνετοι ἄνθρωποι γίνονται”. ἄδηλον γὰρ τὸ αἰεὶ, πρὸς ποτέρῳ <δεῖ> διαστίξαι”.

“Должно быть удобочитаемо все написанное и удобопроизносимо, что, впрочем, одно и то же. Противный этому случай – когда многих соединительных частиц не хватает или же пунктуация не поддается осмыслению, как у Гераклита. Ибо трудно становится, когда неясно, к какому слову следующее относится: к тому, что за ним следует, или же к предыдущему. Например, в начале своего речения он говорит: ‘О сей причине существующей всегда неосведомлены смертные’. Тут неясно, относится ли *всегда* к *существующей* или к *неосведомлены*” [20, с. 174 sq.].

Следует заключить, что внутренняя форма термина *гераклитова метафора* связана с прозвищем Гераклита Эфесского – *темный, σκοτεινός*.

2. Содержание термина. Метафоры ОМ бывают подобны загадке: “[...] попробуйте указать, где здесь второй, где здесь первый член сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее” [28, с. 233]. Эта реплика, отражающая “установку на загадку” [32, с. 28] как ингерентное свойство его поэтики, согласуется со следующей оценкой:

²³ Данная характеристика коррелирует со смыслом риторического термина *скотисон* (vide infra). – В.М.

“Поэзия ОМ — танец вещей, являющийся в самых причудливых сочетаниях. Присоединяя к игре смысловых ассоциаций игру звуковых, — поэт, обладающий редким в наши дни знанием и чутьем языка, часто выводит свои стихи за пределы обычного понимания: стихи ОМ начинают волновать какими-то темными тайнами, заключенными, вероятно, в корневой природе им сочетаемых слов — и нелегко поддающимся расшифровке. Думаем, что самому ОМ не удалось бы объяснить многое из им написанного” [65, с. 111].

Гераклитова метафора определяется и как метафора, “[...] с такой силой подчеркивающая текучесть явления и такими росчерками перечеркивающая его, что прямому созерцанию, после того как дело метафоры сделано, в сущности, уже нечем поживиться” [28, с. 232], отсюда следующие пояснения: а) гераклитова метафора “разруша[ет] сам[у] себя” [17, с. 246]; б) гераклитова метафора — “единый диффузный образ, рациональное осмысление и пересказ которого невозможны, так как образующие его семантические элементы не образуют статической иерархии” [61, с. 153]. Обе дефиниции перемешают понятие в сферу герметизма. Насколько они точны, может показать анализ единственного примера гераклитовой метафоры, который приводит сам ОМ:

И подобно тому, как тот, кто отомстил при помощи медведей,

Видя удаляющуюся повозку Ильи,
Когда упряжка лошадей рванулась в небо,
Смотрел во все глаза и ничего разглядеть не мог,
Кроме одного-единственного пламени,
Тающего, как поднимающееся облачко, —
Так языкастое пламя наполняло щели гробниц,
Утаивая добро гробов — их поживу,
И в оболочке каждого огня притаился грешник.

Данте. Божественная комедия (Inf. XXVI: 34–42).
Перев. ОМ

Сопоставим данный текст: а) с оригиналом [66, с. 78]; б) с переводом М.Л. Лозинского [67, с. 185]:

E qual colui che si vengìò con li orsi
vide 'l carro d'Elia al dipartire,
quando i cavalli al cielo erti levorsi,
che nol potea sì con li occhi seguire,
ch'el vedesse altro che la fiamma sola,
sì come nuvoletta, in su salire;
tal si move ciascuna per la gola
del fosso, chè nessuna mostra il furto,
e ogni fiamma un peccatore invola.

Если не принимать во внимание перестановки (о пророке Елисе: стих 34 *E qual colui che si vengìò con li orsi* → стих 36 *A тот, кто был медведями*

отмщен) и пропуска образа взмывающих к небу лошадей (*i cavalli al Cielo erti levorsi*), перевод Лозинского ближе к оригиналу; перевод ОМ содержит образные добавления, сдвиги и усложнения: а) у Данте и Лозинского пламень (= пламенная колесница Ильи) *взвивается*, как облачко (точнее, восходит, ср. *salire* ‘восходить’), у ОМ — *тает*, как поднимающееся облачко (меняется основной субъект); б) у Данте и Лозинского в каждом огне “замкнут грешник *утаенный*”, или, скорее, похищенный <смертью> (ср. *involare* ‘похищать’), у ОМ смысл затемняется: “в оболочке каждого огня *притаился* грешник” (меняется основной субъект); в) у ОМ добавлены детали, приближающие дескрипцию Ада к дескрипции кладбища, потустороннего — к земному, “зримому”: “языкастое пламя наполняло щели *гробниц*, Утаивая добро *гробов* — их поживу” (гробницы и гробы у Данте и Лозинского отсутствуют), здесь меняется вспомогательный субъект: мертвец (грешник) представлен не как объект похищения, а как пожива гроба²⁴. Как видим, текст ОМ: а) существенно затемнен; б) несколько отдален от оригинала; в) в целом понятен.

5.1. Тактики затемнения образа в текстах Мандельштама

Как известно, носителями образов способны быть два типа переноса, которые в соответствии с традицией, восходящей к Античности, именуются изобразительными: метафора и метонимия. Первая облигаторно основана на переосмыслении дескриптивной (“портретной”) лексики, вторая же обретает образность лишь в том случае, если такая лексика становится ее базой.

Темной в текстах ОМ может не только метафора, но и метонимия, ср.: *Мир начинался страшен и велик: Зеленой ночью папоротник черный, Пластами боли поднят большевик — Единый, продолжающий, бесспорный* (ОМ. Мир начинался страшен

И как, конями поднят в небосклон,
На колеснице Илия вздымался,
А тот, кто был медведями отмщен,
Ему вослед глазами устремлялся
И только пламень различал едва,
Который вверх, как облачко, взвивался, —
Так движутся огни в гортани рва,
И в каждом замкнут грешник утаенный,
Хоть взор не замечает воровства.

²⁴ Ср.: *Ты в мерзостном гробу Меня поживой Смерти не оставишь* (Дж. Мильтон. Потерянный рай. Перев. Арк. Штейнберга).

и велик... / Большевик, 1935)²⁵. Строку *Зеленой ночью папоротник черный* необходимо трактовать как инверсный вариант выражения *Черной ночью папоротник зеленый*. Назначение метонимической инверсии эпитетов – показать неверный ночной свет, в котором зеленый папоротник видится как черный, а черная ночь – как зеленая от *ночных трав*.

Однако гораздо чаще бывают более или менее затемнены, т.е. смещены от типа, открытого для понимания, в направлении к герметичному типу (см. раздел 4.2), метафорические образы. Такому смещению служат:

1. Незамкнутость, усиленная отсутствием надежных опор в широком контексте: *Что полуночи сердце пирует, Взяв на прикус серебристую мышшь* (После полуночи сердце ворует..., 1931) → *сердце-кошка пирует, взяв на прикус мышшь времени* ‘ликует, поймав время, убегающее словно мышшь’. И воздух свободного творчества в той непростой эпохе, в которой он оказался, и наступавшее в коммунальной квартире только после полуночи время тишины, необходимой ему для работы над рукописями, ОМ приходилось урывать, “воровать”, “ловить”. Поэтому «[с]тихи начинались ночью, когда воцарялась “запрещенная тишь”» [58, с. 603]. Языковую реальность сравнения времени с бегущей мышью подтверждают следующие строки: *Время мышкой пробежало, Время слив и время вишен* (И. Маулер. Ближневосточное время); *Как давно это было! Время, словно мышка, прямо-таки прошмыгнуло* (Б.В. Юрьев. Роза). Мотив ловли времени-мыши находим и в другом тексте ОМ: *Уж до чего шероховато время, А все-таки люблю за хвост его ловить, Ведь в беге собственном оно не виновато...* (Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето..., 1931). Приведем иные пояснения рассмотренного образа: “[...] *взять на прикус серебристую мышшь* значит робко выключиться из времени” [12, с. 647]. Но смысл ‘робко выключиться из времени’ невыводим из выражения *взять на прикус (поймать) мышшь времени*; с прикусом кошки никак не вяжется его робость (перед мышкой?). Вдова поэта пишет: «“Серебристая мышшь” – это реминисценция “жизни мышья беготня”, а кроме того он откуда-то взял, что мышшь (белая)²⁶ – символизирует время. Уж не в статье ли Волошина?» [15, с. 135]. Цитата из текста

²⁵ Здесь видится интертекстуальная аллюзия к следующим строчкам, посвященным В.И. Ленину: *И с известью в крови для племени чужого Ночные травы собирать* (ОМ. 1 января 1924).

²⁶ Ср., однако: *Серое серебро струек* (М. Веллер. Бермудские острова); *Серое сумеречное серебро* (Т. Толстая. Река). – В.М.

А.С. Пушкина “Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы” появляется и в статье М.А. Волошина “Аполлон и мышшь”, но основной субъект здесь иной: ‘жизненная суэта’.

2. Лакуарность опорного контекста: *Я – трамвайная вишенка страшной поры, И не знаю, зачем я живу* (Нет, не спрятаться мне от великой стены, 1931); с восстановлением пропущенного звена этой флористической метафоры: *висящая вишенка*. Это звено содержат записи: а) П. Трэверс (1933): *Тем, кто стоит на верхней ступеньке – повезло, другим приходится цепляться за их талии, отчего кажется, будто трамвай обвешан огромными серыми виноградными гроздьями* (П. Трэверс. Московская экскурсия); б) Е.Н. Сайн-Витгенштейн (1915): *[П]одходит двойной вагон трамвая, на нем уже висят на всех ступеньках целые кисти лишних пассажиров* (А. Кокорев, В. Руга. Повседневная жизнь Москвы); в) *Якиманка тогда была концом света, а на трамваях висели гроздьями – не вишни, а люди* (Н.Я. Мандельштам. Воспоминания. Книга вторая); *Поголял ты, человек, по Щербакову переулку, поплевал на нехорошие татарские мясные, повисел на трамвайных поручнях, поездил в Гатчину к другу Сережке, походил в баньку и в цирк Чинизелли; пожил ты, человек, – и довольно!* (ОМ. Шум времени). Сходная тактика: *Джошуа Росс держался за поручень, чтобы не висеть посреди пассажирского салона, как воздушный шар* (Б. Георгиев. Космогон). На наш взгляд, <висящая> *вишенка* – метафора, изображающая голову и руку пассажира, ухватившегося за ремень или верхние поручни в салоне трамвая. С этой точки зрения трудно принять следующую, явно народноэтимологическую трактовку: <трамвайная вишенка – вероятно, от глагола “висеть”, ухватившись за трамвайный ремень или поручни площадки» [12, с. 648].

3. Осложненность метонимией (а значит, и метонимической недоговоренностью): *Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток – Полноводная Кама неслась на буюк. И хотелось бы гору с костром отслоить, Да едва успеваешь леса посолить* (Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток..., 1935). Судя по контексту, смысл стиха должен быть таков: ‘<хотел съесть глазами, но> успел <лишь> посолить’. В основе данной очень непривычной образной структуры лежит вполне узнаваемая метафора *есть (поедать, пожирать) глазами (взглядом)* ‘разглядывать’, сов. *съесть (сожрать) глазами (взглядом)* ‘рассмотреть’, которая уподобляет визуальное восприятие приему пищи. Поскольку не всякая еда предполагает использование соли, обозначение “поедания глазами”

через предварительное посыпание солью придает образу известную степень герметичности. Менее приемлемы следующие пояснения: а) “Леса посолить — *глаза посолить* [курсив наш. — В.М.]. Соль — это суть, самое главное, острая приправа к мысли и зрению” [39, с. 246]; трактовка неправдоподобна; б) “морская и лесная стихии у ОМ скрещиваются” [68, с. 76], что никак не вписывается в контекст. М.Л. Гаспаров предлагает такую трактовку: *леса посолить* означает “желание запомнить виденное (*посолить* в памяти лес)” [12, с. 661–662], но *посолить* ‘засолить (грибы, огурцы)’ — процесс длительный, *посолить* ‘посыпать солью’ — краткий, что более соответствует быстроте пробегания пейзажей вдоль несущейся Камы.

Рассмотрим следующие строчки: *Научи меня, ласточка хилая, Разулившаяся летать, Как мне с этой воздушной могилой Без руля и крыла совладать* (Стихи о неизвестном солдате). В ласточке, разулившейся летать, видят (как кажется, через метафорезис), в частности, тему “воздушной катастрофы, погибающего летчика” [15, с. 230–231], а также «символ “разулившейся поэзии”» [33, с. 104], что, впрочем, едва ли вписывается в контекст. Если же <отравляющее> *вещество* и *океан без окна* (см. 1-ю строфу) трактовать как иприт²⁷, то окажется, что поскольку в «“океане” отравлены его обитатели, то появляется ласточка, “разулившаяся летать”» [18, с. 526], но уже в прямом смысле — конкретном и лишенном абстрактной символики: ‘отравленная ласточка’. С этой точки зрения под *воздушной могилой* (метонимия *per consequentiam*: *иприт* → *смерть, могила*), движущейся *без руля и крыла* (< *ветрил*²⁸), словно корабль (метафора), следует понимать отравляющий газ.

4. Включенность в цепочку других, столь же неясных метафор, что придает содержанию речи характер уравнивания с рядом неизвестных: *И я выхожу из пространства В запущенный сад величин И мнимое рву постоянство И самосознание причин. И твой, бесконечность, учебник Читаю один, без людей, — Безлиственный, дикий лечебник, Задачник огромных корней* (Восьмистишия, XI, 1933). С тем, чтобы приблизиться к смыслу данного текста, необходимо выявить его образную структуру. Контекстуальный анализ показывает, что основу стихотворения составляют две

развернутые метафоры. Первая метафора — флористическая: *И я выхожу из <физического> пространства В запущенный сад <математических> величин*. К этой же метафоре отнесем еще пять звеньев: *Безлиственный, дикий лечебник огромных корней*. Переход из физического пространства в “сад” математических величин объясняется в свете общепринятого противопоставления величин физических (материальных, зримых) математическим (абстрактным) величинам. Вторая метафора — математическая: *Читаю учебник бесконечности — Задачник огромных корней*. Указанные нами две метафорические цепочки объединены общим звеном (его роль играет словоформа *корней*) в семантически сложную зевгму: “*задачник* [звено математической метафоры] *огромных* [звено флористической метафоры] *корней* [виртуальных, математических / зримых, физических, т.е. корней растений]”. Данное восьмистишие отражает (см. статью ОМ “Девятнадцатый век”): 1) отношение ОМ к математике как науке объективной, в отличие от всех иных, превратившихся в XIX веке в “собственные, отвлеченные и чудовищные методологии”; 2) его представление о “надвигающейся эпохе” XX в. как о “гигантском неизвлекаемом корне из двух”, т.е. о “дурной бесконечности”, “мнимое постоянство” которой может “разорвать” только математическое познание [69, с. 266 и 270]. Без обращения к указанной статье ОМ проанализированная нами образная структура его восьмистишия не может получить исчерпывающего осмысления.

5. Опора на малоизвестный или тщательно замаскированный прецедентный текст (см. раздел 1, пункт 4), напр.: *Скажи мне, чертежник пустыни, Арабских песков геометр, Ужели безудержность линий Сильнее, чем дующий ветер? — Меня не касается трепет Его иудейских забот — Он опыт из лепета лепит И лепет из опыта пьет* (Восьмистишия, IX, 1933). Отметим два момента: а) геометрия, восходящая к египетскому землемерию (*арабским пескам*), противопоставлена как символ созидательного порядка ветру (возможно, с аллюзией к геометру А. Бергсона [41, с. 16–22]); б) эпитет *иудейские* (заботы ветра) представляет собой аллюзию к содержанию главы “Хаос иудейский” в повести ОМ “Шум времени”. С этой точки зрения ветер осмыслен как символ хаоса, коррелирующего с инкогерентным содержанием последнего стиха (см. раздел 1, пункт 1), предметный аналог которого может быть выстроен посредством

²⁷ Ср. в отвергнутом варианте: *Яд Вердена всеядный и деятельный — Океан без окна, вещество...*

²⁸ Здесь имеет место «лермонтовский образ воздушного океана (с прямой реминисценцией “Без руля и крыла”)» [35, с. 39], ср. [68]; [69].

следующих субституций: *Он сосуд из глины лепит и глину из сосуда пьет*²⁹.

Рассмотрим комбинацию тактик (3) и (5). В первой строфе сталинской “Оды” ОМ (1937) читаем: *Когда б я уголь взял для высшей похвалы — Для радости рисунка непреложной, — Я б воздух расчертил на хитрые углы И осторожно и тревожно*. Здесь видится метафора, основанная на сравнении поэта с художником. Разъясним некоторые невязки. О *хитрых углах*: на наш взгляд, имеются в виду: а) уголки хитро прищуренных глаз вождя, ср.: *Как зачарованная, глядела я на [...] его густые черные брови, хитрый прищур, кавказские усы, — пока меня не осенило, что это — Сталин* (Т. Толстая. Не кысь); б) уголки разбегающихся от его глаз морщинок. В одном из вариантов “Оды” ОМ читаем: *Бегут, играя, щурые морщинки...* Техника рисования углем предполагает НЕ ВОЗДУХ, а твердую поверхность, ср. далее: *Я уголь искрошу, ища его обличья*. О воздухе: в СССР портреты Сталина висели на стенах зданий — как будто бы в воздухе, ср.: *Средь народного шума и сбега, // На вокзалах и пристанях // Смотрит века могучая вежа // И бровей начинается взмах. <...> // И ласкала меня и сверлила // Со стены этих глаз журиба* (Средь народного шума и сбега..., янв. 1937). Не исключено, что идея *воздух расчертит на хитрые углы* восходит к одному из подобных наблюдений.

При рисовании *углем* в качестве контрастного фона применяется *белая* бумага; это означает, что портрет И.В. Сталина, нарисованный ОМ, — **черно-белый** (в этой связи уместна аналогия с черно-белым памятником Н.С. Хрущеву в исполнении Э. Неизвестного). Заметим: в “Оде” названы лишь те действия (*взял уголь* и др., ср. метонимич. *взял в руки оружие*), которые предшествуют результату (в нашем случае — появлению черно-белого портрета), т.е. и здесь наблюдаем метонимическую недоговоренность, которая осложняет восприятие выявленной нами метафоры. Что хотел сказать ОМ этой метафорой? Есть ли элементы контекста, созвучные ее содержанию? Приглядимся к следующим строчкам: *И каждое гумно и каждая копна // Сильна|, убо|риста|, умна| — добро|живо|е — // Чудо на|родное|! Да будет жи|знь крупна|! // Воро|чае|тся сча|стье сте|ржнево|е*. Здесь нами замечена инометрическая вставка: *Чудо на|родное!* Дактилическая вставка ямбической “Оды” ОМ отсылает нас к дактилической “песенке” “Русь” в ямбической поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”, ср.:

Ты и у|богая,
Ты и о|бильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
СЕРДЦЕ НАРОДНОЕ!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
ЖИТА ПО ЗЕРНЫШКУ
ГОРЫ НАНОШЕНЫ!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и весильная,
Матушка Русь!

И вставка в “Оде” ОМ представляет собой двухстопный дактиль, и “песенка” Некрасова написана тем же минорным двухстопным дактилем. Отметим лексико-семантическую и просодическую близость сопоставленных нами фрагментов: *Чудо народное!* (ОМ, восклицание) и *Сердце народное!* (Некрасов, восклицание). Ср. также: *И каждое гумно и каждая копна Сильна, убориста, умна — добро живое* (ОМ) и *Жита по зернышку Горы наношены!* (Некрасов). И *жито*, и *зерно* в приведенном двустопии ОМ имплицитно (если принять во внимание дефиницию термина *гумно*: ‘расчищенный участок земли, на котором в крестьянских хозяйствах складывают скирды необмолоченного **жита**, производят его обмолот, а также веяние **зерна**’). В структурно-смысловом отношении “песенка” представляет собой: 1) расположенный кольцом развернутый оксюморон (строфы 1 и 8), который, следует полагать, отвечает оценке не только Руси в восприятии Некрасова, но и СССР в восприятии ОМ; 2) антитезное пояснение оксюморона:

²⁹ «“Опыт” есть вещественная форма (как *глина* [курсив наш. — В.М.] среди песка)» [70, с. 51].

а) с одной стороны – пессимистическая констатация, выглядящая как обвинение: *Сила с неправдою Не уживается, Жертва неправдою Не вызывается, – Русь не шелохнется, Русь – как убитая!* (→ “иск”³⁰); б) с другой стороны – оптимистическая констатация: *Жита по зернышку Горы наношены! Рать подымается – Неисчислимая!* (→ “Должник сильнее иска”) и следующее оптимистическое предсказание: *Сила в ней скажется Несокрушимая!* (→ “Должник сильнее иска”). Что видит ОМ в СССР? Сравним коррелятивные констатации “Оды” и “песенки”: 1) *И каждое гумно и каждая копна Сильна, убориста, умна – добро живое* (ОМ). → 2) *Жита по зернышку Горы наношены!* (Некрасов). Если фрагмент (1) является аллюзией к фрагменту (2), это означает, что: а) искренность тезиса ОМ *Должник сильнее иска* не должна вызывать сомнений; б) ОМ первым из представителей российской интеллектуальной элиты сумел увидеть диалектическую противоречивость фигуры Сталина и дать ему (в обстановке, явно этому не способствовавшей) объективную, государственно значимую оценку, в формуле которой положительная часть оказалась в целом сильнее отрицательной.

Заметим, что отрицательная оценка деятельности Сталина, возможно, оказывается сильнее, чем вытекающая из поверхностных мотивов “Оды”. Подразделим оценки, связанные с анализируемой аллюзией, на две категории: 1) принадлежащие ОМ; 2) принадлежащие Некрасову. Оценки ОМ персонифицированы, оценки же Некрасова, во-первых, относятся только к народу и стране, во-вторых, безличны, не персонифицированы: *Встали – небужены, Вышли – непрошены* (сами, не по воле правителя). На вопрос о сфере действия выявленной нами аллюзии возможны два ответа: а) данная аллюзия отсылает не только к дескрипциям, но и к оценкам Некрасова, согласно которым любая власть – источник неправды, а *сила <народная> с неправдою не уживается*³¹; в таком случае к “иску” придется добавить и этот (тщательно припрятанный) мотив; б) текст “Оды” аксиологически самодостаточен.

³⁰ Ср.: *Он свесился с трибуны, как с горы, – В бугры голов. Должник сильнее иска. Могучие глаза решительно добры, Густая бровь кому-то светит близко* (ОМ. Ода). Приведем пояснение М.Л. Гаспарова: “Иск Сталину предъявляет прошлое за все то злое, что было в революции и после нее; Сталин пересиливает это светлым настоящим и будущим. Несчастья – это случайности, чадающие вокруг большого плана. Решение на этом суде выносит народ, и оно непререкаемо [...]” [35, с. 94].

³¹ См.: а) стихотворение ОМ “Неправда” (4.04.1931); б) раздел 1, пункт 2 (мотив Иуды).

Думается, что метафора черно-белого рисунка, основанная на уподоблении поэта художнику, и взаимодействующая с ней метрическая аллюзия к поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”, указанные и рассмотренные нами, составляют аксиологическую основу сталинской “Оды” ОМ.

Рассмотрим пример интертекстуального осложнения метонимии: *Вы помните, как бегуны У Данта Алигьери Соревновались в честь весны В своей зеленой вере* (Увы, растаяла свеча... Новеллино, 1932). Поскольку роль приза играл отрез зеленого сукна, смысл анализируемого словосочетания раскрывается следующей многоходовой разверткой: *зеленая вера* → *вера в победу, несущую получение зеленого сукна как награды*. Правдоподобие данной трансформации подтверждают: а) черновой вариант четверостишия: *Вы помните, как бегуны В окрестностях Вероны Уже разматывать должны Кусок сукна зеленый?*; б) прецедентный текст: *Он обернулся и бегом помчался, Как те, кто под Вероною бежит К зеленому сукну, причем казался Тем, чья победа, а не тем, чей стыд* (Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад, XV: 121–124. Перев. М. Лозинского), давно замечено, что анализируемый стих содержит аллюзию к этому тексту; в) констатирующая справка: “Победители веронских народных бегов, учрежденных в 1207 г., получали отрез лучшего зеленого сукна в шесть локтей, а прибежавший последним – петуха, которого должен был под насмешливые возгласы зрителей пронести через город” [71, с. 519]; г) следующее наблюдение: «Обыкновенно люди говорят, соблюдая связь логических посылок с заключениями, обосновывая выводы, постепенно переходя от одного суждения к другому – и переводя за собой слушателя. ОМ в разговоре логику отнюдь не отбрасывал, но ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускать. Он [...], считая, что всякого рода “значит”, “ибо”, “следовательно” лишь загромаждают речь и что без них можно обойтись: не “а есть б, б есть с, следовательно, а есть с”, а прямо “а есть с” [...]» [72, с. 95–96]. Именно такие пропуски характерны для метонимии.

Существуют и иные трактовки: а) «Что же касается слова *вера*, то оно призвано воспроизвести (как и аллитерирующееся с ним – больше в написании, чем в произношении, – *весны*) звучание, а не значение итальянского *verde* “зеленый”, у Данте соотнесенного с *Verona* и *parve*. ОМ в это время увлечен итальянским языком и пробует в своих стихах и переводах передать по-русски

его звучание»; б) «Слово *вера* для ОМ [...] могло ассоциироваться и с тем диалектным *вера* “трава”, которое использовано в хлебниковском “Кузнечике” и пояснено в примечании автора к этому тексту: в этом случае сочетание “в своей зеленой вере” соответствует “зеленым лугам” [...]» [73, с. 425–426]. По поводу трактовки (а): методика анализа текста (будь это “Слово о полку Игореве” или стихи ОМ) через межъязыковую омонимию может приводить к сомнительным результатам [74]; [32, с. 37, примеч. 38], попытка же “передать по-русски” звучание итальянского языка предполагает основательное его знание в читателе, при этом пропуск звука [d] (ср. *verde* → *вера*) существенно усложняет задачу. Трактовка (б) содержит неточность: в указанном стихотворении В. Хлебникова «[...] речь идет о кузнечике-насекоме, хищнике, питающемся и “травами” и “*верами*”, т. е. представителями различных видов фауны [курсив наш. – В.М.]» [75, с. 661].

б. Опора на тщательно замаскированную констатацию (см. раздел 1, пункт 5). Соберем в единый кластер важнейшие аллюзии текста “1 января 1924” (1924, 1937): 1. *Кто веку поднимал болезненные веки → веку-Вию* [76, с. XV и 240; 77, с. 499]. 2. *Два сонных яблока у века-властелина И глиняный прекрасный рот, Но к млеющей руке стареющего сына Он, умирая, припадет → рот Голема* [78, с. 124]; [79, с. 360–361], ср.: «Исполнив свое задание, “Г.<одем>” превращается в прах» [80, с. 577]. О. Ронен видит здесь библейского истукана на глиняных ногах: “The image of ‘age the sovereign’ in these two lines is modeled on Daniel’s [...] idol [...]” [76, с. XV и 245, cf. 12, с. 661], однако: “У этого истукана *голова была из чистого золота* [курсив наш. – В.М.]” (Дан. 2: 32), т.е. *рот* истукана, о котором говорит пророк Даниил, не может быть *глиняным*. 3. После инсульта, перенесенного 30 мая 1922 г., у В.И. Ленина: а) отнялась рука (ср. *млеющая рука*); б) началось расстройство речи: *Какая боль — искать потерянное слово*. 4. *И с известью в крови для племени чужого Ночные травы собирать*: “С возрастом развивается процесс отложения извести в стенках сосудов [...]. Владимиру Ильичу было всего 53 года, следовательно, этот склероз был у него преждевременным, болезненным, и резче всего он оказался выраженным в сосудах головного мозга” [81, с. 190]. 5. *Стареющий сын* — ср.: “53 года”. На основании: 1) интертекстуальных аллюзий (1, 2) перед нами предстает век-Вий, век-Голем [‘защитник слабых’] *прекрасной* Революции (смещение эпитета,

ср. *прекрасный* рот), которой скоро *губы оловом зальют*³²; 2) бытовых аллюзий (3а, 3б, 4, 5) — Ленин, сын века-Вия / Голема. В образе “больного сына с известью в крови” видят: 1) без учета аллюзий (3а, 3б, 4, 5) — ОМ [58, с. 562–563], сюда же отнесем известную трактовку, принадлежащую Г. Левичу: “Насквозь пропитана кровь ОМ известью старого мира [...]” [цит. по: 77, с. 499]; 2) на основании аллюзии (4) — “сына века — Ленина” [83, с. 103], аллюзий (3а, 4) — Ленина [31, с. 138–139]. О. Ронену в этом образе видятся и ОМ, и Ленин — “another son of the age killed by the lime layer in his blood” ‘*еще один [курсив наш. – В.М.] сын века, убитый отложениями извести в крови*’ [76, с. 319, примеч. 139], но: а) отложениями извести в крови был убит Ленин, а не ОМ; б) склерозом поэт не страдал; в) *млеющей руки* у него не было; г) ОМ до 2.01.1924 было 32 года, в тексте же речь идет о *стареющем сыне*.

Регулярность появления в текстах ОМ рассмотренных приемов затемнения дает основание для констатации их элокутивно значимого характера.

6. Вопрос о функциях тактики затемнения

Затемнение речи через ослабление когерентности обладает определенным репертуаром функций. За этой тактикой могут стоять:

1. Скотисон [греч. *σχοτίζω* ‘затемняю’] — неясность, применяемая как эристический прием. Квинтилиан приводит рассказ римского историка Тита Ливия (59 до н.э. — 17 н.э.) о том, как один ритор учил своих подопечных затемнять смысл сказанного. Он повторял: *Σχοτίζον!* ‘Затемняйте!’ “Unde illa scilicet egregia laudatio: *Tanto melior; ne ego quidem intellexi*” ‘И лучшей похвалой было признание: *Великолепно! Даже я ничего не понял!*’ [84, с. 50]³³.

2. “Темный намек” (*κάλυμμα, συγκάλυμμα*). Деметрий Фалерский, в трактате которого появляется первая фиксация термина *аллегория* (в старинном смысле, как метафора in genere, т.е. неясный намек на основе любого переноса), противопоставляя речь прикрытую и открытую, отмечает: “*νῦν δὲ ὥσπερ συγκαλύμματι τοῦ λόγου τῆ ἀλληγορία κέχρηται*” *пᾶν γὰρ τὸ ὑπονοούμενον*

³² С этой точки зрения приемлемо мнение, согласно которому герой текста предчувствует приход к власти Сталина [31, с. 142], т.е. начало новой, жестокой эпохи: в “простой сонатине пишущих машин”, т.е. уличной стрельбе, ср.: “Сухой шелчок ундервуда звучит выстрелом” [82, с. 147], уже видна “тьнь сонат могучих”.

³³ Как кажется, восклицание, упомянутое Квинтилианом, на самом деле принадлежит Аристофану, ср.: *τὰς βροτῶν // Γνώμας σχοτίζων* ‘смертных // Мысль затемняйте’ [85, с. 575].

φοβρότερον, καὶ ἄλλος εἰκάζει ἄλλο τι ὃ δὲ σαφὲς καὶ φανερόν, καταφρονεῖσθαι εἰκός, ὥσπερ τοὺς ἀποδεδυμένους” ‘Аллегория представляет собою речь прикрытую, а все, что включает в себе темный намек, возбуждает гораздо больше ужаса и всяких догадок среди разных <слушателей>. С другой стороны, то, что выражено ясно и открыто, достойно лишь презрения, подобно человеку без одежды’ [86, с. 74]. В поэзии этот прием придает тексту эмоционально минорный, зачастую профетический оттенок, характер энигмы, “возбуждающей ужас и всякие догадки”, ср.:

Полумертвый палач улыбнется –
и начнутся большие дела.
И скрипя, как всегда, повернется
колесо допотопного зла.

У части читательской аудитории данная тактика вызывает если не отторжение, то иронию, отсюда рекомендация (см. пункт 1): *Ты расставь по строке иероглифы, знаки, числа, А читатель, известно, любитель таких подмен. Он доищется смысла, когда его нет в помине* (В. Скобло. Ценность текста, пойми...). Ю. Колкер отмечает, что “затемненный смысл – надежнейший щит от литературного провала: никто не скажет мутящему воду поэту, что смысл его стихов тривиален или мелок” [87, с. 75]. Сходное мнение:

“Нередко, чтобы регулярный стих не оказался слишком знакомым, поэты прибегают к затемнению смысла. Этим приемом (возможно, бессознательно) пользуются, к сожалению, многие (напр., А. Парщиков, И. Жданов)³⁴. Кроме того, стоит согрешить против грамматики, как стих приобретает видимость своеобразия. И то, и другое – довольно дешевые способы выхода из затруднительного положения, затемнение речи по большей части скрывает отсутствие поэтического смысла [...]” [89, с. 182].

Такие оценки справедливы по отношению к текстам, инкогерентность которых функционально не оправдана: таковы, к примеру, многие из заполняющих сетевые издания верлибров, или

³⁴ Имеется в виду, в частности, введенная К. Кедровым (1978) тактика метафоры – “инсайдаута (выворачивания)”: *Человек – это изнанка неба. Небо – это изнанка человека* [88, с. 261]. Данная тактика, связанная с инверсной (метатезной) перестановкой членов метафорического отождествления, была характерна для поэтического объединения “метаметафористов”, или, по терминологии М. Эпштейна, “метареалистов” (К. Кедров, Е. Кацюба, И. Жданов, А. Парщиков, И. Кутик, А. Еременко и др.). – В.М.

“вавилон”³⁵, свойствами которых считаются «противоестественное сочетание ненормативной лексики и “высокого штиля”», а также “запутанный и непонятный смысл” [90, с. 70].

3. Эзопов язык. Н. Струве, отмечая, что в 20-е годы одни стихи поэта «[...] будут звучать как вызов или окрик, другие обростут зашифрованным языком (как, напр., “Грифельная ода”», предлагает такое пояснение этому факту: «Трагическая гибель Гумилева, казненного за “противогосударственный заговор” через неделю после смерти Блока, вынужденная немота Ахматовой

Погляди же и выкушай страха
да покрепче язык прикуси.
И из рук поругателей праха
полусытого хлеба проси³⁶.

О. Седакова. Полумертвый палач улыбнется...

(если она и писала, то в стол), новая зашифрованная манера ОМ – по-разному отображают, до чего была доведена поэзия при новом режиме» [17, с. 30–31].

Какая из названных функций может быть поставлена в соответствие тактикам затемнения в поэтике ОМ? Мнение Н. Струве принять трудно, поскольку поэт, судьба которого более напоминает осознанно избранный путь “мученика за правду искусства” [29, с. 13], чем жизнь хитроумного Эзопа, применял приемы затемнения в текстах, лишенных антирежимной подоплеки (в “Грифельной оде”, “Стихах о неизвестном солдате”), в текстах же, которые, согласно мнению Н. Струве, казалось бы, требовали “зашифровки” (“За гремучую доблесть грядущих веков”, 1931; “Ленинград”, 1931; “Квартира тиха, как бумага”, 1933; “Мы живем, под собою не чуя страны...”, 1933), выражался прямо³⁷. Поскольку затемнение в текстах ОМ связано с возвышением стиля, с профетическим пафосом, уместно говорить о функции (2), с функцией же (1) связана лишь

³⁵ По названию “[м]аленьк[ой] групп[ы] из пяти авторов (Д. Кузьмин, С. Львовский, В. Калинин, В. Гаврилов и А. Куфтин)” – “Вавилон” [90, с. 65]; одноименный журнал издавался с 1989 по 2003 г. Немало верлибров указанного В.Б. Зусевой типа находим в журнале “Воздух” (ред. Д. Кузьмин).

³⁶ Полухлебом плоти накорми (ОМ. Мастерца виноватых взоров..., 1934). – В.М.

³⁷ Автор данной статьи придерживается, в частности вслед за М.Л. Гаспаровым и И.З. Сура, академически осторожного отношения к распространенному мнению об эзоповской зашифрованности и криптографичности текстов позднего ОМ (см. работы Л.Р. Городецкого, О.Б. Заславского, Д.Г. Лахути, В.Я. Мордерера, Е.П. Сошкина, А.Ю. Чернова и др.), которое, как кажется, требует дополнительного обоснования.

внутренняя форма термина *гераклитова метафора* (см. раздел 5). Тактика затемнения облигаторно предполагает соотнесение с определенным неординарным смыслом, при отсутствии которого, напр. в “вавилонской” (см. пункт 2), этот прием приближается к функции (1).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Источниками смысловой инкогерентности выступают:

1.1. Приемы, эксплуатирующие: а) ассоциации по близкочуждому; б) деривационные ассоциации. Применение данных приемов накладывает ограничения на выбор слов, а потому приводит к инкогерентности речевых единиц.

1.2. Номинации, осложненные: а) мотивационно; б) интертекстуально; в) конситуативно. Тип (а) предполагает осмысление номинации путем обращения к контексту, (б) — к прецедентному тексту, (в) — к элементам конситуации. Пример взаимодействия типов (а) и (б) — метафора черно-белого рисунка (а) и представленная инометрической вставкой (или, в античной терминологии, анаклазой)³⁸ аллюзия к поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” (б), составившие аксиологическую основу сталинской “Оды” ОМ. Факты биографии ОМ, его взгляды (в) зачастую бывают самым тесным образом связаны с мотивными структурами и содержанием его текстов. Так, не принимая во внимание тот факт, что за деятельностью И.В. Сталина ОМ видел, по его собственной формулировке, “бронзовый профиль Истории” [92, с. 97], едва ли возможно прийти к адекватному пониманию “Оды”.

2. Смысловая инкогерентность возможна и в стихотворной, и в прозаической формах речи, но оказывается более уместна и терпима в стихотворном тексте, что объясняется активным применением здесь приемов класса (1.1), как минимум в стихомаркирующей функции.

3. По отношению к возможности истолкования инкогерентность может быть подразделена на два типа:

3.1. Снимаемая контекстуально, интертекстуально или конситуативно поддержанным истолкованием, с соблюдением принципа правдоподобия.

3.2. Герметичная инкогерентность, не поддающаяся истолкованию ввиду отсутствия

контекстуальных, интертекстуальных и конситуативных опор.

4. Значимой доминантой поэтики ОМ является установка на затемняющую инкогерентность когнитивного типа (см. пункт 1.2), в начале 20-х годов вошедшая в число выразительных тактик поэта. За “установкой на загадку” [32, с. 28], характерной для текстов позднего ОМ, стоит мотивационная (1.2-а), интертекстуальная (1.2-б) и конситуативная (1.2-в) осложненность номинаций.

5. Темная образность, достигаемая, в частности, за счет гераклитовых метафор, придает текстам ОМ профетический оттенок, характер энигмы, реализующей установку автора на пробуждение читательской эвристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Природа и культура в “Грифельной оде” Мандельштама // *Арион*. 1996. № 2. С. 50–56.
2. *Wagner E.S.* Narrativity, coherence and literariness. A theoretical approach with analyses of Laclos, Kafka and Toussaint. Berlin: Walter de Gruyter, 2020. 649 p.
3. *Divi Isidori Hispalensis episcopi Etymologiae // S. Isidori Hispalensis episcopi hispaniarum doctoris Opera omnia*. Romae: Typis Antonii Fulgonii, 1798. P. 1–499.
4. *Schaeffer J.D.* Sensus communis: Vico, rhetoric, and the limits of relativism. Durham & London: Duke Univ. Press, 1990. 181 p.
5. *Фридрих Г.* Структура современной лирики. От Бодлера до середины двадцатого столетия. М.: Языки слав. культуры, 2010 [1956]. 345 с.
6. *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // *Мандельштам О.Э.* Соч.: В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худож. лит.-ра, 1990. С. 5–64.
7. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
8. *Смирнов И.П.* Олитературенное время: (гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во Рус. христианской гуманитар. академии, 2008. 264 с.
9. *Левин Ю.И.* О. Мандельштам // *Левин Ю.И.* Избр. труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 9–155.
10. *Гаспаров М.Л.* Осип Мандельштам. Три его поэтики // *Гаспаров М.Л.* О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 193–259.
11. *Glassius S.* Philologia sacra. Lipsiae: Apud Jo. Fr. Gleditschium, 1743. 2138 p.
12. *Гаспаров М.Л.* Комментарии // Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М.: АСТ, 2001. С. 604–710.
13. *Сурат И.З.* Поэтика загадки: о стихотворении О. Мандельштама “Сегодня ночью, не солгу...” // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* Т. 78. 2019. № 6. С. 67–73.

³⁸ О понятии инометрической вставки см. [91, с. 200–207].

14. *Лекманов О.А.* “Стихи о неизвестном солдате” О. Мандельштама: опыт прочтения // Русская публицистика и периодика эпохи первой мировой войны: политика и поэтика. М.: ИМЛИ, 2013. С. 255–265.
15. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. Книга третья. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2019. 299 с.
16. *Ронен О.* К сюжету “Стихов о неизвестном солдате” // *Ронен О.* Поэтика О. Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 96–118.
17. *Струве Н. О.* Мандельштам. London: Overseas Publications Interchange, 1988. 336 с.
18. *Мусатов В.* Лирика О. Мандельштама. Киев: Ника-Центр, 2000. 560 с.
19. *C. Chirii Fortunatiani Artis rhetoricae libri III // Rhetores Latini minores / Ed. K. Halm. Lipsiae: In aedibus V.G. Teubneri, 1863. P. 79–134.*
20. *Aristotelis De rhetorica libri tres.* Oxonii: E Typographeo Academico, 1833. 239 p.
21. *Успенский П.Ф., Файнберг В.В.* Интуитивно понятный текст? Языковая поэтика “Стихов о неизвестном солдате” О. Мандельштама // Новый мир. 2019. № 3. С. 173–192.
22. *Бьлый А.* Символизм. СПб.: Мусагеть, 1910. 635 с.
23. *Мандельштам О.* О природе слова [1922] // *Мандельштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 172–187.
24. *Мандельштам О.* Литературная Москва [1922] // *Мандельштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 274–278.
25. *Померанц Г.* Слово – Психея // Слово и судьба: О. Мандельштам. Исследования и материалы / Ред. З.С. Паперный. М., 1991. С. 389–398.
26. *Мандельштам О.* Слово и культура [1921] // *Мандельштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 167–172.
27. *Хазан В.И.* О. Мандельштам и А. Ахматова. Наброски к диалогу. Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1992. 278 с.
28. *Мандельштам О.* Разговор о Данте [1933] // *Мандельштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 214–254.
29. *Бушман И.* Поэтическое искусство Мандельштама. Мюнхен: Ин-т по изуч. СССР, 1964. 75 с.
30. *Вейдле Вл.* О последних стихах Мандельштама // Воздушные пути. Альманах / Под ред. Р. Н. Гринберга. II. Нью-Йорк, 1961. С. 70–86.
31. *Kahn A.* Mandelstam's worlds: poetry, politics, and identity in a revolutionary age. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020. 720 p.
32. *Ронен О.* Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике О. Мандельштама // *Ронен О.* Поэтика О. Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 13–42.
33. *Семенко И.М.* Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций – к окончательному тексту / Сост. С. Василенко, П. Нерлер. Изд. 2-е. М.: ЦИРЗ, 1997 [1986]. 144 с.
34. *Москвин В.П.* Русская метафора. Опыт семиотического описания. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
35. *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 г. М.: РГГУ, 1996. 128 с.
36. *Успенский Б.А.* Анатомия метафоры у Мандельштама // *Успенский Б.А.* Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Common place, 2018. С. 7–46.
37. *Иваницкий М.Ф.* Анатомия человека (с основами динамической и спортивной морфологии) / Под ред. Б.А. Никитюка и др. Изд. 14-е. М.: Спорт, 2018. 624 с.
38. *Гурвич И.* Мандельштам: Проблема чтения и понимания. Нью-Йорк: Gnosis Press, 1994. 133 с.
39. *Беневич Г., Шуфрин А.* Из книги “Введение в поэзию Мандельштама” // Вестник русского христианского движения. № 160. Париж et al., 1990. С. 221–250.
40. *Ронен О.* О “русском голосе” О. Мандельштама // *Ронен О.* Поэтика О. Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 43–67.
41. *Видгоф Л.М.* О. Мандельштам в начале 1930-х гг.: выбор позиции // *Видгоф Л.М.* Статьи о Мандельштаме. М.: Новый хронограф, 2015. С. 55–97.
42. *Сурат И.З.* Пушкин и Мандельштам. М.: ИМЛИ, 2009. 384 с.
43. *Трофимов И.В.* Речь как инструмент культуры в поэтическом творчестве О. Мандельштама // О Мандельштаме: Сб. докл. Даугавпилс, 1991. С. 16–22.
44. *Цветаева М.И.* Мой ответ О. Мандельштаму [1926] // Цветаева М.И. О литературе и искусстве. М.: Юрайт, 2019. С. 119–129.
45. *Панова Л.* Итальянсья, русея. Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М.: РГГУ, 2019. 676 с.
46. *Жолковский А.К.* Сохрани мою речь, – и я прииму тебя, как упряжь: Мандельштам и Пастернак в 1931 г. // Звезда. 2012. № 4. С. 226–235.
47. *Стратановский С.Г.* Нацелясь на смерть. Об одном стихотворении О. Мандельштама // Звезда. 1998. № 1. С. 213–221.
48. *Добрушина Н.Р.* Сослагательное наклонение // Материалы к Корпусной грамматике русского

- языка. Глагол / Отв. ред. В.А. Плунгян. Ч. I. СПб., 2016. С. 161–212.
49. Спорт. Мировые достижения: энциклопедия / Ред. Г.Я. Гик. М.: ОЛМА, 2008. 637 с.
50. *Лотман М.* О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // *Золян С., Лотман М.* Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн: Изд-во Таллин. унта, 2012. С. 19–51.
51. *Кихней Л.Г.* О. Манделъштам // Русский язык и литература: Литература. 11 кл. / Под ред. В.В. Агенова. Ч. 2. М.: Дрофа, 2014. С. 26–51.
52. *Богданова-Бегларян Н.В., Петрова З.А.* Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А.С. Герда. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2017. 392 с.
53. *Мерлин В.* Поэтическая лингвистика Манделъштама: русский ларингал // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 78. 2016. S. 203–227.
54. *Лавровский Н.* О византийскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками. СПб.: Въ типографіи Императ. Академіи наукъ, 1853. 159 с.
55. *Johannis Vorstii De Hebraismis Novi Testamenti Commentarius, sive Philologia sacra.* Francofurti & Lipsiae: Sumptibus Societatis Herborna, 1705. 324 p.
56. *Манделъштам О.* Десятнадцатый век [1922] // *Манделъштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 195–201.
57. *Манделъштам О.* Шум времени [1923] // *Манделъштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 6–49.
58. *Манделъштам Н.Я.* Воспоминания. Книга вторая. Paris: YMCA, 1983. 722 с.
59. *Мейлах М.* Об одном экзотическом подтексте “Стихов о неизвестном солдате” [1994] // *Мейлах М.* Поэзия и миф. 2-е изд. М.: Языки слав. культуры, 2018. С. 174–181.
60. *Гаспаров М.Л.* Манделъштамовское “Мы пойдем другим путем”: о стихотворении “Кому зима – арак и пунш голубоглазый...” // *Гаспаров М.Л.* О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 333–349.
61. *Левин Ю.И.* О. Манделъштам // *Левин Ю.И.* Избр. труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 9–155.
62. *Гаспаров Л.М.* “Грифельная ода” Манделъштама: история текста и история смысла // *Philologica*. Т. 2. 1995. № 3/4. С. 153–193.
63. *Михайлов А.Д., Нерлер П.* Примечания // *Манделъштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 276–312.
64. *M. Tullii Ciceronis De finibus bonorum et malorum libri V* / Ed. H. Holstein. Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1873. 284 p.
65. *Ходасевич В.* [рец., 1922] О. Манделъштам. *Tristia*: Стихи. Берлин, 1922 // *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2. М., 1996. С. 111.
66. *Dante Alighieri.* The Divine Comedy. Selected Cantos. La divina Commedia. Canti Scelti. A dual-language book / Ed. and transl. S. Appelbaum. New York: Dover Publ., 2000. 320 p.
67. *Данте Алигьери.* Божественная комедия / Перев. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 627 с.
68. *Сошкин Е.* Горенко и Манделъштам // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 53. 2004. S. 73–129.
69. *Манделъштам О.* Десятнадцатый век [1922] // *Манделъштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 265–271.
70. *Гаспаров М.Л.* “Восьмистишия” Манделъштама // *Смерть и бессмертие поэта: М-лы науч. конф.* М.: РГГУ, 2001. С. 47–54.
71. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Примечания. Ад // *Данте Алигьери.* Божественная комедия / Перев. М. Лозинского. М., 1967. С. 496–559.
72. *Адамович Г.* Несколько слов о Манделъштаме // *Воздушные пути. Альманах* / Под ред. Р.Н. Гринберга. II. Нью-Йорк, 1961. С. 87–101.
73. *Иванов Вяч.Вс.* “Вы помните, как бегуны...”: Данте, Манделъштам и Элиот // *Иванов Вяч. Вс.* Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. II. М., 2000. С. 423–435.
74. *Лихачев Д.С.* Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест “Слова о полку Игореве” // *Звезда*. 1976. № 6. С. 203–210.
75. *Григорьев В.П., Парнис А.Е.* Примечания // *Хлебников В.* Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 653–714.
76. *Ronen O.* An approach to Mandel’shtam. Jerusalem: Magnes Press, 1983. 396 p.
77. *Михайлов А.Д., Нерлер П.* Примечания // *Манделъштам О.* Соч.: В 2-х т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 441–611.
78. *Кихней Л.Г.* Акмеизм: миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. 183 с.
79. *Меркель Е.В.* Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Манделъштам): дис. ... докт. филол. наук. Нерюнгри, 2015. 491 с.
80. *Гордон Ш.* Голем // *Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 2.* М.: Ком. Акад., 1929. Стб. 577–578.
81. *Осипов В.П.* Болезнь и смерть В.И. Ульянова-Ленина // *Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина: правда и мифы. М., 1997. С. 177–199.
82. *Марголина С.* Мироззрение О. Манделъштама. Marburg: Blaue Hörner, 1989. 210 p.

83. Гутрина Л.Д. “И губы оловом зальют”: блоковский контекст размышлений О. Мандельштама о Поэте и Веке // Дергачевские чтения. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 102–106.
84. *M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim* / Recensuit Ed. Bonnell. Vol. II. Lipsiae: Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 1854. 315 p.
85. *Oedipus. Fragmenta* // *Euripides quae extant omnia*. Vol. III. Oxonii, 1778. P. 574–575.
86. *Δημητρίου Φαληρέως Περί ἑρμηνείας*. Glasguae: Ex Officina R. Foulis, 1743. 197 p.
87. Колкер Ю. Седакова в анатомическом театре // Арион. 1998. № 1. С. 73–81.
88. Кедров К.А. Инсайдаут. Новый Альмагест. М.: Мысль, 2001. 282 с.
89. Невзглядова Е.В. Звук и смысл. СПб.: Изд-во журнала “Звезда”, 1998. 256 с.
90. Зусева В. Памяти “Вавилона” // Арион. 2004. № 2. С. 64–74.
91. Москвин В.П. Ритмические средства языка. Фигуры и стили. М.: Флинта, 2020. 560 с.
92. Сарнов Б.М. Последний творческий акт. Случай Мандельштама. М.: МГУ, 2000. 125 с.
- (Hypo)theory of Literary Genres]. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian humanitarian Academy Publ., 2008. 264 p. (In Russ.)
9. Levin, Yu.I. O. Mandelstam. *Izbr. trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 1998, pp. 9–155. (In Russ.)
10. Gasparov, M.L. *Osip Mandelshtam. Tri ego poetiki* [Osip Mandelstam. His Three Poetics]. Gasparov, M.L. *O russkoj poezii: analizy, interpretacii, harakteristiki* [About Russian Poetry: Analyses, Interpretations, Characteristics]. St. Petersburg, 2001, pp. 193–259. (In Russ.)
11. Glassius, S. *Philologia sacra*. Lipsiae: Apud Jo. Fr. Gleditschium, 1743. 2138 p.
12. Gasparov, M.L. *Kommentarii* [Comments]. Mandelshtam, O. *Stihotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, AST Publ., 2001, pp. 604–710. (In Russ.)
13. Surat, I.Z. *Poetika zagadki: o stihotvorenii O. Mandelshtama “Segodnya nochyu, ne solgu...”* [Poetics of the Riddle: about O. Mandelstam's Poem “Tonight, I won't lie...”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. Vol. 78, 2019, No. 6, pp. 67–73. (In Russ.)
14. Lekmanov, O.A. “*Stihi o neizvestnom soldate*” O. Mandelshtama: *opyt prochteniya* [“Poems about the Unknown Soldier” by O. Mandelstam: Reading Experience]. *Russkaya publicistika i periodika epohi pervoj mirovoj vojny: politika i poetika* [Russian Journalism and Periodicals of the First World War: Politics and Poetics]. Moscow, Institute of world literature Publ., 2013, pp. 255–265. (In Russ.)
15. Mandelstam, N.Ya. *Vospominaniya. Kniga tretya* [Memoirs. Book Three]. Moscow, Direct Media Publ., 2019. 299 p. (In Russ.)
16. Ronen, O. *K syuzhetu “Stihov o neizvestnom soldate”* [To the Plot of “Poems about the Unknown Soldier”]. Ronen, O. *Poetika O. Mandelshtama* [Poetics of O. Mandelstam]. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2002, pp. 96–118. (In Russ.)
17. Struve, N. O. Mandelstam. London: Overseas Publications Interchange, 1988. 336 p.
18. Musatov, V. *Lirika O. Mandelshtama* [Lyrics of O. Mandelstam]. Kiev, Nika-Centr Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)
19. *C. Chirii Fortunatiani Artis rhetoricae libri III* // *Rhetores Latini minores* / Ed. K. Halm. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1863. P. 79–134.
20. *Aristotelis De rhetorica libri tres*. Oxonii: E Typographeo Academico, 1833. 239 p.
21. Uspensky, P.F., Feinberg, V.V. *Intuitivno ponyatnyj tekst? Yazykovaya poetika “Stihov o neizvestnom soldate” O. Mandelshtama* [Intuitive Text? Language Poetics of “Poems about the Unknown Soldier” by

REFERENCES

1. Gasparov, M.L. *Priroda i kultura v “Grifel'noj ode” Mandelshtama* [Nature and Culture in Mandelstam's “Slate ode”]. *Arion*. 1996, No. 2, pp. 50–56. (In Russ.)
2. Wagner, E.S. *Narrativity, coherence and literariness. A theoretical approach with analyses of Laclos, Kafka and Toussaint*. Berlin & Boston: Walter de Gruyter, 2020. 649 p.
3. *Divi Isidori Hispalensis episcopi Etymologiae. S. Isidori Hispalensis episcopi hispaniarum doctoris Opera omnia*. Romae: Typis Antonii Fulgonii, 1798. P. 1–499.
4. Schaeffer, J.D. *Sensus communis: Vico, rhetoric, and the limits of relativism*. Durham & London: Duke Univ. Press, 1990. 181 p.
5. Friedrich, G. *Struktura sovremennoj liriki. Ot Bodlera do serediny dvadcatogo stoletiya* [Structure of Modern Lyrics. From Baudelaire to the Middle of the Twentieth Century]. Moscow, Jazyki slavyanskoj kultury Publ., 2010 [1956]. 345 p. (In Russ.)
6. Averintsev, S.S. *Sudba i vest Osipa Mandelshtama* [The Fate and Message of Osip Mandelstam]. Mandelstam, O.E. *Soch.: V 2-h t. T. I. Stihotvoreniya* [Essays in two Vol. Vol. 1. Poems]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 5–64. (In Russ.)
7. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspect Press Publ., 1996. 334 p. (In Russ.)
8. Smirnov, I.P. *Oliteraturennoe vremya: (gipo)teoriya literaturnyh zhanrov* [Time Embodied into Literature:

- O. Mandelstam]. *Novyj mir* [New World]. 2019, No. 3, pp. 173–192. (In Russ.)
22. Belyj, A. *Simvolizm* [Symbolism. Book of Articles]. St. Petersburg, Musaget Publ., 1910. 635 p. (In Russ.)
23. Mandelstam, O. *O prirode slova [1922]* [On the Nature of the Word [1922]]. Mandelstam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 172–187. (In Russ.)
24. Mandelstam, O. *Literaturnaya Moskva [1922]* [Literary Moscow [1922]]. Mandelstam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990. P. 274–278. (In Russ.)
25. Pomerantz, G. *Slovo – Psiheya* [Word – Psyche]. *Slovo i sudba: O. Mandelstam. Issledovaniya i materialy. Red. Z.S. Paperny* [Word and Fate: O. Mandelstam. Research and Materials. Ed. Z.S. Paperny]. Moscow, 1991, pp. 389–398. (In Russ.)
26. Mandelstam, O. *Slovo i kultura [1921]* [Word and Culture [1921]]. Mandelstam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990. P. 167–172. (In Russ.)
27. Khazan, V.I. *O. Mandelstam i A. Ahmatova. Nabroski k dialogu* [O. Mandelstam and A. Akhmatova. Outline for the Dialog]. Grozny, Chechen-Ingush state Univ. Publ., 1992. 278 p. (In Russ.)
28. Mandelstam, O. *Razgovor o Dante [1933]* [Conversation about Dante [1933]]. Mandelstam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1990. C. 214–254. (In Russ.)
29. Bushman, I. *Mandelstam's poetic art*. Munich, Institute for the study of USSR, 1964. 75 p. (In Russ.)
30. Weidle, V. *O poslednih stihah Mandelstama* [About Mandelstam's Last Poems]. *Vozdushnye puti. Almanah. Pod red. R.N. Grinberga. II* [Air Ways. Almanac. Ed. R.N. Greenberg. II]. New York, 1961, pp. 70–86. (In Russ.)
31. Kahn, A. *Mandelstam's worlds: poetry, politics, and identity in a revolutionary age*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020. 720 p.
32. Ronen, O. *Leksicheskij povtor, podtekst i smysl v poetike O. Mandelstama* [Lexical Repetition, Subtext and Meaning in O. Mandelstam's Poetics]. Ronen, O. *Poetika O. Mandelstama* [The Poetics of O. Mandelstam]. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2002, pp. 13–42. (In Russ.)
33. Semenko, I.M. *Poetika pozdnego Mandelstama. Ot chernovykh redakcij – k okonchatel'nomu tekstu. Sost. S. Vasilenko, P. Nerler. Izd. 2-e* [Poetics of the Late Mandelstam. From Draft Versions to the Final Text. Comp. S. Vasilenko, P. Nerler. Ed. 2]. Moscow, CIRZ Publ., 1997 [1986]. 144 p. (In Russ.)
34. Moskvina, V.P. *Russkaya metafora. Opyt semioticheskogo opisaniya. Izd. 5-e* [Russian Metaphor. Experience of Semiotic Description. Ed. 5]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 352 p. (In Russ.)
35. Gasparov, M.L. *O. Mandelstam. Grazhdanskaya lirika 1937 g.* [Osip Mandelstam. Civil Lyrics of 1937]. Moscow, RGGU Publ., 1996. 128 p. (In Russ.)
36. Uspenskiy, B.A. *Anatomiya metafory u Mandelstama* [Anatomy of a Metaphor in Mandelstam]. Uspenskiy B.A. *Issledovaniya po russkoj literature, folkloru i mifologii* [Research on Russian literature, Folklore and Mythology]. Moscow, Common place, 2018, pp. 7–46. (In Russ.)
37. Ivanitskiy, M.F. *Anatomiya cheloveka (s osnovami dinamicheskoy i sportivnoj morfologii). Pod red. B.A. Nikityuka i dr. Izd. 14-e* [Human Anatomy (with the Basics of Dynamic and Sports Morphology). Ed. B.A. Nikityuk et al. Ed. 14]. Moscow, Sport Publ., 2018. 624 p. (In Russ.)
38. Gurvich, I. *Mandelstam: Problema chteniya i ponimaniya* [Mandelstam: The Problem of Reading and Understanding]. New York, Gnosis Press Publ., 1994. 133 p. (In Russ.)
39. Benevich, G., Shufrin, A. *Iz knigi "Vvedenie v poeziyu Mandelstama"* [From the Book "Introduction to the poetry of Mandelstam"]. *Vestnik russkogo hristianskogo dvizheniya. № 160* [Bulletin of the Russian Christian Movement. No. 160]. Paris et al, 1990, pp. 221–250. (In Russ.)
40. Ronen, O. *O "russkom golose" O. Mandelstama* [About O. Mandelstam's "Russian voice"]. Ronen, O. *Poetika O. Mandelstama* [O. Mandelstam's Poetics]. St. Petersburg, Hyperion Publ., 2002, pp. 43–67. (In Russ.)
41. Vidgof, L.M. *O. Mandelstam v nachale 1930-h gg.: vybor pozicii* [O. Mandelstam in the Early 1930-ies: Choice of Position]. Vidgof, L.M. *Statji o Mandelstame* [Articles about Mandelstam]. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2015, pp. 55–97. (In Russ.)
42. Surat, I.Z. *Pushkin i Mandelstam* [Pushkin and Mandelstam]. Moscow, Institute of world literature Publ., 2009. 384 p. (In Russ.)
43. Trofimov, I.V. *Rech kak instrument kultury v poeticheskom tvorchestve O. Mandelstama* [Language as Instrument of Culture in the Poetic Works of O. Mandelstam]. *O Mandelstame: Sb. dokl.* [About Mandelstam: Collection of Reports]. Daugavpils, 1991, pp. 16–22. (In Russ.)
44. Tsvetaeva, M.I. *Moj otvet O. Mandelstamu [1926]* [My Answer to O. Mandelstam [1926]]. Tsvetaeva, M.I. *O literature i iskusstve* [About Literature and Art]. Moscow, Yurayt, 2019, pp. 119–129. (In Russ.)
45. Panova, L. *Italyanyas, ruseya. Dante i Petrarka v hudozhestvennom diskurse Serebryanogo veka ot simvolistov do Mandelstama* [Becoming Italian, Becoming Russian. Dante and Petrarch in the Artistic

- Discourse of the Silver Age from the Symbolists to Mandelstam]. Moscow, RGGU Publ., 2019. 676 p. (In Russ.)
46. Zholkovsky, A.K. *Sohrani moyu rech, – i ya primu tebya, kak upryazh: Mandelshtam i Pasternak v 1931 g.* [Save my Speech – and I will Accept you as a Harness: Mandelstam and Pasternak in 1931]. *Zvezda* [Star]. 2012, No. 4, pp. 226–235. (In Russ.)
47. Stratanovsky, S.G. *Nacelyas na smert. Ob odnom stihotvorenii O. Mandelshtama* [Aiming for Death. About a Poem by O. Mandelstam]. *Zvezda* [Star]. 1998, No. 1, pp. 213–221. (In Russ.)
48. Dobrushina, N.R. *Soslagatelnoe naklonenie* [Subjunctive Mood]. *Materialy k Korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Glagol. Otv. red. V.A. Plungyan. Ch. I* [Materials for the Corpus grammar of the Russian language. Verb. Ed. V.A. Plungyan. Part I]. St. Petersburg, 2016, pp. 161–212. (In Russ.)
49. *Sport. Mirovye dostizheniya: enciklopediya. Red. G. Ya. Gik* [Sport. World Achievements: Encyclopedia. Ed. G.Ya. Gik]. Moscow, OLMA Publ., 2008. 637 p. (In Russ.)
50. Lotman, M. *O sootnoshenii zvukovyh i smyslovyh zhestov v poeticheskom tekste* [On the Correlation of Sound and Semantic Gestures in a Poetic Text]. Zolyan S., Lotman, M. *Issledovaniya v oblasti semanticheskoy poetiki akmeizma* [Research in the Field of Semantic Poetics of Acmeism]. Tallinn, Tallinn Univ. Publ., 2012, pp. 19–51. (In Russ.)
51. Kihnej, L.G. *O. Mandelshtam* [O. Mandelstam]. *Russkij yazyk i literatura: Literatura. 11 kl. / Pod red. V.V. Agenosova. Ch. 2* [Russian Language and Literature: Literature. 11th class. Ed. V.V. Agenosov. Part 2]. Moscow, Drofa, 2014, pp. 26–51. (In Russ.)
52. Bogdanova-Beglaryan, N.V., Petrova, Z.A. *Seliger. Materialy po russkoj dialektologii. Slovar / Pod red. A.S. Gerda. Vyp. 7* [Seliger. Materials on Russian Dialectology. Dictionary. Ed. A.S. Gerd. Vol. 7]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 392 p. (In Russ.)
53. Merlin, V. *Poeticheskaya lingvistika Mandelshtama: russkij laringal* [Mandelstam's Poetic Linguistics: Russian Laryngeal]. Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 78, 2016, S. 203–227. (In Russ.)
54. Lavrovsky, N. *O vizantijskom elemente v yazyke dogovorov russkih s grekami* [On the Byzantine Element in the Language of Russian-Greek Treaties]. St. Petersburg, In the printing office of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1853. 159 p. (In Russ.)
55. *Johann Vorstii De Hebraismis Novi Testamenti Commentarius, sive Philologia sacra*. Francofurti & Lipsiae: Sumptibus Societatis Herborna, 1705. 324 p. (In Russ.)
56. Mandelstam, O. *Devyatnadcatyj vek [1922]* [The Nineteenth century [1922]]. Mandelshtam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 195–201. (In Russ.)
57. Mandelstam, O. *Shum vremeni [1923]* [The noise of time [1923]]. Mandelshtam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 6–49. (In Russ.)
58. Mandelstam, N.Y. *Vospominaniya. Kniga vtoraya* [Memoirs. The Second Book]. Paris: YMCA Publ., 1983. 722 p. (In Russ.)
59. Meilakh, M. *Ob odnom ekzoticheskom podtekste "Stihov o neizvestnom soldate" [1994]* [About one Exotic Subtext of "Poems about the Unknown Soldier"]. Mejlakh, M. *Poeziya i mif. 2-e izd.* [Poetry and Myth. Ed. 2]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2018, pp. 174–181. (In Russ.)
60. Gasparov, M.L. *Mandelshtamovskoe "My pojdem drugim putem": o stihotvorenii "Komu zima – arak i punsh golubglazyj..."* [Mandelstam's "We will go Another Way": about the Poem "To Whom Winter Arak and Punch Blue-Eyed..."]. Gasparov, M.L. *O russkoj poezii: analizy, interpretacii, harakteristiki* [About Russian Poetry: Analyses, Interpretations, Characteristics]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2001, pp. 333–349. (In Russ.)
61. Levin, Yu.I. *Mandelshtam* [About Mandelstam]. Levin, Yu.I. *Izbr. trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 1998, pp. 9–155. (In Russ.)
62. Gasparov, M.L. *"Grifel'naya oda" Mandelshtama: istoriya teksta i istoriya smysla* [Mandelstam's "Slate Ode": the History of Text and the History of Meaning]. *Philologica. T. 2* [Philologica. Vol. 2]. 1995, No. 3–4, pp. 153–193. (In Russ.)
63. Mikhailov, A.D., Nerler, P. *Primechaniya* [Notes]. Mandelshtam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 276–312. (In Russ.)
64. *M. Tullii Ciceronis De finibus bonorum et malorum libri V* / Ed. H. Holstein. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1873. 284 p.
65. Khodasevich, V. [rec., 1922] *O. Mandelshtam. Tristia: Stihi* [[review, 1922] O. Mandelstam. Tristia: Poems]. Berlin, 1922. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenij: V 4-h t. T. 2* [Collected Works: In 4 Vol. Vol. 2]. Moscow, 1996, p. 111. (In Russ.)
66. Dante, Alighieri. *The Divine Comedy. Selected Cantos. La divina Commedia. Canti Scelti. A dual-language book* / Ed. and transl. S. Appelbaum. New York: Dover Publ., 2000. 320 p.
67. Dante, Alighieri. *Bozhestvennaya komediya. Perv. M. Lozinskogo* [The Divine Comedy. Transl. M. Lozinskiy]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 627 p. (In Russ.)

68. Soshkin, E. *Gorenko i Mandelstam* [Gorenko and Mandelstam]. Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 53, 2004, S. 73–129. (In Russ.)
69. Mandelstam, O. *Devyatnadcatyj vek [1922]* [Nineteenth century [1922]. Mandelstam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 265–271. (In Russ.)
70. Gasparov, M.L. “*Vosmistishiya*” *Mandelstama* [Mandelstam’s “Octets”]. *Smert i bessmertie poeta: M-ly nauch. konf.* [Death and Immortality of the Poet: Materials of a Scholar Conference]. Moscow, 2001, pp. 47–54. (In Russ.)
71. Golenishchev-Kutuzov, I.N. *Primechaniya. Ad* [Notes. Hell]. Dante, Alighieri. *Bozhestvennaya komediya. Perv. M. Lozinskogo* [The Divine Comedy. Transl. M. Lozinskiy]. Moscow, 1967, pp. 496–559. (In Russ.)
72. Adamovich, G. *Neskolko slov o Mandelstame* [A Few Words about Mandelstam. *Vozdushnye puti. Almanah. Pod red. R.N. Grinberga. II* [Air Ways. Ed. R.N. Greenberg. Vol. II]. New York, 1961, pp. 87–101. (In Russ.)
73. Ivanov, Vyach.Vs. “*Vy pomnite, kak beguny...*”: *Dante, Mandelstam i Eliot* [“You Remember How Runners...”: Dante, Mandelstam and Eliot]. Ivanov, Vyach.Vs. *Izbr. trudy po semiotike i istorii kultury. T. II* [Selected Works on Semiotics and Cultural History. Vol. II]. Moscow, 2000, pp. 423–435. (In Russ.)
74. Lihachyov, D.S. *Gipotezy ili fantazii v istolkovanii temnyh mest “Slova o polku Igoreve”* [Hypotheses or Fantasies in the Interpretation of Dark Places “Word about Igor’s Regiment”]. *Zvezda* [Star]. 1976, No. 6, pp. 203–210. (In Russ.)
75. Grigoriev, V.P., Parnis, A.E. *Primechaniya* [Notes]. Hlebnikov, V. *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1986, pp. 653–714. (In Russ.)
76. Ronen O. An approach to Mandel’shtam. Jerusalem: Magnes Press, 1983. 396 p.
77. Mikhailov, A.D., Nerler, P. *Primechaniya* [Notes]. Mandelstam, O. *Soch.: V 2-h t. T. 2. Proza* [Essays in 2 Vol. Vol. 2. Prose]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 441–611. (In Russ.)
78. Kihnej, L.G. *Akmeizm: miroponimanie i poetika* [Acmeism: the Worldview and Poetics]. Moscow, MAKSPress Publ., 2001. 183 p. (In Russ.)
79. Merkel, E.V. *Poeticheskaya semantika akmeizma: miromodeliruyushchie obrazy i motivy (N. Gumilev, A. Ahmatova, O. Mandel’shtam): dis. ... dokt. filol. nauk* [Poetic Semantics of Acmeism: World-Modeling Images and Motives (N. Gumilev, A. Akhmatova, O. Mandelstam): Dis. ... doct. of philology]. Neryungri, 2015. 491 p. (In Russ.)
80. Gordon, S. *Golem* [Golem]. *Literaturnaya enciklopediya: V II t. T. 2* [Literary Encyclopedia. Vol. 2]. Moscow, 1929, pp. 577–578. (In Russ.)
81. Osipov, V.P. *Bolezn i smert V.I. Ulyanova-Lenina* [Illness and Death of V.I. Ulyanov-Lenin]. Lopuhin, Yu.M. *Bolezn, smert i balzamirovanie V.I. Lenina: pravda i mify* [Illness, Death and Embalming of V.I. Lenin: Truth and Myths]. Moscow, 1997, pp. 177–199. (In Russ.)
82. Margolina, C. *Mirovozzrenie O. Mandelstama* [O. Mandelstam’s Worldview]. Marburg, Blauë Hörner, 1989. 210 p. (In Russ.)
83. Gutrina, L.D. “*I guby olovom zalyut*”: *blokovskij kontekst razmyshlenij O. Mandelstama o Poete i Veke* [“And the Lips will be Filled with Tin”: Blok’s Context of O. Mandelstam’s Reflections on the Poet and the Century]. *Dergachevskie chteniya* [Dergachyov’ Readings]. Ekaterinburg, 2012, Vol. 2, pp. 102–106. (In Russ.)
84. *M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim*. Recensuit Ed. Bonnell. Vol. II. Lipsiae: Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 1854. 315 p.
85. *Oedipus*. Fragmenta. *Euripides* quae extant omnia. Vol. III. Oxonii, 1778, pp. 574–575.
86. *Δημητρίου Φαληρέως Περί ἔρμηνείας*. Glasgae: Ex Officina R. Foulis, 1743. 197 p.
87. Kolker, Yu. *Sedakova v anatomicheskom teatre* [Sedakova in the Anatomical Theater]. Arion. 1998, No. 1, pp. 73–81. (In Russ.)
88. Kedrov, K.A. *Insideout*. New Almagest. Moscow, Mysl Publ., 2001. 282 p. (In Russ.)
89. Nevzglyadova, E. *Zvuk i smysl* [Sound and Meaning]. St. Petersburg, Zvezda Publ., 1998. 256 p. (In Russ.)
90. Zuseva, V. *Pamyati “Vavilona”* [In Memory of “Babylon”]. Arion. 2004, No. 2, pp. 64–74. (In Russ.)
91. Moskvina, V.P. *Ritmicheskie sredstva yazyka. Figury i stili* [Rhythmic Means of Language. Figures and Styles]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 560 p. (In Russ.)
92. Sarnov, B.M. *Poslednij tvorcheskij akt. Sluchaj Mandelstama* [The Last Creative Act. The Mandelstam Case]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 2000. 125 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 19 ноября 2020 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки:

16 мая 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on November 19, 2020

Revised on May 16, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016297-9

Антиномии орфографии в области написания форм кратких отглагольных прилагательных с *н* или *нн*

© 2021 г. Е. В. Бешенкова

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
evbeshenkova@gmail.com

Резюме. Согласно правилам русской орфографии написание кратких форм отглагольных слов на *-нный* с одной буквой *н* или с буквосочетанием *нн* перед ненулевым окончанием зависит от грамматического статуса слова: причастие или прилагательное. Считается, что письмо выражает системное противопоставление грамматических категорий, т.е. в данной области действует отражательный вектор антиномии “отражательное – условное”. Но так ли это? Можно как-то проверить, правильно ли выбрана антиномия для описания той или иной картины исследуемой области письма? Есть ли отличительные черты у типов написаний, получаемых в результате действия той или иной антиномии? Попробуем ответить на последний вопрос на примере орфографии кратких отглагольных прилагательных. Исходя из того, что краткие формы причастий всегда пишутся только с одной буквой *н*, а краткие формы прилагательных с ненулевым окончанием тройко: либо с *нн*, либо с *н*, либо как с *н*, так и с *нн* в зависимости от значения и/или модели управления, – оценим количественное соотношение этих групп, как они фиксируются в разных словарях, сравним кодификацию и узуальную норму, как она отражена в текстах ресурсов НКРЯ и Гугл-книги, определим, что реализуется на письме устойчиво, а что нет. На основании полученных результатов можно попытаться понять, действительно ли письмо регулярно отражает именно грамматическое противопоставление.

Ключевые слова: орфография, антиномии орфографии, антиномия “отражательное – условное”, причастия, отглагольные прилагательные, фактор коммуникативной целесообразности в орфографии.

Для цитирования: Бешенкова Е.В. Антиномии орфографии в области написания форм кратких отглагольных прилагательных с *н* или *нн* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 86–107. DOI: 10.31857/S241377150016297-9

Language Antinomies Concerning Spelling of Short Forms of Verbal Adjectives with *n* or *nn*

© 2021 Elena V. Beshenkova

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
evbeshenkova@gmail.com

Abstract. According to the Russian orthography, the spelling of short forms of verbal words in *-нный* with *n* (*n*) or with *нн* (*nn*) before a non-zero ending depends on the grammatical status of the word: participle

or adjective. It is believed that writing expresses a systemic opposition of grammatical categories, i.e. the reflective vector of the antinomy “reflective – conditional” operates in this area. But is it possible to check whether the antinomy was chosen correctly to describe a particular picture of the studied area of writing? Are there any distinctive features of the types of spellings obtained as a result of the action of one or another antinomy? We attempt to answer the latter using the example of the spelling of short verbal adjectives. Proceeding from the fact that short forms of participles are always written with only one letter *h*, and short forms of adjectives with a non-zero ending are threefold: either with *hh*, or with *h*, or both with *h* and with *hh*, depending on the meaning and / or model management, — we will evaluate the quantitative ratio of these groups, how they are recorded in different dictionaries, compare the codification and the usual norm, as reflected in the texts of the RNC resources and Google books, we will determine what is being implemented in writing steadily and what is not. Based on the results obtained, one can try to understand whether the letter regularly reflects precisely the grammatical opposition.

Key words: spelling, spelling antinomies, “reflective – conditional” antinomy, participles, verbal adjectives, the factor of communicative expediency in spelling.

For citation: Beshenkova, E.V. *Antinomii orfografii v oblasti napisaniya form kratkih otglagolnyh prilagatelnyh s n ili nn* [Language Antinomies Concerning Spelling of Short Forms of Verbal Adjectives with *n* or *nn*]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 86–107. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016297-9

Исторический экскурс

Написания полных форм страдательных причастий с буквосочетанием *nn* “входят в моду” с XV в., хотя отдельные формы встречаются и в более ранних текстах. К 20-м годам XVIII в. в практике письма окончательно устанавливается разное написание полных форм страдательных причастий в зависимости от вида глагола. Так, в формах от глаголов совершенного вида или несовершенного вида с зависимыми словами пишется *nn*, а в формах от глаголов несовершенного вида без зависимых слов — *n*. Этот процесс оценивается учеными по-разному: как результат фонетического “удвоения” носового согласного [1, с. 224] или как результат влияния модели образования форм прилагательных с суффиксом *-n-*, как в *длин+n+ый*, в том числе в отглагольных формах не на *n*, напр. *скрыт+n+ый*, *знат+n+ый* [2]. Б.И. Осипов пишет: “Трудно сказать, стоит ли за ними простая аналогия со словами типа *истинный*, получившими /nn/ в произношении после падения редуцированных и отвердения конечной фонемы корня в результате ассимиляции, а удвоенную *H* на письме — после утверждения безъерových написаний суффикса, или же графическое удвоение отражает наличие такой аналогии в живом языке” [3, с. 91].

Краткие же формы причастий и прилагательных устойчиво сохраняли написание одной буквы *n*, и лишь немногие отпричастные прилагательные в кратких формах фиксировались в написании с *nn*, но написание это не было устойчивым. Эта неустойчивость отразилась и в словарях, и в грамматиках. Так, Н.Г. Курганов рекомендует писать и краткие причастия, и

краткие прилагательные с одной буквой *n* [4, с. 99], а Академическая грамматика 1802 г. в кратких причастиях оставляет одну букву *n*, а в прилагательных — буквосочетание *nn* (*писанный* — *писанъ*, *писана*, *писано*, *писаны*; *блаженный* — *блаженъ*, *блаженна*, *блаженны*) [5, с. 80] (см. подробнее в [6]). В 1884 г. Я.К. Грот писал об “органическом значении” двойного *n* в некоторых полных и “даже” кратких формах страдательных причастий, напр.: *совершенен*, *совершенна*, *обыкновенен*, *обыкновенна*, *откровенен*, *откровенна*, *искренен*, *искренна*. “Часто от той или другой формы зависит различие между причастиями и прилагательными; напр. не все равно, сказать ли: *понятие определено*, или: *понятие определёнno*; в первом случае (причастие) является вопрос: *чем?* во втором (прилаг.) смысл полон” [1, с. 225]. Заметим, что Я.К. Грот говорил лишь о некоторых таких словах. Ниже он пишет: “Для начертания прилагательных и причастий с одним или с двумя *n* следует держаться вообще произношения. Что удвоение этой буквы в показанных случаях не оправдывается производством — несомненно. Но так как здесь фонетическое правописание весьма давно уже и твердо установилось, то незачем отступать от него” [1, с. 225–226].

И в середине XX в. В.В. Виноградов писал об активности процесса распада глагольности в причастиях: «Процесс распада глагольности в системе причастий на *-нный* очень жив и интенсивен в современном русском языке. Является потребность отметить возникающее раздвоение слов орфографическими средствами. Возникает двойственное написание в нечленных формах, например: *Все общество было взволновано новостью* — и *Лицо*

девушки было взволнованно; Местность ограничена горами – и Утроба человеческая ограничена (Салтыков-Щедрин); распушена и распушенна; Мысли были сосредоточены на одном – и Наталья снова стала сосредоточенна и грустна (Шолохов “Тихий Дон”); беседа была оживлённа – Лиза была оживлённа и другие подобные» [7, с. 229]¹.

Однако в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, отражающем письмо примерно того же времени, лишь у немногих отглагольных прилагательных фиксируются краткие формы на *-нна*, *-о*, *-ы* (часто с пометой *редк.*).

Примеры: *преувеличенны, воздержанны, воспитанны, восторженны, изысканны, надуманны, наигранны, направлены, начитанны, обдуманно* (шаги, наряды), *обоснованны* (о мнении), *обособленны, образованны, озабоченны, озлобленны, организованны, осмысленны, отчаянны, преувеличенны, размеренны* (движения), *разнузданны, распушенны, сдержанны, сосредоточенны, умеренны* (требования, скорости), *упитанны, утрированы, ухоженны*.

Большинство же отглагольных прилагательных, данных в современных словарях с краткими формами на *-нна*, *-о*, *-ы*, фиксируются либо только в полных формах

(примеры: *выдержанный, вымученный, вымышленный, вынужденный, законченный, замедленный, запутанный, заслуженный, заспанный, затасканный* “банальный”, *избалованный, измученный, изнеженный, изнуренный, испуганный, истасканный, истрепанный, квалифицированный, мотивированный, насыщенный, обеспеченный, обиженный* (она на нас обижена, в др. знач. только полные формы), *обрадованный (вид), обстрелянный, опечаленный, оправданный, подобранный “опрятный”, потасканный, потрёпанный, продуманный, разбросанный* (о мыслях), *разрозненный, разочарованный, раскопанный, расстроганный, согласованный, униженный* (просьба),

либо краткие формы с одной *n* приводятся в начале словарной статьи как общие для прилагательного и причастия: “оборванный, ая, ое; -ван, а, о. 1. Прич. страд. <...> 2. Рваный, истрепанный; в рваном платье (разг) <...> Вечером мой приказчик возвращается бледен, оборван и пеиш.”

(примеры: *взволнованный, взвешенный, встрепаный, встревоженный, дисциплинированный, заинтересованный, изможденный, напыщенный,*

¹ В.В. Виноградов говорит о “процессе распада глагольности в причастиях”, однако производство форм *сосредоточенна* (Наталья), *оживлена* (Лиза) от пассивных причастий, а не от возвратных глаголов *сосредоточилась, оживилась* не очевидно.

обескураженный (прич.), *обеспокоенный, ограниченный* “неразвитый”, *осознанный, отточенный, униженный, развинченный, разгневанный, рассчитанный*).

И для многих других отглагольных прилагательных краткие формы даются в написании с одной *n*.

Тем не менее в правилах 1956 г. [8] определение написания *n* или *nn* в кратких “отпричастных”² прилагательных опирается на презумпцию, что языковое противопоставление грамматических категорий причастия и имени прилагательного регулярно отражается на письме в выборе форм на *-на* (*-но*, *-ны*) для причастий и форм на *-нна* (*-нно*, *-нны*) для прилагательных. Правило формулируется так:

“Двойное *n* пишется во множ. ч. и в женском и среднем роде ед. ч. кратких прилагательных, образовавшихся от страдательных причастий прошедшего времени, в полной форме которых – двойное *n*, например: группы *дисциплинированны* и *организованны*; девочка *воспитанна* и умна; они очень *рассеянны*” [8, § 65].

В ходе дискуссии 60-х годов было высказано предложение отказаться от различия на письме кратких форм причастий и отпричастных прилагательных, что позволило бы не проводить “тонкого лингвистического анализа для разграничения форм типа” *взволнована* прич. и *взволнованна* прил. [9, с. 176]. Однако это предложение не было принято как противоречащее фонематическому принципу³, и основные усилия грамматистов и орфографистов были направлены на поиски признаков, оттенков значения, позволяющих различить причастия и отпричастные (отглагольные) прилагательные как грамматические категории.

К сдерживающим факторам адъективации и, соответственно, распространения написания

² Хотя в формулировке говорится о “прилагательных, образовавшихся от страдательных причастий”, но среди примеров приводятся и такие слова, как *рассеянна*, которые не соотносятся с переходными глаголами, управляющими соответствующими дополнениями **рассеять кого-то* и в § 63 сказано: “Двойное *n* пишется во всех прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени (или по их типу)” (подчеркнуто мной. – Е.Б.).

³ О предложении писать во всех формах только *n*: “Во многих вводимых этим предложением написаний осуществляется тот тип несоответствия, о котором говорилось выше (см.<...>): написание одного согласного при долгом произношении; таковы все случаи передачи с *n* суффикса причастий в положении под ударением: *принесённый, дарённый, озарённый*; таковы и написания кратких форм отпричастных прилагательных типа *оживлённа, определённа* (Она весела и оживлённа)” [Обзор 1965, с. 177].

кратких форм с *нн* В.В. Виноградов относил наличие зависимых слов: “Глагольность причастия напрягается, когда приходит в движение присущая соответствующему глаголу система глагольного управления” [7, с. 229]. В 1961 г. Н.А. Еськова отмечает группу отглагольных прилагательных с установившимся в узусе написанием кратких форм и с *нн*, и с *н* в зависимости от значения или модели управления (*предана кому-л.* — *преданна* без доп.) [10]. Некоторые такие написания даются в словарях тех же лет [11]; [12] и в более поздних словарях ([13]; [14]; [15]; [16]; [17]).

Г.П. Павский отмечает наличие фактора сильной “произносительной позиции” для различения форм прилагательного и причастия: “Чтобы положить яснейшее различие между причастиями и прилагательными, гений языка берет иногда в помощь ударение” [18, с. 64]. Ср. также: “В современном русском языке существуют отпричастные образования с сильной произносительной позицией для *Н* и *НН*: в тех случаях, когда ударение в полной форме падает на гласную суффикса, краткие формы причастий и прилагательных противопоставлены долготой и краткостью и местом ударения” [19, с. 131–132].

Лингвисты также ищут признаки различения причастий и прилагательных в семантике, описывают возможные расхождения в значениях причастий и прилагательных как грамматических категорий. Однако, как пишет Л.И. Луговая, “развивающееся, как живой процесс в причастии, значение прилагательного чаще всего не выводит его полностью за рамки причастия. Определить формальную степень этого перехода крайне трудно, что отражается на неустановившемся правописании рассматриваемых форм” [20, с. 121].

При невозможности представить переходное явление как дихотомию грамматических категорий, что могло бы обеспечить определенность написания, лингвисты предлагают разные способы преодоления орфографического разнобоя: введение шкалы “однозначности — вариативности” написания в зависимости от положения слова на предлагаемой шкале перехода причастия в прилагательное [19], отказ от жесткого правила-предписания, введение более мягкого правила-рекомендации или правила для “некоторых слов”. Так, И.К. Сазонова, с одной стороны, вводит правило для написания *нн* для “некоторых прилагательных” (“Двойное *н* пишется в кратких формах некоторых прилагательных, образованных от страдательных причастий прошедшего времени и обозначающих качество лица или предмета” [21, с. 442]), а с другой стороны, вводит

особый тип правила — правило-рекомендацию для написания *н*: “С одним *н* пишутся краткие формы прилагательных, образовавшихся от страдательных причастий прошедшего времени (или по их типу), обозначающих внутреннее состояние, свойство или особенности характера человека, например: *дети растеряны...*” [21, с. 443]. Практически это означает утверждение словарного написания, что и отмечается в предисловии к словарю: «Если причастие может употребляться в значении прилагательного, в том числе в кратких формах с одним *н*, это отмечается после пометы *прич.* словами “также в знач. *прил.*”» [17, с. 6]. Введение такой пометы в словаре означает признание словарного написания *н* или *нн* в кратких формах.

Существует и противоположная оценка процессов, происходящих в этой области письма. Так, Л.П. Калакуцкая считает, что противопоставление причастия и прилагательного только в одном типе форм не является системно обоснованным, и задается вопросом “не становится ли написание двойного и одинарного *н* орфографической самоцелью, не имеющей под собой реального обоснования” [22, с. 200].

Однако в Полном академическом справочнике 2006 г. [23] сохранен подход правил 1956 года:

“§ 101. Краткие формы (кроме формы мужского рода) прилагательных с качественным значением, совпадающих по форме со страдательными причастиями⁴ прошедшего времени глаголов совершенного вида, пишутся с *нн*, напр.: *воспитанна, воспитанно, воспитанны* (от прилагательного *воспитанный* ‘обнаруживающий результаты хорошего воспитания’); *избалованна, избалованно, избалованны* (от прилагательного *избалованный* ‘привыкший к исполнению своих прихотей’); *возвышенна, возвышенно, возвышенны* (от прилагательного *возвышенный* ‘полный высокого содержания’). Такие прилагательные имеют формы сравнительной степени: *воспитаннее, избалованнее, возвышеннее*”.

Но при этом введен уточняющий параграф, в котором учтены как написания кратких форм с *н* при наличии зависимых слов и отсутствии форм сравнительной степени, так и возможность двойного написания прилагательных в зависимости от смысла:

“§ 102. Краткие формы прилагательных на *-нный* пишутся с одним *н*, если эти прилагательные

⁴ Заметим, что в правиле говорится не об отпричастных прилагательных, а о “прилагательных с качественным значением, совпадающих по форме со страдательными причастиями”.

требуют зависимых слов и не имеют формы сравнительной степени. Примеры: *привязанный* “испытывающий привязанность” — *она к нему очень привязана* <...>

Примечание. Некоторые прилагательные имеют в разных значениях по-разному пишущиеся краткие формы. <...>

Краткие формы прилагательных, выражающие различные эмоциональные состояния, могут быть написаны с *н* или с *ни* в зависимости от передаваемых оттенков. Напр.: *Она взволнована* (она испытывает волнение) — *Ее речь взволнованна* (ее речь обнаруживает, выражает волнение). В первом случае возможно и написание *взволнованна* (которым подчеркивалось бы, что ее облик выражает волнение) <...>

В трудных случаях различения подобных кратких форм следует обращаться к академическому “Русскому орфографическому словарю”.

§ 103. Краткие формы сложных прилагательных, вторые части которых совпадают с причастиями на *-нный*, пишутся с *н* или *ни* в зависимости от значения. Прилагательные, выражающие признаки, которые могут проявляться в большей или меньшей степени, т.е. образующие формы сравнительной степени, имеют краткие формы (кроме формы мужского рода) с *ни*; прилагательные, не допускающие по значению форм сравнительной степени, имеют краткие формы с одним *н*, напр.: <...> примеры: *целенаправленна*, *-нно*, *-нны* <...>, *противопозазана* [23], *-но*, *-ны* <...>”.

Как видим, несмотря на введенные уточнения, авторы не считают сформулированное правило достаточным для однозначного определения написания и предлагают “в трудных случаях” обращаться к академическому орфографическому словарю. Однако созданные за последние годы словари, общие и специально посвященные этой теме, значительно расходятся в своих рекомендациях. Это только подтверждает оценку В.Ф. Ивановой, которая назвала эту область “белым пятном” в исследовании орфографических проблем [24, с. 71].

Рассмотрим же подробнее, как кодифицируются краткие формы отпричастных (отглагольных) прилагательных в РОС и других словарях, какова реальная практика письма и насколько она соответствует словарной кодификации. Чтобы понять, какой критерий определяет написание *н* или *ни* в кратких формах: грамматическая характеристика, степень адъективации или что-то другое — сравним множества слов с кодификацией *н* и с кодификацией *ни* в словарях, выделим признаки, которые определяют написание в реальных текстах.

Для получения сколь-нибудь достоверной оценки практики письма мы выбрали массив текстов НКРЯ и массив текстов, размещенных на сайте “Google КНИГИ”. В текстах НКРЯ краткие формы отглагольных прилагательных представлены столь малым числом, что статистически обоснованные выводы на основании их анализа делать нельзя. Гугл-книги предоставляют больший материал, но приходится проводить “ручную” корректировку данных поисковой программы ресурса, в результате мы не можем предоставить точных цифр, но можем определить соотношение встречаемости вариантов написания: “значительно преобладает, т.е. в десятки раз больше”, “преобладает, т.е. в разы больше”, “приблизительно равночастотны” и крайние случаи нулевой встречаемости. Если и так не удастся определить количество неприсущих форм с одной буквой *н*, то задаются контрольные контексты, например *более организованна* и *более организованы*, и на основании этого сравнения делается вывод о предпочтении того или иного варианта. Кроме того, не учитывались краткие формы среднего рода, так как их количество настолько незначительно по сравнению с числом наречий-омографов (*выступление организованно* — *выступление прошло организованно*), что их довольно сложно выбрать из общего множества. Выборочно проводилась оценка употребимости той или иной формы по Яндекс-новости и другим корпусам, но так как результаты оценки незначительно отличались от полученных ранее, то полная перепроверка не делалась.

Написание кратких форм отглагольных прилагательных и причастий на *-нный*: словарная кодификация и практика письма

Обращение к академическому орфографическому словарю (РОС 2012) показало, что кратких форм отглагольных прилагательных на *-анна* (*-янна*), *-енна* (*-ённа*) не так много — 222⁵.

⁵ Всего слов с формами на *-анна*, *-янна*, *-енна*, *-ённа* в РОС около 550, но в их число входят отыменные (*бессмысленный*, *-лен*, *-ленна*), в том числе с суффиксом *ированн-ый* (*эрудированный*, *экзальтированный*), отглагольные с формами на *-нен*, *-нна* (*желанный*; кр. ф. *-áнен*, *-áнна*, *совершенный*; кр. ф. *-éнен*, *-éнна*; *жеманный*; кр. ф. *-áнен*, *-áнна*, *неприкосновенный*; кр. ф. *-éнен*, *-éнна*, *несравненный*; кр. ф. *-éнен*, *-éнна*), а также производные от прилагательных с формами на *-нна* (*-о*, *-ы*) (*сверхизысканны*), с приставкой *не-* *неосмысленны*, *неограниченны*) и сложные слова, написание которых определяется в словарном порядке, как это отмечено в [23]. При этом отглагольных форм на *-ана* (*-яна*), *-ена*, при которых нет пометы *прич.*, около 8 000, хотя среди них много таких, которые могут быть только причастиями (*задуманный*, *-ана*, *поздравленный*, *-ена*).

Множество атрибутивов (причастий и прилагательных) на *-нный* можно разбить на три группы:

I. атрибутивы с краткими формами на *-ён, -ённа* (*ожесточённый*, кр. ф. прил. *-ён, -ённа*) и с другими ударными гласными суффикса в кратких формах;

II. атрибутивы, краткие формы которых соотносимы по значению и сочетаемости с производящим переходным глаголом (или частично соотносимы), напр.: *аргументированны*, *заслуженны*, *избалованны*, *потрепанны* — *забалованы*, *истрепаны*, *измучены*, *заболочены*, *рассредоточены*;

III. атрибутивы, краткие формы которых не соотносимы по значению или сочетаемости с переходным глаголом, напр.: *взвешенны*, *возвышенны* (слова), *изысканны* (манеры) — *востребованы* (специалисты), *заплаканы*, *зарёваны* (лица, глаза), *подержаны* “не новые”, *помешана* “помешалась”, *парализована*. В том числе прилагательные(!), краткие формы которых пишутся двояко: с *n* и с *nn* — в зависимости от значения или модели управления, напр. *растеряны* (“растерявшиеся”) и *растерянны* (“выражающие растерянность”, например, лица).

Соотносимость означает полное или частичное совпадение значения и сочетаемости прилагательного в краткой форме и глагола (кроме необходимых при пассивизации изменений), например: а) полная соотносимость: атрибутив *гипертрофирован(н)ы* соотносится с глаголом *гипертрофировать* (“чрезмерно увеличить что-л.”) и по значению, и по сочетаемости; б) частичная соотносимость: ср. возможно *истаскать цитату* и *цитата истасканна*, но невозможно **истаскать лицо*, хотя возможно *лицо истасканно*.

Слово *изысканны* (*манеры, напитки...*) не имеет общих с глаголом сочетаемостей (**изыскать манеры, напитки*) — такие слова считаются не соотносимыми с переходным глаголом и, соответственно, с причастием.

Приведем еще примеры:

— соотносимые или частично соотносимые:

аргументировать может употребляться с дополнением (*аргументировать чем*) и без него (*основательно аргументировать*), а краткие формы прилагательного *аргументирован, -анна, -анна* не могут иметь дополнение, т.е. это частичная соотносимость.

вымучить (*признание, мысль, улыбку*) — *вымученны* (**признания, мысль, улыбка*) — *вымучены* (*признания*);

обоснованный (что чем, что как; *выводы, подозрения, страхи*) — *обоснованны* (**чем; как: выводы, подозрения, страхи*)

— не соотносимые:

возвысить (кого, что: *тон, *чувства*) — *возвышенны чувства* (**кто*) — *возвышены* (кто);

выдержать (кого, что: *осаду, характер, вино*) — *выдержанны* (о ком-то “хладнокровный”);

затормозить (**кого, что: процесс, *Машу*) — *заторможены* (о ком-то);

квалифицировать (кого-что как что) — *квалифицированы* (о ком-то **как*);

направить (кого-что, куда) — *направленны* (**куда*);

образовать (что, **кого*) — *образованны* (о ком-то);

преувеличить (*размеры..., слухи, похвалы*) — *преувеличенны* (*слухи, похвалы, *размеры*) — *преувеличены* (*размеры..., *слухи, *похвалы...*).

I. Отглагольные атрибутивные формы с ударным суффиксом

Написание *n* или *nn* в кратких отглагольных атрибутивах (прилагательных или причастиях) с ударным суффиксом подчиняется простому правилу.

П р а в и л о .

Отглагольные атрибутивы (причастия или прилагательные) на *-ённый* (*e#нный, a#нный, я#нный*) в кратких формах пишутся:

а) с *n*, если в кратких формах ударение падает на суффикс только в мужском роде, а в других формах перемещается на корень или окончание (*влюблён* — *влюблены* (люди), *измождён* — *измождена*, *истощён* — *истощена*, *обострён* — *обострена*, *-ы, переутомлён* — *переутомлена*, *польщён* — *польщена*, *раздражён* — *раздражена*, *сложён* — *сложена*).

б) с *nn*, если ударение падает на суфф. во всех кратких формах (*влюблён* — *влюблённы* (взгляды), *закруглён* — *закруглённы* (фразы), *раздражён* — *раздражённы* (голоса), *целеустремлённы*, *утончённы*, *затаённы* (эмоции), *согбён* — *согбённа*, *осиян* — *осиянна*),

Исключения: *обуя#на, закла#на, тяжа#на, насторожённый* и *настороженный*; кр. ф. *-ён, -ённа* и *-ожен, -оженна* (лица, взгляды).

П р и м е р ы .

Атрибутивы с краткими формами на *-ён, -ённа*:

непринуждён, -ённа: *Позы людей более разнообразны и непринуждённы; Стихи местами хороши, непринуждённы; Будьте с детьми более непринуждённы; Все были непринуждённы и сердечны.*

Аналогично: затаён, -ённа (мечты), малонаселён, -ённа, непринуждён, -ённа, отвлечён, -ённа, потаён, -ённа, прирождён, -ённа, просветлён, -ённа (музыка), просвещён, -ённа.

Атрибутивы с краткими формами на **-ён, -ена** и **-ён, -ённа**:

закруглён, -ённа и -ена: Улыбка ее как-то уж слишком закруглённа, пуста и безучастна; ...на родной сцены веча я теперь так бы не написал: она слишком закруглённа, в ней уж чересчур много стройности...; — Наружная губа устья тонкая, ломкая, плавно закруглена; Верхняя часть листочка закруглена, а нижняя в профиле сужается почти вдвое;

извращён, -ённа и -ена: Бездуховная страсть чувственна и извращенна. Кроме того, плата за помощь ужасна и извращенна с точки зрения людей, А теперь душа измята, извращённа и пуста. — Соответственно в акинетической фазе двигательная активность лишь уменьшена, но не извращена. Реакция на афферентные раздражители в половине случаев отсутствует или извращена. Он говорит, что я — извращена, женщина — извращена...

ожесточён, -ённа и -ена: Иногда бои бывают весьма ожесточённы, дебаты были горячи ожесточённы; Мы завистливы, ожесточённы. — Люди озлоблены и ожесточены, Лица их были суровы и ожесточены;

оживлён, -ённа и -ена: ...беседа была очень оживлённа и интересна; Государыня была в тот день менее задумчива и более оживлённа, чем за последнее время. — В тот вечер, когда я ее видел накануне отъезда, она была очень оживлена.

приглушён, -ённа и -ена: Тоны сердца приглушённо, аритмичные; Она под стать среднерусской природе — цвета ее приглушённо, незатейлив и сдержан текстурный рисунок. — Тоны сердца приглушены, тахикардия; Цветовая гамма произведений сороковых годов приглушена.

Аналогично: возбуждён, -ена (она) и -ённа (улыбка), истощён, -ена и -ённа, напряжён, -ена и -ённа, раздражён, -ена(она) и -ённа (улыбка), разъярён, -ена (она) и -ённа (речь), смущён, -ена (она) и -ённа (улыбка), удручён, -ена (она) и -ённа (улыбка).

Атрибутивы с краткими формами на **-ен(ен), -енна, -ан(ен), -анна, -ян(ен), -янна**: блажённый, -ён и -ённен, -ённа; благословённый, -вён и -вёнен, -вённа; желанный, -анен, -анна.

Атрибутивы с краткими формами на **-ён, -ена** (в РОС таких слов 1578):

сложён, -енá (о человеке): Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине, — шептал я, — да; и она ему не сестра...

воспалён, -енá: Кожа на этом месте утолщена и воспалена, веки все время воспалены; Если аденоиды воспалены и увеличены, блокируется носовое дыхание; Ушел длинноногий мальчик с сияющими глазами; сейчас глаза невеселы и вечно воспалены.

заклочён, -енá: Мне вдруг стало страшно и жалко терять подробности, в которых и заклочена живость воспоминаний; Тут святость самого дела — Великой фальсификации, грандиозная цель которой заклочена в ней самой: обмануть всех!

перенаселён, -ена: И так планета перенаселена.

Аналогично: видоизменён, -енá, впечатлён, -енá, заведён, -енá, загромождён, -енá, загрязнён, -енá, задернён, -енá, задымлён, -енá, затруднён, -енá, захламлён, -енá, наострён, -енá, накалён, -енá, насторожён, -ена, обозлён, -енá, огорчён, -енá, омрачён, -енá, переутомлён, -енá, развращён, -енá, разморён, -енá, раскрепощён, -енá, расфранчён, -енá, сопряжён, -енá, убеждён, -енá, убелён, -енá.

Таким образом, данное правило определяет написание прилагательных как с *н* (видоизменена, влюблена, польщена, сложена, обострена), так и с *ни* (непревзойдённа), т.е. грамматическая категория не является действующим критерием выбора написания. Для определения написания слов этой группы не надо ни определять грамматическую категорию, ни искать разницу в значениях или модели управления глагола, причастия и прилагательного, достаточно знать их акцентуацию.

Поскольку выделенные выше группы основываются на разных критериях (соотношение с глаголом и ударение), то они пересекаются. Так, одни слова на *-ён, -ённа, -ён, -ена* соотносятся с живым переходным глаголом и соответственно с причастием (закалённо, закруглённо, приглушённо), другие — не соотносятся (изошрённо, иступлённо), третьи — в зависимости от значения (влюблённый, *кр. ф. прил.* -ён, -ена и (выражающий влюбленность) -ён, -ённа (её взгляды влюблённо). Для того, чтобы не привлекать дважды один и тот же материал, слова, написание *ни* в которых однозначно определяется признаком ударения, ниже рассматриваться не будут.

II. Краткие формы отглагольных атрибутивов на **-нный** с безударным суффиксом, **соотносимых с переходным глаголом**

Сравним, какие же прилагательные, соотносимые по значению и сочетаемости с производящим

переходным глаголом (и, соответственно, с причастием), рекомендуются словарями в кратких формах с *нн*, а какие – с *н*. Существует ли дифференцирующий признак, позволяющий однозначно выбрать рекомендуемое словарем написание? Проанализируем практику письма: в каких случаях она совпадает со словарной кодификацией, а в каких противоречит ей.

Словарные данные

Ниже приведены материалы РОС. В первом столбце приведены все прилагательные, данные в РОС с написанием *нн* в кратких формах, соотносимые по значению и сочетаемости с причастием или с производящим переходным глаголом. Во втором столбце приведены только примеры атрибутивов, данных в РОС с одной буквой *н* в кратких формах, также соотносимых по значению и сочетаемости с производящим переходным глаголом. Для слов первой колонки отмечается и написание этих форм в словаре Д.Н. Ушакова⁶. Для слов второй колонки отмечаются отличающиеся рекомендации в Словаре трудностей Н.А. Еськовой (Еськ) и Орфографическом словаре русского языка 2020 (ОСРЯ).

Между словами этих двух колонок нет категориальной грамматической разницы: полные формы слов из обеих колонок могут выступать в одних контекстах как причастия, а в других – как прилагательные. Почему же тогда РОС и другие словари рекомендуют по-разному писать краткие формы причастий и прилагательных для одних слов (*затасканы* прич. и *затасканны* прил., *затрёпаны* прич. и *затрёпанны* прил., *истрепаны* прич. и *истрепанны* прил.), но одинаково – для других (*заношены*, *заяпаны*, *замараны*, *замаслены*, *замусолены*, *изношены*)? Что заставляет авторов словарей по-разному кодифицировать краткие формы прилагательных

избалованны – *забалованы*, *разбалованы*,
изнеженны – *разнежены*,
согласованны – *рассогласованы* (движения, действия),
истёрханны, *затёрханны* – *обтёрханы*?

Почему расходятся словари в определении написания слов *замотан(н)ы*, *задёрган(н)ы*, *истрепан(н)ы*, *изношен(н)ы*, чем они отличаются от других слов, которые ОС и ОСРЯ оставляют с написанием одной буквы *н* в кратких формах?

НН	Н
аргументированны (убедительный)	атрофированы
аффектированы ^{У полн}	взвинчены (<i>люди, нервы</i>)
воспитанны (обнаруживающий результаты хорошего воспитания) ^{У нн}	вдавлены (<i>ребра, глаза</i>)
вымученны (неестественный, нетворческий: <i>остроты, улыбка</i>) ^{У полн} (как измученны ; но ср.: замучены , умучены)	взломачена (<i>она, голова</i>), растрепана...
гипертрофированны ^{У полн} (ср. атрофированы)	выветрены , выкрошены (<i>породы</i>)
дисциплинированы (привыкший к дисциплине) ^{У н}	выпучены , выпячены (<i>глаза</i>),
законченны (обладающий полнотой, целостностью) ^{У полн}	дифференцированы
запутанны (сложный, неясный) ^{У полн}	забалована (ср. избалованна , набалована , разбалована)
заслуженны (достигнутый трудом, заслугами; справедливы) ^{У полн}	заболочены (<i>леса</i>)
затасканны (заношенный, ветхий; избитый: <i>цитаты</i>) ^{У прич}	заброшены (<i>поля</i>) ^{ннЕськ}
затёрханны , истёрханны (ср. обтёрханы)	завышены (<i>требования</i>)
затрёпанны (затасканный, избитый, потерявший новизну)	запущены (<i>сады</i>) ^{ннЕськ}
избалованны (ср. забалованы , на- , раз-) ^{У полн}	заверчены (<i>люди</i>)
изнеженны (чувствительный к лишениям) ^{У полн} (ср. разнежены)	загазованы
истасканны (опошленный; со следами беспорядочной жизни: <i>фразы; лицо</i>) ^{У полн}	загвазданы
	задёрганы ^{ннЕськ, ОСРЯ}
	задрипаны
	заизвесткованы
	заилены
	закислены
	закручены

⁶ Помета ^{У нн} дается при словах, отмеченных в словаре Д.Н. Ушакова с *нн* в кратких формах, помета ^{У полн} соответствует помете “только полн. формы”, помета ^{У н} означает, что в словаре дается общая парадигма для причастия и прилагательного, помета ^{У прич} означает, что в словаре отмечены только причастия.

<p>истрёпанны (со следами долгого или небрежного пользования, тяжелой или беспорядочной жизни) ^Уполн (ср. <i>заношены...</i>)</p> <p>концентрированы (сосредоточенный; насыщенный, богатый содержанием)</p> <p>мотивированы (содержащий убедительную мотивировку: <i>претензии</i>) ^Уполн</p> <p>обдуманно (<i>возражения</i>) ^Унн (как <i>продуманны</i>)</p> <p>обеспеченны (*чем) ^Уполн</p> <p>оборваны (в рваной одежде: <i>дети</i>) ^Ун (ср. <i>обтрёпаны</i>)</p> <p>обоснованы (*чем, имеющий основания; убедительный: <i>тревога, выводы</i>) ^Унн о мнении</p> <p>обстрелянны (привыкший к боевой обстановке) ^Уполн</p> <p>озлобленны⁷ (выражающий злобу, ожесточение: <i>она была угрюма и озлобленна; голоса их озлобленны</i>) ^Унн</p> <p>организованы (отличающийся самодисциплиной) ^Унн</p> <p>осмысленны (разумный: <i>действия</i>) ^Унн</p> <p>осознаны (разумный: <i>действия</i>) ^Уприч</p> <p>отточенны (<i>мастерство, жесты</i>) ^Уприч (ср. <i>отрепетированы, отшлифованы</i>)</p> <p>потасканны ^Уполн (ср. <i>поистасканы</i>)</p> <p>потрёпанны (утративший свежесть, изнуренный) ^Уполн</p> <p>приглаженны (слишком правильный, гладкий: <i>речь</i>) ^Уприч</p> <p>приниженны (<i>положение в доме</i>) ^Уполн</p> <p>продуманны (<i>ответы</i>) ^Уполн</p> <p>размеренны (<i>дни, жизнь</i>) ^Уснна</p> <p>разрозненны (не едины) ^Уполн (ср. <i>разобщены</i>)</p> <p>распушенны (недисциплинированный; безнравственный) ^Унн</p> <p>согласованы (обнаруживающий взаимное согласие, единство: <i>действия</i>) ^Уполн (ср. <i>рассогласованы</i>)</p> <p>спаянны (единый, дружный) ^Ун</p> <p>тренированы (хорошо развитый систематической тренировкой) ^Ун (ср. <i>растренированы, а-, де-, на-, пере-</i>)</p> <p>униженны (терпящий унижения, оскорбления; выражающий унижение, свидетельствующий об унижении: <i>они бедны и униженны, но горды; его поклоны и просьбы униженны</i>) ^Уполн</p> <p>упорядоченны (<i>жизнь</i>) ^Уприч</p> <p>утрированы (обнаруживающий утрировку: <i>манера игры</i>) ^Унн</p>	<p>закустарены</p> <p>залапаны</p> <p>заляпаны</p> <p>замараны</p> <p>замаслены</p> <p>замордованы</p> <p>замотаны ^{нн} ОСРЯ, Еськ</p> <p>измотана ^{нн} ОСРЯ</p> <p>измочалены</p> <p>исчерпаны</p> <p>замуслены</p> <p>замусолены</p> <p>замучены</p> <p>заношены</p> <p>запачканы</p> <p>запылены</p> <p>заставлены</p> <p>застираны “частично постираны и повреждены от стирок”</p> <p>затеряна</p> <p>затоптаны</p> <p>затравлены ^{нн} ОСРЯ</p> <p>затуркана</p> <p>заучены (жесты) ^{нн} Еськ</p> <p>зачуханы</p> <p>зашиблены</p> <p>издырявлены</p> <p>измочалены</p> <p>изношены ^{нн} ОСРЯ</p> <p>изрезаны ^{нн} ОСРЯ</p> <p>истерзаны ^{нн} ОСРЯ</p> <p>координированы ^{нн} ОСРЯ</p> <p>массированы ^{нн} ОСРЯ (<i>удары, войска</i>)</p> <p>ориентированы ^{нн} ОСРЯ</p> <p>оттопырены (<i>уши</i>)</p> <p>перекошены “искривлены”</p> <p>приспособлены к</p> <p>подкована “грамотна”</p> <p>причёсаны ^{нн} ОСРЯ</p> <p>пришиблены ^{нн} ОСРЯ</p> <p>прокрашена</p> <p>просрочена</p> <p>простужена</p> <p>противонаправлены</p> <p>прочувствованы ^{нн} ОСР Еськ</p> <p>разнежены ^{нн} ОСРЯ</p> <p>разработаны ^{нн} ОСРЯ</p>
---	---

⁷ Прилагательные *озлобленный* и *разочарованный*, согласно словарю, сочетаются и с субъектом (*она была озлобленна, разочарованна*), и с неодушевленными объектами, посредством которых проявляется эмоциональное состояние субъекта (*лица, голоса озлобленны, разочарованны*), глаголы *озлобить(ся)*, *разочаровать(ся)* сочетаются только с субъектом. Другие прилагательные, выражающие эмоциональное состояние субъекта посредством объекта, напр., (*лица*) *взволнованны, опечаленны...*, не сочетаются с субъектом (*она взволнована...*, но не **она взволнованна*), а глаголы сочетаются только с субъектом. Поэтому только слова *озлобленный* и *разочарованный* включены в эту группу, остальные отнесены ко группе не соотносимых с переходным глаголом.

	<p>раздроблены разлажено разрежено разобщены расположены (где; к кому) расслаблены ^{нн} ОСРЯ рассогласованы растопырены расфуфырена рафинированы ^{нн} Еськ сплющены, приплющены трудоустроены укорочены (уши) утеряны слова на ён, ена заведён, ена, польщён, ена и др.</p>
--	---

Другие проанализированные словари⁸ расширяют круг написаний с *нн*, при этом все равно остается большинство отглагольных прилагательных с одной буквой *н* в кратких формах. Приведем сравнение сразу по двум группам слов (соотносимым и не соотносимым с переходным глаголом), как они кодифицированы в выбранных словарях. Был проанализирован материал на букву *З*: в РОС дано 10 слов на *-анна*, *-енна*⁹ и 200 на *-ана*, *-ена*, в других словарях написание 31 слова варьируется по словарям с *н* или с *нн*¹⁰, для 80 слов-прилагательных¹¹ все словари дают написание кратких форм только с одной буквой *н*.

Сравнение значений слов, краткие формы которых даются хоть в одном словаре с *нн*, со словами,

⁸ см. Литературу.

⁹ Это слова: законченный, ен, енна, замедленный, заслуженный, заторможенный, заинтересованный, запутанный, заспанный, затасканный, затёрханный, затрёпанный.

¹⁰ Это слова: заброшен(н)ы, заветрена(н)ы, загнан(н)ы, загружен(н)ы, задан(а)ы, задерган(н)ы, заезжен(н)ы, зазубрен(н)ы, заигран(н)ы, заимствован(н)ы, заколдован(н)ы, замотан(н)ы, заношен(н)ы, заострен(н)ы, запуган(н)ы, запущен(н)ы, заржавлен(н)ы, засален(н)ы, заселён(н)ы, застиран(н)ы, затерян(н)ы, затравлен(н)ы, затруднен(н)ы, заучен(н)ы, захватан(н)ы, зачарован(н)ы, зашарпан(н)ы, заштопан(н)ы.

¹¹ Например: забалованы, заболочена, забюрократизированы, завшивлены, загажены, загазованы, загримированы, загромождены, загрязнены, задавлены, загущены, задействованы, задымлены, зажмурены, заинтригованы, заизвесткованы, заилены, закомплексованы, закручены, закупорены, закустарены, закутаны, залапаны, залатаны, зализаны (волосы, предметы искусства), заложены (уши), замараны, замаскированы, замаслены, заморожены, замотаны, замучены, замусорены, замутнены, замучена, замызганы, занижены, занюханы, запылены, запачканы, запаяны, запятнаны, зареваны, зарумянены, засахарены, заснежены, засорены, засолены, застужены, засушены, затоплены, затуманены, затурканы, затюканы, заутюжены, зачумлены, зацентрализованы, зачитаны, зашарканы, зачуханы, зашиблены, зашлакованы, зашнурованы, зашорены.

краткие формы которых словари дают с одиночным *н*, показало, что нет ясного семантического критерия, которым руководствуются составители словарей при выборе той или иной рекомендации. Так, некоторые слова, принадлежащие одной и той же семантической группе, пишутся с одной *н*, а другие – с *нн*. Например,

а) слова со значением “ставшие почти нефункциональными в результате...” по отношению к одушевленным объектам хоть в одном из проанализированных словарей пишутся: с *нн*: *загнанны*, *загруженны*, *задерганны*, *заезженны*, *заморённы*, *замотанны*, *запуган(н)ы*, *затравленны*,

пишутся только с *н*: *заверчены*, *задавлены*, *закручены*, *замордованы*, *замучены*, *затурканы*, *зачумлены*, *зачуханы*, *зашиблены*,

б) аналогично пишутся слова с близким значением, но по отношению к неодушевленным предметам:

с *нн*: *заброшенны* (дома), *замызганны*, *заношенны* (вещи), *запущенны* (земли), *заржавленны*, *засаленны* (вещи), *застиранны* (вещи), *затрепанны* (вещи), *захватанны* (вещи, зеркала), *зашарпанны*,

с *н*: *завожены* (“испачкана”), *загажены*, *загазованы*, *загвазданы*, *загрязнены*, *задымлены*, *залапаны*, *заляпаны*, *замараны*, *замаслены*, *замуслены*, *замусорены*, *запылены*, *запачканы*, *затоптаны*, *заболочены*, *загромождены*, *заставлены*, *задернены*, *заилены*, *закустарены*, *заизвесткованы*, *закислены*,

в) слова со значениями “испытывающий какую-либо эмоцию”, “выражающий какое-либо состояние, эмоцию; выглядящий каким-либо образом” также пишутся и с *нн* (она *озлобленна*, лица *заинтересованны*), и с *н* (она *взволнована*, лица *заинтригованы*).

Таким образом, сравнение данных разных словарей показало, что не просматривается категориальное различие, отражаемое на письме

в выборе написания с одной буквой *n* или буквосочетанием *nn*, что количество кратких форм отглагольных прилагательных с одной буквой *n* значительно превосходит число прилагательных с *nn* в кратких формах, хотя разные словари и до-бавляют написаний *nn* для тех или иных слов.

Практика письма

Проведенный анализ материалов текстовых ресурсов НКРЯ и Гугл-книги выявил, что кодификация в РОС написаний с одной *n* полностью соответствует практике письма, а кодификация написаний с *nn* часто не соответствует реальному письму. Можно выделить три зоны степени соответствия реального письма словарю:

недостаточно скромно [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].

законченна, -ы (НКРЯ: 10 примеров в значении “обладающий полнотой, целостностью”, Гугл-книги: много) — **закончена, -ы** (НКРЯ: нет в схожих контекстах)

Она была действительно очень красива, геометрически совершенно законченна и не похожа ни на одну другую гору [Константин Симонов. Япония. 46 (1946–1976)]. *Беглые наброски удивительно законченны в том отношении, что в них всегда ясно выявлено главное. Она (концепция) неудобна, но она законченна логически.*

значительно преобладает написание кратких форм с <i>nn</i> (“зеленая зона”)	вариативная зона	значительно преобладают написания с <i>n</i> (“красная зона”)
<i>воспитанный</i> <i>законченный</i> <i>оборванный</i> <i>организованный</i> <i>осмысленный</i> <i>распущенный</i>	<i>запутанный</i> <i>заслуженный</i> <i>избалованный</i> <i>обоснованный</i> <i>изнеженный</i> <i>обдуманый</i> <i>обеспеченный (без доп.)</i> <i>озлобленный</i> <i>осознанный</i> <i>отточенный</i> <i>приниженный</i> <i>продуманный</i> <i>согласованный</i> <i>размеренный</i> <i>разрозненный</i> <i>униженный</i> <i>упорядоченный</i>	<i>аргументированный</i> <i>аффектированный</i> <i>вымученный</i> <i>гипертрофированный</i> <i>дисциплинированный</i> <i>затасканный</i> <i>затёрханный, истёрханный</i> <i>затрёпанный, истасканный</i> <i>истрёпанный, потрёпанный</i> <i>концентрированный</i> <i>мотивированный</i> <i>обстрелянный</i> <i>потасканный</i> <i>приглаженный</i> <i>спаянный</i> <i>тренированный</i> <i>утрированный</i>

Приведем несколько примеров¹² кратких форм на *-нна (-ы)* из каждой зоны.

1) “Зеленая зона”

воспитанна, -ы (НКРЯ: 18 примеров в значении “обнаруживающий результаты хорошего воспитания”) — **воспитана, -ы** (много примеров, в основном с наречиями *хорошо, плохо, по-старинному, иначе, в вере, в духе, на чем*)

Она была слишком умна, слишком воспитанна, чтобы воспринимать все это всерьез [“Известия”, 2002.01.28]. — *По мнению Риты, она плохо воспитана и, когда приходит к нам в дом, ведёт себя*

организованна, -ы (НКРЯ: 11 “отличающийся собранностью, самодисциплиной” + 4 с доп. *кем-то*; Гугл-книги: **nn 8000**) — **организована, -ы** (НКРЯ: 4 примера в схожих контекстах, много в знач. “устроенный” *система склонения, клетка*).

Женщины удивительно организованны, обладают способностью четко вести дела [“Работница”, 1988]. *Мы нередко устаем не потому, что не в меру загружены, а по той простой причине, что недостаточно организованны. А если эти люди к тому же воодушевлены идеей, если они организованны, умны, бесстрашны, они могут поставить себя над человечеством* [Дмитрий Биленкин. Космический бог (1967)]. (Ср. написания с одной *n*: *Ибо масса организована совершенно иначе, нежели толпа зевак, собравшихся вокруг публичного зрелища* [И.М. Чубаров. Коллективная чувственность... (2014)].)

¹² В примерах из НКРЯ дается сокращенная ссылка на источник, примеры из Гугл-книг даются без ссылок.

осмысленна, -ы (НКРЯ: 63 “имеющий смысл, целесообразный”, Гугл-книги: 4.500) — **осмыслена, -ы** (НКРЯ: 4 в схожих контекстах) Гугл-книги: “вполне осмысле?а(ы)”: **нн 170 — н 70**.

Тематический класс и категория — это глобальные параметры: они осмысленны практически для всех глаголов [Е.В. Падучева. 2004]. *Жизнь моя была всегда интересна, осмысленна и полна событий* [Г.С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1941 (1941)]. *Тавтология и противоречие бессмысленны и в то же время осмысленны* [С.С. Неретина, А.П. Огурцов. Пути к универсалиям. (2006)].

2) Вариативная зона

заслуженна, -ы (НКРЯ: 13) — **заслужена, -ы** (НКРЯ: больше в схожих контекстах). Гугл-книги: “победа заслуже?а”: **нн 4 — н 4**, “упрёки заслуже?ы”: **нн 6 — н 4**.

“Газель” не так заслуженна, но тоже экспортировалась [“Однако”, 2009] — Иногда его ирония вполне заслужена [Рой Медведев. Второй том книги А.И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ” (1974)]; *В наших глазах, честное слово, она не была вполне заслужена. Слава их заслужена, значение их огромно.*

Есть минимальные контексты: *победа заслуженна (заслуженная) — победа заслужена.*

обоснованна, -ы (НКРЯ: 109: *опасения, предчувствия, подозрения, ощущения, ревность, волнение, чувство вины*) — **обоснована, -ы** (НКРЯ: 37 *подозрения, опасения, прогнозы*). Гугл-книги: “опасения обоснова?ы”: **нн 105 — н 46**, “выводы обоснова?ы”: **нн 99 — н 275**.

Устойчивость написания для разных значений этого слова разная. Формы с *нн* более устойчиво пишутся в значении “имеющий основания, объяснимый” при существительных, выражающих чувства, эмоции: *опасения, предчувствия, подозрения, ощущения, ревность, волнение, чувство вины...*, напр.:

Опасения обоснованны, но “конец света” явно не состоится [“Наука и жизнь”, 2009]. *Если его предчувствия, возникшие в воскресенье на мосту, обоснованны, то отец будет в лагере врагов. Обоснованны ли сомнения нотариуса? Мотивация поставщиков ресурсов повышать собираемость экономически обоснованна* [“Эксперт”, 2015]. (Хотя встречается и другое написание, напр.: *Их мрачные прогнозы в какой-то степени обоснованы — большинству ТСЖ дома передаются в управление без проведения капитального ремонта* [“Бизнес-журнал”, 2004.02.13]).

Если же речь идет о чем-то, что может быть доказано, основано на аргументах, то написание более неустойчиво, напр.:

Многие их выводы обоснованы, убедительны и представляют общий интерес. Поэтому интересно сравнить, насколько эти выводы обоснованы с точки зрения других дисциплин.

При словах *претензии, мотивации* разное написание может быть единственным средством показать смысловую разницу, но тем не менее пишущие часто не используют это средство, ср.

Лакофф и Джонсон утверждают, что мы думаем и живем по ими сформулированным правилам. Эта претензия не обоснована [Е.В. Падучева. 2003].

обдуманна, -ы (НКРЯ: 11) — **обдумана, -ы** (НКРЯ: более 50 в схожих контекстах). Гугл-книги: “хорошо обдума?ы”: **нн 15 — н 180**, “более обдума?ы”: **нн 10 — н 5**, “плохо обдума?ы”: **нн 0 — н 17**.

На деле же она всегда обдуманна и в нашей традиции ближе к стилю и манере речи людей образованных [Р.М. Фрумкина. Психолингвистика (2001)]. *Постановка Д.П. Любимова, как я уже и говорил, свежа и очень обдуманна* [М.А. Кузмин. “Адвокат Пателен” (1922)]. — *Ваше сочинение вполне удовлетворительно: тема обдумана, изложение ясное, точное* [В.С. Новицкая. Безмятежные годы (1912)].

продуманна, -ы (НКРЯ: 13) — **продумана, -ы** (НКРЯ: много в схожих контекстах). Гугл-книги: “более продума?а,-ы”: **нн 230 — н 309**, “очень продума?а, -ы”: **нн 97 — н 288**.

Столь же ясно продуманны, округлы и театральны эффектны были жесты показного уклонения Аракчеева от царской милости [Архангельский. Александр I (2000)]. *Их ответы продуманны и содержательны*. [“Северный колхозник”, 1959.01.06]. — “Шпионы” вечно таятся, лица каменные, в глазах испуг, каждое слово, каждый жест продуманы и осторожны [Евгений Лукин. Клопики (2013)]. *Ваша речь очень продумана, вы очень много размышляли о том, что произошло* [“Вопросы психологии”, 2004.08.10].

3) “Красная зона”

В Гугл-книгах *затрёпанна, -ы — 0, истрёпанна, -ы, затёрпанна, -ы — 0, приглаженна, -ы — 1, обстрелянна — 1, истасканна, -ы — 8, истрёпанна, -ы — 7, вымученна, -ы — 15, затасканна, -ы — 20, спаянна, -ы — 35*

аргументированна, -ы (НКРЯ: 1, Гугл-книги 1000) — **аргументирована, -ы** (НКРЯ: 2 “доказательный, убедительный”, Гугл-книги **н 18 000**).

Гугл-книги “более аргументирова?а, -ы”: **nn 18 — n 121**.

Возможны изменения, если они аргументированы и плодотворны [“Культура”, 2002.04.01]. — *Масса новых версий, взглядов, точек зрения; одни интересны и аргументированы, другие наивны и смешны. Всё это даёт возможность читателю выбрать те оценки Корейской войны, которые, на взгляд читателя, более аргументированы и доказательны* [Война в Корее 1950-1953 гг. // “Проблемы Дальнего Востока”, 2002.12.30].

дисциплинированна, -ы (НКРЯ: 0, Гугл-книги: 760) — **дисциплинирована, -ы** (НКРЯ: 24, Гугл-книги: 10.000)

Дети так дисциплинированы, что старшие из них заменяют руководителя во время их отсутствия. — *На уроках дисциплинированы, но быстро утомляются, становятся вялыми.*

утрирована, -ы (НКРЯ: 1, Гугл-книги: 217) — **утрирована, -ы** (НКРЯ: 13, Гугл-книги: 5000)

Его, сатира тоже сильно утрирована, карикатурна [В.В. Воровский. Леонид Андреев (1910)]. *Чувства Ренэ утрированы* [А.К. Виноградов. История молодого человека (1932)]. *Ситуация утрирована и служит только для демонстрации метода* [Социальные науки в постсоветской России 2005]. *Фильм начинается с выборов первой красавицы го-рода. Суতোлка процедуры немного утриованна: веселятся больше, чем на самом деле* [Соловьева 1961].

Чем можно объяснить такое расхождение узуса и словарных рекомендаций?

Н.Д. Голев, отмечая это несоответствие, писал: “Вопрос в другом — в обосновании коммуникативной необходимости самой дифференциации такого рода смысловых оттенков и тех усилий, которых она требует. В этом аспекте незамечание требуемых различий в написании вполне можно трактовать не как проявление неграмотности, а как показатель коммуникативной нерелевантности тех смыслов, которые такого рода написания различают” [25, с. 39]. Если пишущий не выражает грамматическое противопоставление, то о чем говорит наличие явных предпочтений в написании тех или иных слов?

Проведенный анализ узуса показал, что в практике закрепилось написание *nn* для тех слов, у которых появился заметный сдвиг в значении по сравнению со значением глагола. Написание *nn* является маркером не категориального грамматического различия, а лексического сдвига,

различителем значений омофонов, что более значимо для коммуникации.

Если же значение прилагательного не столь существенно отличается от значения глагольной основы, то написание буквосочетания *nn*, которого требуют правила и словари, не закрепляется в практике письма.

Для слов с существенным сдвигом можно найти минимальные контексты, в которых написание *n* или *nn* является смыслоразличительным:

*пьеса закончена ≠ пьеса законченна,
претензии обоснованы ≠ претензии обоснованны,
женщины удивительно организованы ≠ женщины удивительно организованны,
артисты распушены ≠ артисты распущенны;*

У слов с неустоявшимся написанием либо сочетаемость разная, либо нет важной, значимой разницы в значении, т.е. нет минимальных контекстов, напр.

*действия согласованы с кем-чем — действия согласованны,
шутка вымучена = шутка вымученна,
ситуация запутана = ситуация запутанна,
она изнежена = изнеженна,
она избалована = избалованна,
она озлоблена = озлобленна,
движения отточены = отточенны (отшлифованы),
слова продуманы = продуманны,
коллективы спаяны = спаянны,
факты, исполнение, слова, роль, образы утриованы = утриованны.*

Стремление кодификаторов расширить круг слов с написанием *nn* в кратких формах при несущественном сдвиге значений осложняет использование в письменном тексте метафорического переноса, как например, во фразе: *Этот шар был семейной реликвией, и его хрустальные водоросли были так же запутаны, как и моя родословная* [Евгений Евтушенко. “Волчий паспорт” (1999)] (словарь требует написания *репутация запутанна* при выражении значения “сложный, неясный”). В письменной форме становится излишним уточнение разницы в смысле, которое необходимо при устной передаче, например: *Сверху донизу она вымучена* (по словарю *вымученна*), *и вымучена не в смысле труда, на нее положенного, а в смысле какого-то нудного, рассудочного эпатирования*.

О роли лексикализации в процессе установления написания *nn* в кратких формах писал еще В.В. Виноградов: “Этот процесс окачествления и семантического преобразования причастий был усилен и поддержан влиянием французского языка <...>. Ср., например *конченный человек — l'homme*

гни, потерянное время, рассеянный вид, растерянный вид, сдержанный характер, изысканный вкус” [7, с. 228]. Однако приведенные В.В. Виноградовым примеры относятся не к этой группе слов, соотносимых с переходным глаголом, а к следующей группе прилагательных, не соотносимых с переходным глаголом.

III. Краткие формы отглагольных атрибутивов на *-нный* с безударным суффиксом, не соотносимые с переходным глаголом

Словарные данные

Атрибутивы, которые не соотносятся по значению или сочетаемости с переходным глаголом (возможно, соотносятся с возвратным или устаревшим), можно разбить на три группы: 1) атрибутивы с краткими формами на *-нна (-ы)*, 2) атрибутивы с краткими формами на *-на (-ы)* и 3) атрибутивы с краткими формами и на *-нна (-ы)*, и на *-на (-ы)* в зависимости от значения и модели управления. Первые две группы мы рассмотрим в этом разделе, а слова третьей группы будут рассмотрены отдельно вместе со словами с краткими формами и на *-нна (-ы)*, и на *-на (-ы)*, соотносимыми с переходными глаголами (см. IV).

В таблице ниже даны материалы РОС: в первой колонке приведены все слова РОС с *нн* в кратких формах, которые не соотносятся с переходным глаголом. Пометами отмечено написание слов в словаре Д.Н. Ушакова. Во второй колонке приведены лишь некоторые примеры слов с *н* в кратких формах, которые также не соотносятся с переходным глаголом.

Если в предыдущей группе речь шла о словах, полные формы которых в одних контекстах могут

быть прилагательными, а в других – причастиями, то в эту группу входят бесспорные прилагательные. Однако и в данном случае краткие формы одних прилагательных кодифицируются с *нн*, других (тоже прилагательных) – с *н*. Как и в предыдущей группе, по-разному кодифицируются слова, очень схожие по значению, входящие в одну семантическую группу:

развинченны, разнузданны, раскованны, расхлябанны – распоясаны, растрепаны, расхристаны; лица заспанны – зареваны, заплаканы; дети заторможены – расторможены.

В других словарях, как и для предыдущей группы, круг слов с *нн* в кратких формах расширяется. Так, в “Словаре трудностей” Н.А. Еськовой добавлены слова с *нн* в кратких формах *замотанный (-ан, -анна), незапятнанный, обтрепанный, подавленный, рассчитанный, рафинированный*. В Орфографическом словаре русского языка 2008 г. (ОСРЯ) круг таких слов еще более расширен, добавлены слова: *измотанный (-ан, -анна), испорченный “порочный”, истерзанный, истрепанный, координированный, массируемый, насиженный, необтёсанный, подержанный “не новый”, потерянный, пресыщенный, сдавленный, сморщенный*.

Таким образом, словари и для этой группы на протяжении почти века расширяют круг слов с рекомендованным написанием сочетания *нн* в кратких формах отглагольных прилагательных, но и сегодня остается группа отглагольных прилагательных, либо не соотносящихся с однокоренным переходным глаголом по значению, либо утративших исходный глагол, которые словари рекомендуют писать *н* в кратких формах.

НН	Н
взвешенны (хорошо продуманный: <i>ответ</i>) ^{Ун} возвышенны (полный высокого содержания: <i>слова</i>) воздержанны ^{Унн} восторженны выдержанны ^{Уполн.} замедленны (медленнее: <i>движения</i>) ^{Уполн.} заспанны (<i>лица</i>) ^{Утолько полн.} заторможены (вялый, безучастный) ср. расторможены изысканны ^{Унн} квалифицированы надуманны , ^{Унн} наигранны ^{Унн} направленны (*на), ^{Унн} напыщенны ^{Ун}	востребованы (кто) вспучены (штукатурка) выпялены вымышлены (ср. умышленны) заветрены (заветреть <i>непер.</i> или заветриться), обветрены закальцинированы заплаканы зарёваны зарубцованы (зарубцеваться) зашлакованы (зашлаковаться) испорчены ^{ннОСРЯ} (порочна <i>и от испортиться</i>) насижены незапятнана ^{ннЕськ} необтёсана обтрепана ^{ннЕськ} (<i>кто</i>)

<p>начитанны (она умна и начитанна) ^{У нн} (в чем)</p> <p>невиданны</p> <p>необузданны (несдержанный; безудержный) ^{У нн}</p> <p>неотёсанны (некультурный, невоспитанный) ^{У нн}</p> <p>неслыханны (небывалый, поразительный) ^{У нн}</p> <p>обособленны (*от) ^{У нн}</p> <p>образованны (кто) ^{У нн}</p> <p>отчаянны ^{У нн}</p> <p>подобранны ^{У полн.}</p> <p>преувеличенны (похвалы) ^{У нн}</p> <p>разболтанны (беспорядочный, расхлябанный) ^{Уш н}</p> <p>разбросанны (мысли) ^{Уш ан, а 1. при. 2 прил}</p> <p>развинченны (кто, походка), ^{Уш ен, ена 1. прич. 2. прил}</p> <p>разнузданны (кто) ^{У анна}</p> <p>раскованны (кто) ^{У только полн.}</p> <p>рассеянны (невнимательный) ^{У янна}</p> <p>расхлябанны (невыдержанный, разболтанный; походка, движения)</p> <p>рискованны ^{У нн}</p> <p>сдержанны (кто) ^{У нн}</p> <p>скованны (кто, движения...) ^{У прич.}</p> <p>слаженны (дружны) ^{У н}</p> <p>собранны (подтянутый) ср. прибраны (о человеке) (кто) ^{У прич.}</p> <p>сыгранны (коллективы) ^{У полн}</p> <p>умеренны умеренны в ^{У нн}</p> <p>умышленны ^{У полн}</p> <p>упитанны (упитать устар.) ^{У нн}</p> <p>уравновешенны ^{У нн}</p> <p>ухоженный</p> <p>цивилизованны (такой, как принято у цивилизованных людей) ^{У н}</p>	<p>парализованы (кто)</p> <p>подвержена (чему)</p> <p>подержаны (не новые) ^{нн ОСРЯ}</p> <p>подавлена ^{нн Еськ}</p> <p>положена (премия)</p> <p>поистаскана</p> <p>помешана на (помешаться)</p> <p>поругана (честь)</p> <p>потеряна ^{нн ОСРЯ} (от потеряться “растеряться”)</p> <p>предрасположены (к чему)</p> <p>пресыщена ^{нн ОСРЯ} (пресытиться)</p> <p>прибрана (о человеке)</p> <p>распоясана (распоясаться)</p> <p>расхристана (расхристаться)</p> <p>рассчитана ^{нн Еськ} (на что-то)</p> <p>сдавлены ^{нн ОСРЯ}</p> <p>скучены ^{нн ОСРЯ} (постройки)</p> <p>сморщены ^{нн ОСРЯ} (сморщиться)</p> <p>сморщены ^{нн ОСРЯ}</p> <p>слова на ён, ена, напр. перенаселён, ена, пересечён, ена (местность)</p>
---	--

Практика письма

Все проверенные прилагательные, данные в РОС с одной буквой *н* в кратких формах, преимущественно встречаются с одной буквой *н*. В том числе слова, рекомендованные ОСРЯ или “Словарем трудностей” Н.А. Еськовой в написании с *нн*.

Слова этой группы, данные в РОС с *нн* в кратких формах, по степени устойчивости их написания в узусе также разбиваются на три зоны. Распределение слов по этим зонам отличается от предыдущей группы:

Приведем примеры.

1) “Зеленая зона”

изысканна, -ы (НКРЯ: 69 “утончённа”) – **изыскана, -ы** (НКРЯ: нет в схожих контекстах)

И вовсе не потому, что эти сувениры так уж хороши и непередаваемо изысканны, вовсе нет. Эти цветы так изысканны, что ночь вокруг них тиха:

сама природа очарована их красотой и мягкостью очертаний. [“Лиза”, 2005]

выдержанна₁, -ы (НКРЯ: 6 “уравновешенна”) – **выдержана₁, -ы** (НКРЯ: нет в схожих контекстах). Гугл-книги: *нн* много, примеры с *н* есть, но немногочисленные.

В своей шумной семье, раздираемой страстями и обидами, она всегда спокойна и выдержанна. [“Театральная жизнь”, 2004.06.28] *Движения – еще более выдержанны, размеренны и строги.*

Краткие формы прилагательного **выдержанны₂ в** (стиле, духе, тоне, цвете,), **выдержанный** идеологически и т.п. преимущественно и в НКРЯ, и в Гугл-книгах пишется с одним *н* в кратких формах.

Геологический термин **выдержанный₃**, пишется и с *нн*, и с *н* в кратких формах:

Толици преимущественно однообразных лав обычно более выдержанны, чем толици разнообразных по составу лав. Мощностъ отложений коньякского

написания кр.ф. с <i>нн</i> сильно преобладают (“зеленая зона”)	вариативная зона	написаний кр.ф. с <i>нн</i> мало или нет вообще (“красная зона”)
<p><i>возвышенный</i> <i>восторженный</i> <i>выдержанный</i> <i>изысканный</i> <i>квалифицированный</i> <i>напыщенный</i> <i>невиданный</i> <i>необузданный</i> <i>неслыханный</i> <i>образованный</i> <i>отчаянный</i> <i>подобранный</i> <i>собранный</i> <i>раскованный</i> <i>рассеянный</i> <i>рискованный</i> <i>сдержанный</i> <i>умеренный (умеренный в)</i> <i>умышленный</i></p>	<p>а) <i>нн</i> преобладает: <i>замедленный</i> <i>надуманный</i> <i>начитанный</i> <i>обособленный (*от)</i> <i>разбросанный</i> <i>развинченный</i> <i>разнузданный</i> <i>слаженный</i> <i>уравновешенный</i></p> <p>б) <i>н</i> преобладает: <i>взвешенный</i> <i>воздержанный</i> <i>наигранный</i> <i>направленный (*на)</i> <i>неотесанный</i> <i>преувеличенный</i> <i>расхлябанный</i> <i>скованный</i> <i>упитанный</i> <i>ухожженный</i> <i>цивилизованный</i></p>	<p><i>заспанный</i> <i>заторможенный</i> <i>разболтанный</i></p>

яруса сильно сокращена, они не выдержаны по простиранию.

квалифицированна, -ы (НКРЯ: 8 “имеющий высокую квалификацию”) — **квалифицирована, -ы** (НКРЯ: нет в схожих контекстах)

Итак, лет двадцать назад негры были менее образованны, менее квалифицированы, менее... просвещены [С.А. Дангулов. Колдуэлл (1981)].

2) Вариативная зона

замедленна, -ы (НКРЯ: 22 “медленнее обычного”) — **замедлена, -ы** (НКРЯ: 10 в схожих контекстах). Гугл-книги: “движения замедлен(н)ы”: **нн 212** — **н 112**, “реакция замедлен(н)а”: **нн 10** — **н 41**.

Элегии, приписываемые Солону, напротив, замедлены, рассудочны, однообразны... [О.М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра (1935)]. *Коллега, в моём возрасте все процессы замедлены, ...* [“Новый Мир”, 2000]. *Реакции были чуть замедленны, они старались уловить интонацию и одновременно перевод текста через наушники* [Доронина. Дневник актрисы (1984)]. — *Все его движения были замедлены, голос тихий* [Гиляровский. Психиатрия 1935]. *Физиологические процессы при этом слегка замедлены, сон длится по нескольку суток* [Гиляровский. Психиатрия 1935]. *Жесты и движения в этом театре вески и как будто чуть замедлены, даже когда герои сражаются на копьях* [“Русский репортер”, № 1 (1), 2007].

надуманна, -ы (НКРЯ: 28 “лишенный естественности”: Гугл-книги: 6.000) — **надумана, -ы** (НКРЯ: 17 в том же значении; Гугл-книги 10.000)

Его фантастика не надуманна, а зиждется на научной основе [“Наука и жизнь”, 2009]. — *Поэтому, дорогой брат, если кто будет говорить тебе, что моя проза ...сложна, непонятна, надумана и неопределённа, скажи тому...* [“Стороны света”, 2010]. *Главная причина такого вялого строительства заключалась в том, что слишком надумана была вся затея Царицына* [И.Е. Бондаренко. Архитектор М.Ф. Казаков (1937)].

преувеличенна, -ы (НКРЯ: 9) — **преувеличена, -ы** (НКРЯ более 100 в схожих контекстах)

Слухи об эпидемии вирусов для мобильных телефонов сильно преувеличенны [“Известия”, 2003.02.03]. — *Зависимость экономики России от цен на нефть сильно преувеличена.* [“Время МН”, 2003] *Пророчества... Они всегда туманны и преувеличены* [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)].

3) “Красная зона”

заспанна, -ы (НКРЯ: 1; Гугл-книги: 22) — **заспана, -ы** (НКРЯ: 7; Гугл-книги: более 2 000)

Медузия была заспана, а все ее змеи на голове, не успевшие еще обратиться в волосы, были прочно собраны на затылке в пучок [Дмитрий Емец. Таня

Гроттер и магический контрабас]. *Добрые рыбы глаза его заспаны и ленивы; на слабых губах бродит рассеянная улыбка* [Б.А. Садовской. Петербургская ворожея (1909)].

разболтанна, -ы (НКРЯ: 0; Гугл-книги 60) – **разболтана, -ы** (НКРЯ: 7 “расхлябанный”, Гугл-книги: 452)

И если “корсета” не будет, то не потому, что мы разболтаны, а потому, что в сегодняшнем жизненном материале приходится искать нечто иное, чтобы выразить суть старой пьесы [Анатолий Эфрос. Профессия: режиссер (1975–1987)]. *Вообще состав оставляет желать лучшего – распущены, разболтаны.*

заторможенна, -ы (НКРЯ: 1; Гугл-книги 8) – **заторможена, -ы** (НКРЯ: 30 “вялый”)

Его счастливая находка – речь Карла, она заторможенна, роботоподобна [“Известия”, 2002.02.01]. – *Они вялы и заторможены. Он почти все нормально видел и почти нормально соображал, только движения были заторможены* [А. Макеев, Н. Леонов. Эхо дефолта (2000–2004)].

Таким образом, большинство слов этой группы пишется в соответствии со словарной кодификацией или с незначительной вариативностью. Многие слова имеют омофоны-причастия (*возвышены – возвышенны*), но сочетаемость и значения так далеко разошлись, что нет реальной необходимости выражать разницу письменными средствами.

IV Прилагательные, краткие формы которых пишутся и с *нн*, и с *н* в зависимости от значения или модели управления

Прилагательные, краткие формы которых пишутся и с *нн*, и с *н* в зависимости от значения или модели управления, выделены в отдельную группу, хотя многие из них соотносятся с переходными глаголами, а некоторые не соотносятся, т.е. их можно было бы рассматривать в соответствующих разделах. Но выше нам важно было показать, что и некоторые прилагательные, соотносимые с переходным глаголом, с причастием, и некоторые прилагательные, не соотносимые с переходным глаголом, пишутся с *нн* в кратких формах, а другие – с одной буквой *н*, показать, что грамматическая категория не является критерием, определяющим выбор написания. Следующий вопрос вставал: а что является таким критерием. В ниже рассматриваемой группе слов уже словарно закреплено, что грамматическая категория не является значимой в выборе написания, что критериями являются то или иное значение или модель управления.

Нашей задачей здесь является, во-первых, определение степени соответствия кодификации узусу, а во-вторых, понять, насколько предложенная оценка написаний слов предыдущих групп соответствует этой группе.

а) Прилагательные, краткие формы которых пишутся двояко в зависимости от значения

Словарные данные

В РОС приведены 17 слов с разным написанием кратких форм в зависимости от выражаемого значения: формам с *н* приписывается значение “выражающий соответствующую эмоцию”, напр.:

взволнованный; *кр. ф.* -ан, -ана (чем вы так взволнованы?) и (*выражающий волнение*) -ан, -анна (её речь взволнованна) ^{УН}

Аналогичные статьи имеют слова: *встревоженный, заинтересованный, измученный, испуганный, обескураженный, обеспокоенный, обиженный, обрадованный, озабоченный, опечаленный, разгневанный, разочарованный, рассерженный, расстроенный, растёранный, расстроганный*. В словаре Д.Н. Ушакова только у прилагательного *расстроганный* отмечены краткие формы *-нна, -о, -ы*.

При этом для слов *раздосадованы (кто, лица), взбудоражены (кто, голоса), сконфужены (кто, лица), заинтригованы (кто, лица), озадачены (кто, лица), перепуганы (кто, лица)* словари дают краткие формы только с одной буквой *н*.

Практика письма

Анализ практики письма показал, что, во-первых, не соблюдается правило о разном написании форм со значениями “испытывающий эмоцию” и “выражающий эмоцию”. Очень редки или вообще не встречаются рекомендуемые РОС формы с *нн* со значением “выражающий эмоцию” при словах *лица, глаза, голоса, музыка, поэзия* и т.д. Так, форма *разгневаннн* встретилась в сочетании с *боги, цари, люди...*, но не *лица, голоса*.

Сочетание *лицо(а) взволнованно(ы)* в Гугл-книгах встретилось всего 10 раз, а “*лицо(а) взволновано(ы)*” 50 раз;

она взволнованна – 330 раз, *она взволноваца* значительно больше;

глаза испуганнн 8 раз – *глаза испуганн* 18;

лица(о), глаза встревоженнн 6 – *лица(о), глаза встревожены* 76;

лица измученнн 0 – *лица измучены* 5.

Во-вторых, написание кратких форм на *-анна, -аны* с одушевленным субъектом в практике письма в целом устойчиво, хотя степень устойчивости разная. Правила допускают написание *нн* в формах при сочетании с субъектом *она взволнована*, если

надо выразить значение “ее облик выражает волнение”. Но контексты этого не подтверждают, и сложно себе представить ситуацию, когда требуется выражение такой тонкой грани значения столь малозаметными средствами. Словарь выделяет одно слово *разочарованный* с написанием *нн* в кратких формах со значением “обнаруживающий, выражающий разочарованность” *она разочарованна*.

б) Прилагательные, краткие формы которых пишутся двойко в зависимости от модели управления

В Правилах 2006 г. есть параграф, регулирующий написание кратких форм с обязательным дополнением и отсутствием сравнительной степени:

“§ 102. Краткие формы прилагательных на *-нный* пишутся с одним *н*, если эти прилагательные требуют зависимых слов и не имеют формы сравнительной степени. Примеры: *привязанный к кому-либо* ‘испытывающий привязанность’ — *Она к нему очень привязана; исполненный чего-либо* ‘полный, проникнутый’ — *Душа исполнена печали; слышанный о чём-либо* ‘хорошо осведомленный’ — *Мы слышаны о его проделках* (см. в приведенных примерах зависимые слова: *к нему, печали, о его проделках*).

Примечание. Некоторые прилагательные имеют в разных значениях по-разному пишущиеся краткие формы. Ср. разное написание кратких форм слова *преданный*: *Она добра и преданна* и *Она предана делу*. В первом примере *преданный* — такое же прилагательное, как *воспитанный, избалованный, возвышенный* (см. § 101), у него есть сравнительная степень *преданнее*; во втором — такое же, как *привязанный, исполненный, слышанный* (требует зависимых слов: *кому-, чему-либо*) <...>” [23, § 102].

По-видимому, в правиле имеется в виду только синтетическая форма сравнительной степени, так как по крайней мере одно слово в примерах допускает сравнительную степень, выраженную аналитической формой (*Луизон несравненно более привязана к графине, нежели к нему*).

В РОС критерий “наличие / отсутствие дополнения” применен всего для семи слов, при этом обязательное наличие дополнения в описании других слов не отмечается, а разное написание объясняется разницей в значении, например, написание *тревога обоснованна* определяется значением “имеющий основания; убедительный”, а действия *оправданны* отсутствием дополнения. Критерий этот в правиле использован, но при этом не приведены исключения, а главное — не учтены случаи употребления формы без дополнения, но с ограничительным наречием,

выражающим то же значение (*ограничены в финансах — финансово ограничены, реформы оправданы экономикой — экономически оправданы, насыщены духовностью — духовно насыщены*), в которых в узусе также пишется преимущественно одна буква *н*.

Словарные данные

вынужденный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ен, -ена; <i>кр. ф. прил.</i> -ен, -ена (<i>с неопр.</i> : она вынуждена лгать) и -ен, -енна (<i>без неопр.</i> : её молчание вынужденно)
насыщенный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ен, -ена; <i>кр. ф. прил.</i> -ен, -ена (<i>с дополн.</i> : жизнь насыщена приключениями) и -ен, -енна (<i>без дополн.</i> : жизнь насыщена, содержательна)
ограниченный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ен, -ена; <i>кр. ф. прил.</i> -ен, -ена (<i>с дополн.</i> : её интересы ограничены домом и детьми) и -ен, -енна (<i>без дополн.</i> : наши возможности ограничены; она самоуверенна и ограничена)
оправданный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ан, -ана; <i>кр. ф. прил.</i> -ан, -ана (<i>с дополн.</i> : оправданы важностью проекта) и -ан, -анна (<i>без дополн.</i> : его действия вполне оправданы; ваше беспокойство оправданно)
преданный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ан, предана, -ано; <i>кр. ф. прил.</i> -ан, -ана (<i>с дополн.</i> : она предана семье) и -ан, -анна (<i>без дополн.</i> : она добра и преданна; её любовь преданна)
сосредоточенный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ен, -ена; <i>кр. ф. прил.</i> -ен, -ена (<i>с дополн.</i> : она сосредоточена на своей работе) и -ен, -енна (<i>без дополн.</i> : она молчалива и сосредоточена)
связанный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ан, -ана; <i>кр. ф. прил.</i> -ан, -ана (<i>с дополн.</i> : это связано с риском) и (<i>без дополн.</i> : <i>затрудненный, несвободный</i>) -ан, -анна (его движения связаны)
уверенный ; <i>кр. ф. прич.</i> -ен, -ена; <i>кр. ф. прил.</i> -ен, -ена (<i>с дополн.</i> : она уверена в своей правоте) и -ен, -енна (<i>без дополн.</i> : она спокойна и уверена; движения её уверенны); <i>будь уверена, будьте уверены (не сомневайтесь)</i>

Практика письма

Анализ практики письма выявил три типа соотношения словарной нормы и практики письма: полное соответствие (*вынужденный, переданный, уверенный*), противоречие (*связанный*) и частичное совпадение для остальных слов. Так, для слова *насыщенный* практика письма показывает преимущественное написание форм с одной *н* при наличии ограничительного наречия *духовно насыщены, эмоционально насыщены* и т.д. Аналогично

и для других слов: валентность может преобразовываться в обстоятельство-наречие со значением сферы действия, т.е. ограничительное наречие, напр. *финансово обеспечена, духовно ограничена*.

Предпочтительно с одной *н* пишутся и краткие формы с наречием сферы действия, выражающим область ограничения напр.: *умственно, духовно, финансово, территориально ограничены*.

соответствует РОС	вариативность	не соответствует
<i>вынужденный, преданный, уверенный</i>	<i>насыщенный (НКРЯ без доп. нн 22 н 513) ограниченный оправданный преданный сосредоточенный^{1,2}</i>	<i>связанный</i>

насыщенна, -ы (НКРЯ: 22: без доп., как: *эмоционально, религиозно, идейно*) — **насыщена, -ы** (НКРЯ 513: чем, без доп., как: *функционально, идеологически...*). Гугл-книги: “эмоционально насыщен(н)ы”: **нн 300 — н 1200**, “идейно насыщен(н)ы”: **нн 5 — н 29**.

Эти три дня пролетели очень быстро, хотя и были очень насыщены [Ю.В. Усачев. Дневник космонавта (1996)]. *Зимой они более насыщены, густы, несказанно ярки и выразительны: отсвечивают золотистой охрой, коричневым, темно-зеленым, густо-синим...* [“Здоровье”, 1997.12.15]. *Поэтому они эмоционально-ценностно насыщены* — *Весь разговор длится не более десяти минут, а кажется, что в келье я уже не менее часа, — настолько насыщенна беседа* [“Наука и религия”, 2007]. *Тогда галосы выглядят особенно ярки и цвета их наиболее насыщены* [“Наука и жизнь”, 1936].

ограниченна, -ы (НКРЯ: как: *финансово, умственно, духовно*; без доп. и ограничительного наречия *возможности, способности, силы, сфера применения, палитра, роль, ответственность, доступность, правда, партия автомобилей, площадь витрины, жизнь*) — **ограниченна, -ы** “недалёка” — **ограничена, -ы** (чем, в чем, как: *политически, финансово, умственно*, без доп. и ограничительного наречия *возможности, способность, силы, ресурсы, контакты, связи, размеры кладовки*)

Прилагательное *ограниченна, -ы* в значении “недостаточно развита, недалёка” пишется устойчиво (*И понял, что ничего у него с ней не получится, она слишком трезва, ограниченна...* [Виктор Пронин. Неаполитанский романс (1970–1980)]). Предпочтительно с одной *н* пишутся формы прилагательных, если есть дополнения; написание слова без дополнения неустойчиво (мы ограничены в средствах — наши средства ограничен(н)ы, ее интересы ограничены работой — ее интересы ограничен(н)ы; основы общества были однообразны, интересы ограничены — всякие интересы ограничены и ясны, а идеи бесконечны и неопределенны).

оправданна, -ы (НКРЯ: без доп. 130 *затраты, опасения, аналогии, жертвы, потери, упреки*; “*вполне*” — 3, “*экономически*” — 1, Гугл-книги: “*опасения*” 39, “*оправданы любые средства*” 10) — **оправдана, -ы** (НКРЯ: 374 *затраты, опасения, подозрения, надежды, методы*; *в целом, в высшей мере, композиционно, коммерчески, стилистически*; “*вполне*” — 10, “*экономически*” — 8. Гугл-книги “*опасения*” 59; “*оправданы любые средства*” 64) — **оправдана, -ы чем-то**.

Это борьба за власть, и в этой борьбе оправданы любые средства [В. Безруков. Есенин 2005]. *Ближайшие годы покажут, оправданы ли эти надежды* [“Знание-сила”, 2013]. *Приложенные вами к маркетингу усилия должны быть коммерчески оправданы и прибыльны* [“Бизнес-журнал”, 2004.01.30]; *Его... роман с фрейлейн Бюрстнер, связь с Лени — психологически вполне оправданы* [“Звезда”, 2002]. *Но те или иные интересы оправданы лишь тогда, когда они идут от людей...* [Александр Яковлев. Омут памяти. (2001)]. *Если бы даже только один из таких больных возвращался к жизни, — и тогда все усилия врача оправданы* [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)].

преданна, -ы (НКРЯ: 37 “верны”: с дополнением кому 14, без доп. 23) — **предана, -ы** (НКРЯ: “верны” с дополнениями кому-чему много) Гугл-книги: “*предан(н)а мужу, семье, вере*”: **нн 65 — н 670**. На этом фоне 14 примеров из НКРЯ *преданна кому* считаем ошибками.

сосредоточенна, -ы (НКРЯ: 65 “собранны” и без дополнения: *кто-то* 41, *лица, глаза* 14) — **сосредоточена, -ы** (НКРЯ: “собранны” и без дополнения *кто-то* 4, *лица* 4) — **сосредоточена, -ы** (НКРЯ: в значении “в основном находится где-то” с обст. места) — **сосредоточена, -ы** (НКРЯ: в значении “иметь в центре внимания” с дополнением *на чем-то*). Гугл-книги: “*лица сосредоточен(н)ы*”: **нн 95 — н много**.

Мама была сосредоточенна и мрачна [Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989–1993)]. – *Лица сосредоточены, на них написано одно желание: “Сбить!”* [Воспоминания о Воронеже военных лет (2007)]. *На Литургии тихо, люди сосредоточены* [Православие и мир, 2015]. – *Вот здесь и сосредоточена главная удача романа* [“Огонек”, 2014]. – *Все домашние тревоги были сосредоточены на Еве...* [Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)]. *Мама была сосредоточена на хозяйстве, на воспитании детей.*

связанна, -ы (НКРЯ: 12 с дополнениями *с чем-то, между собой*, в Гугл-книгах **много** в самых разных контекстах, сочетание *движения связанна* отмечено 3 раза)

Таким образом, и в данной группе слов разницу в написании, как она представлена в практике письма, следует описывать не с позиций грамматики, а с позиции особого лексического значения. Для форм *насыщенна* (“полна”), *ограниченна* (“недостаточно развита”), *оправданна* (“имеющая основания”, “целесообразна”) (ср. *обоснованна*), *сосредоточенна* (“собранна, внимательна”) преобладающее в узусе написание с *нн* может быть обосновано выделением особого значения у прилагательного, отличающегося от причастия во всех его значениях. Форма *связанна* в проанализированных массивах употребляется во всех возможных контекстах. Остаются слова *вынужденны, уверенны*, которые проще описывать через различия в модели управления. чем через различия в значении.

ВЫВОДЫ

Анализ словарных данных РОС 2012 показал, что написание *н* или *нн* в кратких формах отглагольных прилагательных не определяется грамматической принадлежностью к разряду прилагательных или причастий. Краткие формы отглагольных прилагательных могут писаться и с *н*, и с *нн*, при этом кратких форм с одной буквой *н* значительно больше, чем форм с *нн*. Анализ практики письма показал, что реально с *нн* пишутся еще меньше слов.

Сравнение словарной кодификации и практики письма показало, что написание *н* или *нн* определяется четырьмя факторами: а) ударением, б) формированием особого лексического компонента значения, отличающего прилагательное от живого причастия, в) традицией написания для части атрибутивов на *-нный*, не соотносимых с переходным глаголом, г) наличием / отсутствием зависимых слов.

Таким образом, можно сделать вывод, что написание *н* или *нн* в кратких формах (всех, а не только сложных, как это отмечено в правиле ПАС) отглагольных атрибутивов не определяется системной грамматической принадлежностью, что орфография отражает не грамматическое противопоставление причастия и прилагательного и что перед нами результат действия не антиномии “отражательное – условное”. Условность письма проявляется в разных его областях, в том числе и в передаче на письме градуированных языковых противопоставлений, как в нашем случае. Однако то, что именно лексическая выделенность единицы, ее отрыв от глагола приводит к появлению и закреплению написания с *нн*, говорит о действии другой антиномии: антиномии сторон языкового знака, при которой “означающее стремится к приобретению новых значений, а означаемое – к приобретению новых средств выражения” (М.В. Панов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Под ред. К.Я. Грота. Изд. 5-е. М.: Книжный дом “Либроком”, 2010.
2. Буслев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
3. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.
4. Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. Издано во градѣ Святаго Петра, 1769.
5. Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею. СПб., 1802.
6. Каверина В.В., Ван Сяоси. Становление норм употребления двойных согласных в отглагольных образованиях в русском литературном языке XVII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5.
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2. М.: “Высшая школа”. М., 1972.
8. Правила русской орфографии и пунктуации / Утвержд. АН СССР, Мин. высш. обр. СССР, Мин. просв. РСФСР. М.: Учпедгиз, 1956.
9. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.) / АН СССР; Ин-т рус. яз.; отв. ред. акад. В.В. Виноградов. М.: Наука, Ленингр. отд-е, 1965.
10. Еськова Н.А. Предана или преданна? // Вопросы культуры речи. Вып. 3. 1961.

11. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати. М., 1967.
12. Словарь трудностей для работников печати составители В.Н. Вакуров, Л.В. Рахманин, Л.И. Рахманова, И.В. Толстой, Н.И. Формановская. М.: изд-во МГУ, 1968.
13. Еськова Н.А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014.
14. Русский орфографический словарь: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Изд. 5-е, испр. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.
15. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: "Русские словари", 2003.
16. Сазонова И.К. Орфографический словарь русского языка. Одно или два н? М., 1998.
17. Кудинова А.В. Правописание Н и НН в различных частях речи. М.: Из-во "Экзамен", 2010.
18. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3: О глаголе. СПб., 1842.
19. Кумыкова Д.М. Соотношение омонимичных кратких форм страдательных причастий совершенного вида и прилагательных на -нный. СПб., 1997.
20. Луговая Л.И. Семантический фактор и принципы русской орфографии. Ставрополь, 2001.
21. Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь русских причастий. М., 1989.
22. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.
23. Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006.
24. Иванова В.Ф. Актуальные проблемы русской орфографии // Русский язык в школе. 1991. № 1.
25. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул.: Из-во Алтайского ун-та, 1997.
3. Osipov, B.I. *Istoriya russkoj orfografii i punktuacii* [History of Russian Spelling and Punctuation]. Novosibirsk, 1992. (In Russ.)
4. Kurganov, N.G. *Rossijskaya universalnaya grammatika, ili Vseobshchee pismoslovie* [Russian Universal Grammar, or Universal Writing]. St. Petersburg, 1769. (In Russ.)
5. *Rossijskaya grammatika, sochinennaya Imperatorskoj Rossijskoj akademiey* [Russian Grammar, Composed by the Imperial Russian Academy]. St. Petersburg, 1802. (In Russ.)
6. Kaverina, V.V., Van Syaosi. *Stanovlenie norm upotrebleniya dvojnih soglasnyh v otglagol'nyh obrazovaniyah v russkom literaturnom yazyke XVII–XIX vv.* [Formation of Norms for the Use of Double Consonants in Verbal Formations in the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology]. 2017, No. 5. (In Russ.)
7. Vinogradov, V.V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove). Izd. 2* [Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word). Ed. 2nd]. Moscow, "Vysshaya shkola" Publ., 1972. (In Russ.)
8. *Pravila russkoj orfografii i punktuacii Utverzhd. AN SSSR, Min. vyssh. obr. SSSR, Min. prosv. RSFSR* [Rules of Russian Spelling and Punctuation. Approved. USSR Academy of Sciences, Min. higher. arr. USSR, Min. enlightened RSFSR]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 176 p. (In Russ.)
9. *Obzor predlozhenij po usovershenstvovaniyu russkoj orfografii (XVIII–XX vv.). AN SSSR; In-t rus. yaz.; otv. red. akad. V.V. Vinogradov* [Review of Proposals for the Improvement of Russian Spelling (the 18th–20th centuries). Academy of Sciences of the USSR; Inst rus. lang; ed. acad. V.V. Vinogradov]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 500 p. (In Russ.)
10. Eskova, N.A. *Predana ili predanna? Voprosy kul'tury rechi. Vyp. 3* [Questions of the Culture of Speech. Issue 3]. 1961. (In Russ.)
11. Rozental, D.E. *Spravochnik po pravopisaniju i literaturnoj pravke. Dlya rabotnikov pechati* [Handbook of Spelling and Literary Editing. For Print Workers]. Moscow, 1967. (In Russ.)
12. *Slovar trudnostej dlya rabotnikov pechati sostaviteli V.N. Vakurov, L.V. Rahmanin, L.I. Rahmanova, I.V. Tolstoj, N.I. Formanovskaya* [Dictionary of Difficulties for Press Workers Compiled by Vakurov, V.N., Rakhmanin, L.V., Rakhmanova, L.I., Tolstoy, I.V., Formanovskaya, N.I.]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1968. (In Russ.)
13. Eskova, N.A. *Slovar trudnostej russkogo yazyka. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Dictionary of the Difficulties of the Russian Language. Stress. Grammatical Forms]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2014. 536 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Grot, Ya.K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne. Pod red. K.Ya. Grota. Izd. 5-e* [Controversial Issues of Russian Writing of Law from Peter the Great to the Present. Ed. K. Ya. Grotto. Ed. 5th]. Moscow, Knizhnyj dom "Librokom" Publ., 2010. 402 p. (In Russ.)
2. Buslaev, F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 623 p. (In Russ.)

14. *Russkij orfograficheskij slovar: In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN; Izd. 5-e, ispr.* [Russian Spelling Dictionary: Inst rus. lang. them. V.V. Vinogradov RAS, Ed. 5th, rev.]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. (In Russ.)
15. Zaliznyak, A.A. *Grammaticheskij slovar russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian Language: Inflection]. Moscow, "Russkie slovari" Publ., 2003. (In Russ.)
16. Sazonova, I.K. *Orfograficheskij slovar russkogo yazyka. Odno ili dva n?* [Spelling Dictionary of the Russian Language. One or two *n*?]. Moscow, 1998. (In Russ.)
17. Kudinova, A.V. *Pravopisanie N i NN v razlichnyh chastyah rechi* [Spelling N and NN in Different Parts of Speech]. Moscow, Iz-vo "Ekzamen" Publ., 2010. 125 p. (In Russ.)
18. Pavskiy, G.P. *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka. Rassuzhdenie 3: O glagole* [Philological Observations on the Composition of the Russian Language. Reasoning 3: About the Verb]. St. Petersburg, 1842. (In Russ.)
19. Kumykova, D.M. *Sootnoshenie omonimichnyh kratkih form stradatelnyh prichastij sovershennogo vida i prilagatelnyh na -nnyj* [Correlation of Homonymous Short Forms of Perfective Passive Participles and Adjectives]. St. Petersburg, 1997. (In Russ.)
20. Lugovaya, L.I. *Semanticheskij faktor i principy russkoj orfografii* [Semantic Factor and Principles of Russian Spelling]. Stavropol, 2001. (In Russ.)
21. Sazonova, I.K. *Tolkovo-grammaticheskij slovar russkih prichastij* [Explanatory and Grammatical Dictionary of Russian Participles]. Moscow, 1989. (In Russ.)
22. Kalakutskaya, L.P. *Adjektivaciya prichastij v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Adjectivation of Participles in Modern Russian Literary Language]. Moscow, 1971. (In Russ.)
23. *Pravila russkoj orfografii i punktuacii: Polnyj akademicheskij spravochnik. Pod red. V.V. Lopatina* [Rules of Russian Spelling and Punctuation: Complete Academic Reference. Ed. V.V. Lopatin]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 478 p. (In Russ.)
24. Ivanova, V.F. *Aktualnye problemy russkoj orfografii* [Actual Problems of Russian Spelling]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language in School]. 1991, No. 1. (In Russ.)
25. Golev, N.D. *Antinomii russkoj orfografii* [Antinomies of Russian Spelling]. Barnaul, Iz-vo Altajskogo un-ta Publ., 1997. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 1 мая 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки:
20 мая 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2021 г.
Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on May 1, 2021
Revised on May 20, 2021
Accepted on June 15, 2021
Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016298-0

О некоторых особенностях глагольной бипрефиксации в современных русских говорах

© 2021 г. Е. А. Нефедова

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
eanefedova@gmail.com

Резюме. Статья посвящена изучению особенностей функционирования двупривставочных глаголов, в которых вторым приставочным элементом является приставка *за-*. Подтверждена продуктивность вторичной глагольной префиксации в говорах архангельского региона, выявлены словообразовательные модели, действие которых приводит к усложнению способов образования глаголов совершенного вида, к появлению синонимичных пар глаголов совершенного вида (*покрыть* и *закрыть*), а также к формированию синонимичных видовых пар глаголов (*крыть* – *покрыть* и *крыть* – *закрыть*). Определены факторы, способствующие продуктивности глагольной бипрефиксации, установлена ее связь с коммуникативными особенностями диалектной речи.

Ключевые слова: диалектология, говоры архангельского региона, глагольная бипрефиксация.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета “Сохранение мирового культурно-исторического наследия”.

Для цитирования: Нефедова Е.А. О некоторых особенностях глагольной бипрефиксации в современных русских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 108–116. DOI: 10.31857/S241377150016298-0

On the Specifics of Verbal Prefixation in Modern Russian Dialects

© 2021 Elena A. Nefedova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
eanefedova@gmail.com

Abstract. The article focuses on the functioning of two-prefixed verbs, in which the second prefix element is the prefix *za-* (for-). The productivity of secondary verb prefixation in the dialects of the Arkhangelsk region is confirmed, word-forming models are identified, the effect of which leads to a complication of the ways of forming perfect verbs, to the appearance of synonymous pairs of perfect verbs (cover and cover), as well as to the formation of synonymous specific pairs of verbs (cover – cover and cover – cover). The factors contributing to the productivity of verbal prefixation are determined, and its connection with the communicative features of dialect speech is established.

Key words: dialectology, dialects of the Arkhangelsk region, verbal prefixation.

Acknowledgements: The reported study was funded by Interdisciplinary Scholar and Educational Project of the Moscow State University “Preservation of the world cultural and historical heritage”.

For citation: Nefedova, E.A. *O nekotoryh osobennostyah glagolnoj biprefiksacii v sovremennyh russkikh govorah* [On the Specifics of Verbal Prefixation in Modern Russian Dialects]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 108–116. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016298-0

В статье рассматривается феномен приставки *за-*, которая широко употребляется в архангельских говорах как второй приставочный элемент при соединении с приставочными глаголами несовершенного и совершенного вида¹. В сочетании с другими приставками она образует комплексы: *забез-*: *забезделять, забеспунтиться*; *зав-* (*-заво-*): *завбратъ, завлезать, завоходить*; *завз-* (*завоз-*): *завздръгивать, завздышать, завозмущаться*; *завы-*: *завыпадать, завыхрапывать*; *задо-*: *задоходить*; *заза-*: *зазакрывать, зазаплатить*; *зауз-*: *заузбить, заиспугаться*; *зана-*: *занавозить, зананапать, занарядиться*; *зане-*: *занемогать*; *зао-*: *заоглядываться, заотелиться*; *заоб-* (*заобо-*): *заобжигаться, заобтанивать, заобогреть*; *заот-*: *заотбиваться*; *запере-*: *заперебалывать*; *запо-*: *запобрякивать, запошить*; *запод-*: *заподростить, заподбивать*; *запри-*: *заприбалывать, заприхвалять*; *запро-*: *запросвятать*; *зароз-*: *заросплатиться*; *зас-*: *заснижаться*; *зау-*: *заубегать*.

В работах О.Ю. Крючковой вторичная префиксация рассматривается в рамках явления редупликации в целом [2, с. 151–153]. При этом отмечается, что двуприваочные образования несвойственны современному русскому литературному языку, они слабо представлены в письменных памятниках предшествующих периодов истории русского языка. В статье В. Белякова [3, с. 168] также говорится о непродуктивности в литературном языке *за-* в качестве вторичной приставки. Оба исследователя отмечают продуктивность этой модели в просторечии и говорах.

В архангельских говорах приставка *за-* обладает высокой продуктивностью, участвуя в образовании глаголов, существительных, прилагательных и наречий. В “Архангельском областном словаре” выделено 18 значений приставки *за-* при соединении с глаголами, 5 значений — с существительными, определены 2 модели, используемые при образовании прилагательных, и 4 модели — при образовании наречий [4, с. 19–25]. В качестве второй приставки *за-* употребляется в двух из семнадцати значений, представленных в АОС: первое — ‘начало действия, названного мотивирующим глаголом’, второе значение — чисто

видовое. Особенно продуктивны комплексы *завы-*, *запо-*, *запод-*, *запри-*, *запро-*. Так, в [4] представлено 96 *завы-*глаголов, в [5] — 328 *запо-*глаголов, 95 *запод-*глаголов, 188 *запри-*глаголов, 63 *запро-*глагола².

В значении ‘начало действия’ приставка *за-* в сочетании с приставочными глаголами несовершенного вида переводит их в совершенный вид:

выглядывать — *завыглядывать*: — Где-то Ульяна большэ не выглядывает, пойду́ хоть попровéдаю; Лйтка-та вон из лесу завыглядывала³;

выпивать — *завыпивать*: Мы́ не выпивали никогда; Он завыпивал ли чё, йей не понравилось;

подавать — *заподавать*: Дымохот клась — надо было кирпичье туда подавать да глину да воду; Заподают, дак одной рукой отпихиваш, а другой берёш;

подростать — *заподростать*: Ребятá подростать стали, дак они запомогали; А потом свой дочери заподростали — опять те же свадьбы;

погибать — *запогибать*: Он только зашёл в воду и не рыкнул, што я тону́, не зарыкал, што я погибáю, имáйте меня; Табáк влияет цветáм, запогибáл, я россáдила, ничё не спасáйецца;

провождать — *запровождать*: Вáльку-то я провожала, провожала в Верховáжье-то; Заходили, запровожали;

убегать — *заубегать*: За корóвами иттí — пúть да доро́га, а от корóф убегать — пень да колóда; Фсé заволновáлись, фсé заубегáли.

В говорах продуктивна также модель *запо-и-вать(ся)* — ‘начать совершать с небольшой интенсивностью действие, названное мотивирующим глаголом’ (всего около 40 глаголов)⁴:

побаиваться — *запобаиваться*: Побáивались — язы́к-то здоровый, дли́нный — нечисто́го дúха вызывáли, побáивались; Я лежú, штó-то мне жúтко стáло, запобáивалась;

² Статистика отражает количество словарных статей с учетом раздельной подачи в АОС видовых глагольных пар, а также возвратных и невозвратных пар глаголов.

³ В примерах используется упрощенная транскрипция, принятая для АОС (см. [6, с. 50–52], [7, с. 5–6]).

⁴ В. Беляков относит эту модель к малопродуктивной [3, с. 168].

¹ Исследование выполнено на материалах, извлеченных из бумажной и электронной картотек и 1–21 вып. “Архангельского областного словаря” (АОС) [1].

побрасывать – *запобрасывать*: Шагну́ шага́ два и ф стóрону побрасыват нúто; Меня́ уш ветром запобрасывает;

побрызгивать – *запобрызгивать*: Пого́да за-но́сная, дак побрызгиват малéнько; Бúтто каг до́жжык запобрызгивал .

Наличие приставки *за-* в рассмотренных примерах вполне оправдано грамматически и семантически. Однако в АОС представлены приставочные глаголы совершенного вида с второй приставкой *за-*, семантика которых не обнаруживает, на первый взгляд, отличий от соответствующих глаголов без приставки *за-*. С ними связано несколько сюжетов.

I. Соединяясь с приставочным глаголом, приставка *за-* как будто бы не вносит никакого дополнительного значения. Причина присоединения приставки *за-* в этом случае неочевидна.

Запокрýть=*покрýть*: Да тák ис пéчки вýнеш, опя́ть запокрóйеш éтим платóм;

запопа́сть=*попа́сть*: А тák онí не мо́гут в до́м запопа́сть, йéсли нéту хо́ду;

заполучи́ть=*получи́ть*: О́н бума́ги писáл да по-ста́ивал, но свовó так и не случи́лось за́получи́ть; От нéй фсё за́получи́ла;

запривы́кнуть=*привы́кнуть*: Пóсле за́привы́кли, дак за́ндрáвились;

заудиви́ться=*удиви́ться*: Онí тúт фсё за́удиви́лись.

Можно предположить такой путь формирования слов с асемантической приставкой *за-*. В русском языке существует два способа выражения семантики начала действия: описательный (*начать* + глагол несов. вида) и с помощью приставок с соответствующим значением. Второй способ является, по-видимому, более продуктивным⁵. Он соответствует общей тенденции развития говоров, которая состоит в стремлении к стандартности выражения грамматических значений. Результат проявления этой тенденции – огромное количество *за-*глаголов, представленных в 15–20 вып. АОС [1] в значении ‘начать действие, названное мотивирующим глаголом’.

Следующим шагом является образование от формы глагола сов. вида в значении ‘начать совершать действие’ формы сов. вида в значении ‘совершить действие’, что тоже можно объяснить проявлением уже названной тенденции к стандартизации грамматических отношений:

⁵ О.Г. Ровнова отмечает, что процесс морфологизации начинательного способа действия характерен для современных говоров, особенно севернорусских [8, с. 218]

заподнима́ться – *заподни́ться*: А ра́ньше с крыльца́ зайдёш, срáзу éто бýло переды́зью, а тáм пове́ть, заподнима́цца; Он не мо́к заподни́цца тудá;

заприбыва́ть – *заприбы́ть*: Беда́, вода́ заприбы-ва́ла така́, фсё унесло́; Вода́ заприбыла́, поверну́ла на при́быль;

запродава́ть – *запродáть*: Ны́нэ вот éто за́про-дава́ли коро́ф ф колхо́зе, дак вот онí и купи́ли; Запрóдали нам ры́бы;

заповторя́ть – *заповтори́ть*: А онí фсё за́по-фторя́ют: “Хорошо́, хорошо́”; Он за́пофтори́т: “Па́па”.

В картотеке АОС представлены ряды глаголов, отражающие этапы словообразовательной модели ‘делать’ – ‘начать делать’ – ‘сделать’:

*завы-*глаголы:

выгляды́вать – *завыгляды́вать* – *завы́глянуть*: Выгляды́вай, куда́ слепая́ ушла́; Штó завы́гляды-вал, лежы; Я тут с ко́йки завы́гляну;

выходи́ть – *завыходи́ть* – *завы́йти*: Да́к она́ па́мятна, она́ зна́т, как выходи́ли, да как свáтали, да как прицита́ли; Де́фками за́выходи́ли за калéк; Она́ опя́ть там завы́шла, сы́на родила́, Гри́шу;

выселя́ть – *завыселя́ть* – *завы́селить*: То́лько те до́мы выселя́ли сюда́; Ищё́ бýли мона́шки тог-да́ жы́ли, их штó-то неза́любили их фсéх, завы-селя́ли; Фсё потписа́лись, штóбы йейó софсéм завы́селить;

*запо-*глаголы:

помира́ть – *запомира́ть* – *запомерéть*: А потóм гляди́ш-погляди́ш, йо́му и помира́ть на́до; Она́ с Карьейпо́лья попада́ет, тáм тётка за́помира́ла чевó-то, мо́жот, ужé померла́; А напередé малéнький до́мик, бра́т у нéй живёт, тáм у нево́ жéна́ за́померла́;

пока́зывать – *запока́зывать* – *запока́зать*: Хол-могóрцеф назывáли зауго́льниками, фи́гу Петру́ Пёрвому из-за угла́ пока́зывали; У на́с хозя́ин бы́л живóй да рекла́му как за́пока́зывают – так у него́ матюко́ф; Я бы ва́м за́показа́ла;

поеда́ть – *запоеда́ть* – *запое́сть*: А через не-дэлю, через двé ли начина́м поеда́ть (моло́ко), и фсё, до сле́душэго за́пуска коро́вы; Вот ка́шку за́пойеда́л; Тут немно́шко зайéла, за́пойéла;

посыла́ть – *запосыла́ть* – *запосла́ть*: На-ця́льник посыла́ит за́пусьника́ми; Йу́ запосы-ла́ли по городáм; Пришо́л бригади́р, на рабо́ту за́посла́л;

появля́ться – *запоявля́ться* – *запояви́ться*: Когда начина́йеца цвьёт, тогда появля́юца этаки пупырѣчки, балаболки называ́юца; То́чка запоявля́йеца, а ты не поймѣш: лѣтит то́чка по нѣбу или идѣ по мору; Ра́зные лягу́шки да бука́шки запоявля́ца, йѣсли не провѣтриш ф потпо́лье;

запод-глаголы:

подка́лывать – *заподка́лывать* – *заподколо́ть*: Где-то тут подка́лыват; Што́-то сердѣчко запотка́лыват; Што́-то в это ме́сто запоткблет;

подро́стать – *заподро́стать* – *заподро́стӣ*: Ребѣта подро́стать ста́ли, дак онӣ запомо́гали; А пото́м свой до́чери заподо́ростали – о́пять те́ же сва́дьбы; Заподро́сьтѣш – сосмека́ют (одежду);

поднима́ться – *заподнима́ться* – *заподня́ться*: Пото́м о́пять поднима́йеца за́росель – ивня́к, церѣмуха; Вдру́г заподня́малась гробова́я доска́; Он не мо́г заподня́ца тудá;

запри-глаголы:

привора́чивать – *запривора́чивать* – *заприверну́ть*: Га́вря привора́чивала, молоко́ принесла́; Пароход запривора́чивал; Пойѣдут – заприверну́т, му́чки даду́т;

привыка́ть – *запривыка́ть* – *запривы́кнуть*: Как воспитыва́нйе, так ребѣнок привыка́йет; Запривыка́ли г бѣлым ночя́м; По́сле запривы́кли, дак зандра́вились;

примеча́ть – *запримеча́ть* – *запримѣтить*: У нас фсе́ примеча́ли, как на Олексе́йефской неде́ли по́года йе́сь, то грибо́ф бу́дет мно́го; Запримеча́ют по пти́цам; На боло́то зайдѣш, запримѣтиш, отку́да ве́тер идѣт;

запро-глаголы:

пропада́ть – *запропада́ть* – *запропа́сть*: Те бѣстро веть выпара́иваюца, бѣстро и пропа́дают; Худой был ко́нь, запропа́дал в доро́ге; Ходь бы мне́ не запропа́сть, йх бы вы́ростить;

проходи́ть – *запроходи́ть* – *запройти́*: Древа́ми по боло́ту проходи́ли; Селѣтка запроходи́ла мбре́м; Так запрошла́ через мо́ст;

зас-глаголы:

склада́ывать – *засклада́ывать* – *заскла́сть*: Фсе́ это – дровѣнник, дрова́ склада́ывают, па́лка дрово́тная – дрова́ коло́ть; Пото́м засклада́ывали пово́йники, не но́сят; Заскладите́ огонь, на́а бере́стеньйо найти́;

спуска́ть – *заспуска́ть* – *заспусти́ть*: Ста́ла велико́нька, не ста́ли спуска́ть ф шко́лу; На́с домой заспуска́ли; В ла́герь ешчо́ не заспу́свят;

зау-глаголы:

убега́ть – *заубега́ть* – *заубежа́ть*: Пья́ный приде́т, га́ркать начнѣт, убега́ть на́до; Она́ сразу́ заубега́ла от йего́; Коло́тите, дак заубежа́т, коло́тите да уйдѣт (медве́дь);

убива́ть – *заубива́ть* – *зауби́ть*: Глы́ской ли че́м бро́сят ф ку́ру, а убива́ть не убью́т; Заубива́ют – вот тогда́ и запры́гают; Му́ш приѣхал да чю́ть ребѣнка не зауби́л.

Отмечены случаи, когда вторая приставка *за* уточняет семантику одноприставочного образования по модели 'начав какое-н. действие, завершить его'. Например, *запостира́ть* может быть прочитано как 'начав стирку, завершить ее'.

Результатом действия словообразовательной модели 'делать' – 'начать делать' – 'сделать' является формирование в говорах синонимичных глаголов сов. вида: *пое́сть* и *запое́сть*, *посла́ть* и *запосла́ть*, *поспе́ть* и *запоспе́ть*, *появи́ться* и *запояви́ться*, *покры́ть* и *запокры́ть*.

Их сосуществование стало основой для появления двух синонимичных пар глаголов с чисто видовыми различиями или различиями в способе глагольного действия:

завы-глаголы: *выходи́ть* – *вы́йти* и *выходи́ть* – *завы́йти*, *выгляды́вать* – *вы́глянуть* и *выгляды́вать* – *завы́глянуть*, *выпива́ть* – *вы́пить* и *выпива́ть* – *завы́пить*, *выска́кивать* – *вы́скочить* и *выска́кивать* – *завы́скочить*, *выта́скивать* – *вы́тащить* и *выта́скивать* – *завы́тащить*;

запо-глаголы: *кры́ть* – *покры́ть* и *кры́ть* – *запокры́ть*, *есть* – *пое́сть* и *есть* – *запое́сть*, *сла́ть* – *посла́ть* и *сла́ть* – *запосла́ть*, *спе́ть* ('зреть') – *поспе́ть* и *спе́ть* – *запоспе́ть*;

запод-глаголы: *рости́* – *подро́сти́* и *рости́* – *заподро́сти́*;

запро-глаголы: *росска́зывать* – *россказа́ть* и *росска́зывать* – *зароссказа́ть*, *росстра́иваться* – *росстро́иться* и *росстра́иваться* – *заросстро́иться*.

Можно предположить, что образование видовых пар идет не только путем *покрыва́ть* – *запокрыва́ть* – *запокры́ть*, как было показано выше, а параллельно: *кры́ть* – *покры́ть* и *кры́ть* – *запокры́ть*, не *поспева́ть* – *запоспева́ть* – *запоспе́ть*, а *спе́ть* – *поспе́ть* и *спе́ть* – *запоспе́ть*. Следствием этого является формирование в говорах сложных приставок, таких как *завы*-, *запо*-, *запод*- и др., которые могут присоединяться непосредственно к бесприставочному глаголу, переводя его в совершенный вид.

В пользу подобного предположения свидетельствует некоторое количество употреблений *запо-*глаголов, где приставка *по-* полностью десемантизирована, а инхоативное значение передается комплексом *запо-*: *Йей повали́ла на́ пол, она́ и запоуми́рала. Это вот запоберёт, запобира́т так, ис серётки, и начнё. Заполи́нилась* (начала лениться), *не захотела пресь* (прясть).

Еще одним аргументом в пользу признания за комплексами *запо-*, *запод-* статуса сложных приставок можно считать наличие в архангельских говорах сложных предлогов *за-по*, *за-под*.

Предлог *за-по* с вин. и тв. пад. употребляется при указании на цель действия (синонимичен предлогу *за-*): *Хозяин уйэхал за-по вёники. Онí ходи́ли с Ира́йдой Никола́йевной за-по ягодами*; с дат. пад. — при указании на причину действия (синонимичен предлогу *из-за*): *За-по детям-то на пеньзю и в́ышла*; с род. пад. — при указании на время (синонимичен предлогу *до-*): *Я за-по трётъего дня́ писала́*.

Предлог *за-под* с вин. и твор. пад. употребляется при указании на предмет, сзади и ниже которого направлено действие: *Хожу́ да за-пот ку́стовые гляжу́. Жучка́ цара́пайеца, забралась за-пот панёру. Под лисинкой за-под искорём увидели́ ру́ку*; с вин. пад. — при указании на предмет, к задней стороне основания которого направлено действие: *Он спу́сьтиця за-под го́ру. За-под го́ру пошлб́*; с вин. и твор. пад. — при указании на часть тела, действие на которую направлено сзади и снизу: *Меня́ потхвата́ли за-под руки́ и поташы́ли. Да зимой за-под ру́чки привели́. Хватáют за-пот колёнки соба́ка, рвёт, зу́бом заще́пилась, нарби́шно дёржыт меня́, клы́к-от зацэ́пило. За-пот колёнками́ та́м привязывали́ ремешка́ми*.

II. Приставка *за-* может присоединяться к приставочному глаголу сов. вида по модели ‘делать’ — ‘сделать’ — ‘сделать’:

глупеть — оглупеть — заоглупеть=оглупеть: Мужычёнко-то фсё глупёл — читал, читал; Оглупели — зашыбались, голову проломите; Не садí, не глупей, много ли тебе картошки нать; Либо софсём заоглупею, либо захожу́ лучшэ;

опираться — опереться — заопереться=опереться: Набо́й — на йом сучьё, кладёцце вáйем, вáйемок на эти клишкí опира́йеца и не лóмицца; О балясу оперлась. Она́ повернецца г дивáну, этак ру́кой заопре́цца;

слéпнуть — ослéпнуть — заослéпнуть=ослéпнуть: Я читала́ кни́гу, и слéпну; Хóдь бы не ослéпнуть софсём, не завали́ца в богадэ́льню; Брónька-то поглядíт, дак заослéпнет;

спать — поспать — запоспать=поспать: Спать хочеци — лоп на глаза́ накатыващи; Так вот но́чь просиди́ш и поспать не́когда; Запоспи́ш немно́го;

прóбовать — попрóбовать — запопрóбовать=попрóбовать: Вот прóбуйете, дак посмо́трите; Ра́с попрóбовала вина́ да прохотáла фсё; К трём-то часáм ты кúшай, а вот у меня́ запопрóбуй;

дúмать — подúмать — заподúмать=подúмать: Лáдан не могу́ переноси́ть, то́лько вздохну́ла, та́к запотходи́ло, дúмаю — паду́; Да он как разо́злилсь — ты́ подúмай; Во́семьдесят лёт, йей и не жы́ть одной, заподúмать нать — стару́ха;

жалеть — пожалеть — запожалеть=пожалеть: Зарони́л йскру на сёрце, как не жалеть; Приболелся вёсь, и я пожалела́, взяла́ домо́й; Малёнько ско́лько запожалет́;

проси́ть — попроси́ть — запопроси́ть=попроси́ть: А сама́ она́ придёт жэ́леза проси́ть — лопáту ли топóр — не дава́т; Пришла́ ко дверя́м, поревела́, йеды́ попросила́, я дала́ йей; Она́ меня́ запопросила́: “Дава́й подержы́”;

руга́ться — поруга́ться — запоруга́ться=поруга́ться: Ма́ть руга́йеца, де́да — то́т не заруга́йеца; В занóзу поруга́ца — в охóтку; Как-то хоче́ця запоруга́ця.

В отличие от описанного выше случая, где приставка *за-* соединялась с глаголом несов. вида, переводя его в сов. вид с инхоативным значением, здесь присоединение приставки не меняет видовой характеристики глагола. Можно думать, что приставочный комплекс с вторичной приставкой *за-* выступает в этом случае в чисто видовом значении и семантически соотносится с бесприставочным глаголом несов. вида, что влечет за собой формирование параллельных видовых пар типа:

слéпнуть — ослéпнуть и *слéпнуть — заослéпнуть*,

глупеть — оглупеть и *глупеть — заоглупеть*,

опира́ться — опере́ться и *опира́ться — заопере́ться*,

стира́ть — постира́ть и *стира́ть — запостира́ть*,

спать — поспать и *спать — запоспать*,

прóбовать — попрóбовать и *прóбовать — запопрóбовать*.

III. Приставка *за-* может присоединяться и к бесприставочным глаголам сов. вида. Так, глагол *заста́ть* в АОС представлен четырьмя омонимами [9, с. 128–132]. Омоним *заста́ть*² образован с помощью *за-* от бесприставочного глагола *ста́ть*, его семантическая структура параллельна

семантике глагола *стать*, также представленного в картотеке АОС несколькими омонимами.

В составе сложного сказуемого *стать* и *застать*² имеют значение ‘начать, приняться делать что-н.’

Стать – Как кино стáну смотре́ть, задрём-лѣцца. Я́ иной раз забы́ду посолить, стáну хле-ба́ть, тогда́ фспóмню. Фсѣ́ такйе жо́стоки (яго-ды), не дошли́, стáнут красѣть ско́ро. А иногда́ дото́го допа́даю, как стáну то́лько фстава́ть, дак на друго́й бо́к паду́. Стáну смотре́дь да смотре́ю, досмотрю́сь – цвѣтки. Как пѣть-то стáну, за-давлю́сь (подавлюсь), бу́тто в го́рле жэстоко́. Йево́ запу́свят, стáнут угоща́ть. Она ма́ленькой ста́ла бо́льшничать.

Застать – Заста́ли просма́тривать, узна́ли, прове́рили. Он во́тку заста́л пить та́м. Заста́ли че́саця. Она́ матюга́ца заста́ла, дак потóм гово-ри́ть ста́ла чи́сто. На́с му́чали двена́цать дѣн, как лю́ди заста́ли умира́ть доро́гой. А я́ поправля́ца заста́ла. Карто́шка заста́ла лу́че росы́ти. Заста́не морозить-то, нача́нѣт о́зеро-то замерза́ть. Йише́ о́зеро не замёрзло, а на берега́х-то уш лѣт.

Значение глагола, употребляемого при отрицании, – ‘перестать, прекратить делать что-н.’: И бо́ле не заста́ли пуга́ть.

Еще одно значение, в котором *стать* и *застать*² синонимичны: ‘появиться, оказаться в наличии’.

Стать – Везде́ ста́ли мото́ры. У на́с ны́не то́жо така́ бла́ш ста́ла. У мене́ си́ла ста́ла, бато́г бро́сила (начала ходить без палки). Суха́, снежы́на-та ста́ла, глубоко́, ту́го броди́ть.

Застать – В го́рле како́й-то катышо́к заста́л. Пого́да плоха́ начинáт, ту́чи заста́ли. Йѣсли ку-ку́шка закуку́ет, в заклѣти и жы́то заста́нет, бу́дет лихолѣтье – вот не ро́дица хлѣп, ячме́нь не ро́дица, ра́зье морозом убьйо́т. Ничево́, у мо́ря прохладно́ итти́, ли́ж бы вода́-то не заста́ла; Боль-ни́ца заста́ла ту́т.

Рассмотренный материал весьма показателен как подтверждение продуктивности модели образования глаголов сов. вида с асемантической приставкой *за-* не только от приставочных, но и от бесприставочных глаголов.

Глаголы с приставкой *за-*, в свою очередь, тоже могут быть вовлечены в процесс вторичной префиксации:

вза-: Онí ника́к согре́цца не могли́, потóм взагре́лись;

выза-: Фсѣ́ вы́шыли на заплáтки, вы́зашивали;

доза-: Потóм дозагребе́м;

наза-: Ско́лько оле́ней назабива́ли;

отза-: Причита́т, а наза́фтра приѣдут заручѣть, одзаручѣют, челове́к двáтцать приѣдет;

переза-: Фсѣ́ перезама́зали;

подза-: Ма́рья, поди́-ка сла́зей в я́му за забѣлой, губни́цу (грибной суп) подзабили́ть;

поза-: Ста́рого жэлóбья́ мно́го, на́ть позакры-ва́ть (крышу);

приза-: Призажа́рила я ша́ньги из ма́нной му́ки-то;

проза-: Фсѣ́ в мили́ции прозадержáли.

Вторичная префиксация не является исключительным свойством приставки *за-*. Например, в [10] представлены глаголы с вторичной приставкой *вы-*, образующей приставочные комплексы:

выо-: На ме́льницы то́жэ вы́опихаш (зерно), там ступы́ йѣсь;

выоб-: Вы́обрезывала́ ту́т, дак, мо́жэт, к о́сени зацветѣт;

выот-: Я со́тню рублѣй вы́отдавала;

выпо-: Он вы́побил йейо́ ф сатку́;

выпри-: Я фсѣ́ вы́приметила;

выпро-: Ця́шэцьки то́лько вы́прокинь, и фсѣ́;

выс-: Ни́жныи брёвна́ вы́згнили, кладу́т подру́п⁶.

Это большой материал, требующий специального изучения. В рамках данной работы отметим лишь некоторые особенности модели ‘*вы*+приставочный глагол’, представленной наиболее продуктивными комплексами. Приставка *вы-* присоединяется преимущественно к приставочным глаголам совершенного вида. Однако в отличие от рассмотренного в сюжете первом аналогичного случая с приставкой *за-*, присоединение которой приводит к появлению синонимичных пар глаголов сов. и несов. вида (*крыть* – *покрыть* и *крыть* – *закрыть*), усложнение словообразовательной структуры глаголов приставкой *вы-* вызывает усложнение их семантики. Эта особенность сопровождается ударностью вторичной приставки в преобладающем количестве примеров:

выпо-глаголы: *вы́побить*, *вы́подавать*, *вы́показать*, *вы́покупать*;

выпри-глаголы: *вы́приметить*, *вы́причитать*;

выпро-глаголы: *вы́провернуть*, *вы́прочитать*;

⁶ Приставки *вы-* и *за-* в архангельских говорах синонимичны в целом ряде значений (см. [11, с. 92–95] и [4, с. 19–23]).

*выс-(со)-*глаголы: *высбирать, высвязать, выдавать, высобрать, выпихнуть, высхватать*.

В примерах *выпоказать* ‘показать всё, многое’ (*Фсё выпоказала, им веть это интересно*), *выпокупать* ‘скупить всё, многое’ (*Колхозники фсё выпокупали*) глаголы с вторичной приставкой *вы-* выражают полную исчерпанность действия. Аналогичные случаи представляют контексты *Фсё-фсё выпрочитал; Было время, колоски-то збирали, вызбира да высушим*.

Присоединение приставки *вы-* может способствовать семантизации признаков ‘неоднократность действия’: *высдавать* ‘сдать или отдать в несколько приемов’ (*Мы с осени выздавали; Ф сельпо здавают, выздавают и продавают*); *высобрать* ‘собрать в несколько приемов’ (*Фсё иконы высобрали*); ‘продолжительность действия’ (*Я фсё дорожкечку выпричитала*), усложняя тем самым значение глагола.

В примерах *Он выпобил ейё ф сатку; Нижнии брёвна вызгнили, кладут подруп; Я рукавички обещала на зиму, надо высвязать* приставка привносит в семантику глаголов сему интенсивности ‘очень’, ‘сильно’, ‘быстро’.

В работе В. Белякова, выполненной на материале литературного языка, говорится о том, что “в отличие от P1, выполняющей видовую функцию..., P2 в большинстве случаев на вид не влияет и, следовательно, не может десемантизироваться. Ее роль заключается в семантическом уточнении или конкретизации одноприставочного образования” [3, с. 162]. “В случае десемантизации P2 усиливает семантику P1 и превращает слово в стилистически окрашенное, относя его к разговорной лексике или просторечию” [Там же]. Диалектный материал подтверждает это наблюдение и еще раз свидетельствует о том, что “...русская речь не так жестко членится на отдельные варианты, как это нередко представляется,...от народных говоров до самых высоких сфер функционирования литературной речи тянутся разной длины и разной мощности связующие нити, скрепляющие единство русской речи” [12, с. 63].

Выводы

Вторичная глагольная префиксация — это яркая особенность словообразовательной системы диалекта. Прежде всего это касается экспансии приставки *за-* в словообразовательной модели с начинательным значением. Вторичная глагольная префиксация оказывается небезразличной и для морфологической системы, что проявляется в усложнении способов образования глаголов совершенного вида и появлении синонимичных

глаголов сов. вида (*покрыть* и *запокрыть, прибуть* и *заприбуть*), а также в формировании синонимичных видовых пар глаголов (*крыть* — *покрыть* и *крыть* — *запокрыть*).

Продуктивность формирования подобных отношений объясняется а) стремлением к большей регулярности морфологических отношений, что соответствует общим тенденциям развития макросистемы диалектов, б) большей выразительностью глагольных форм с удвоенной приставкой по сравнению с одноприставочными глаголами, в) возможностью словообразовательными средствами определить действие как более интенсивное.

Рассмотренные особенности диалектного словообразования во многом объясняются устностью диалектной речи. Это важный фактор, влияющий на появление вариантов. Относительная свобода словообразования, наличие синонимичных словообразовательных моделей и аффиксов предопределяют существование в говорах единиц с общей мотивирующей основой и синонимичными аффиксами (*поест* и *запоест, постирать* и *запостирать*). Синонимия, сформировавшаяся на основе словообразовательных процессов, представлена в говорах очень широко и касается разных частей речи (см. [13, с. 51–54]). Это наводит на мысль об их неузуальном характере, однако граница между узуальным и неузуальным в говорах (и более широко — в устной разговорной речи) достаточно неопределенна. Можно согласиться с М.А. Кронгаузом, который по поводу “слов, которых нет”, пишет следующее: “Часто просто невозможно предсказать дальнейшую судьбу слова, поскольку она зависит от множества причин, в том числе не только лингвистических” [14, с. 17].

Следующий момент, связанный с устностью диалектной речи, — ее повышенный “эмоциональный тонус”, вообще характерный для разговорного языка, в том числе и литературного [15, с. 96]. “Живая речь всегда экспрессивно окрашена, поскольку в ней, наряду с отображением объективной реальности, всегда выражается переживание человеком того, что имеет место, происходит или случается в действительности” [16, с. 3]. Словообразовательные модели с вторичной приставкой *за-* характеризуют не только структурные и семантические потенции русской словообразовательной деривации, но и коммуникативные особенности диалектной речи (см. об этом в [17, с. 17–21]). Очевидно, что стремление говорящего усилить иллюкутивную силу высказывания достигается разными средствами,

в числе которых не последнюю роль играет бипрефиксация.

Вестник ТПГУ. 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Архангельский областной словарь. Вып. 1–21. М.: МГУ – Наука, 1980–2020.
2. Крючкова О.Ю. Диалектные словообразовательные модели с вторичной приставкой *за-* и их синхронно-диахронный фон // Славянский мир: язык, литература, культура. М.: МАКС Пресс, 2018.
3. Беляков В. О комбинаторике глагольных приставок // Московский лингвистический журнал. Т. 5. № 1. М., 2001.
4. Архангельский областной словарь. Вып. 15. М.: Наука, 2013. 479 с.
5. Архангельский областной словарь. Вып. 19. М.: Наука, 2018. 399 с.
6. Архангельский областной словарь. Вып. 1. М.: МГУ, 1980. 168 с.
7. Архангельский областной словарь. Вып. 17. М.: Наука, 2016. 399 с.
8. Ровнова О.Г. Начинательный способ действия в русских говорах // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика. Tartu, 2002.
9. Архангельский областной словарь. Вып. 20. М.: Наука, 2019. 399 с.
10. Архангельский областной словарь. Вып. 8. М.: МГУ, 1993. 432 с.
11. Архангельский областной словарь. Вып. 6. М.: МГУ, 1990. 298 с.
12. Гольдин В.Е. Внутренняя типология русской диалектной речи и строение русистики // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000.
13. Нefeldова Е.А. Многозначность и синонимия в пространстве диалекта. М.: МАКС Пресс, 2008. 464 с.
14. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998. 286 с.
15. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (Состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. 335 с.
16. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991.
17. Крючкова О.Ю. Коммуникативная обусловленность словообразовательных процессов // Вестник ТПГУ. 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология).
1. *Arkhangelsky oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 1–21. Moscow, Moscow State University – Nauka Publ., 1980–2020. (In Russ.)
2. Kryuchkova, O.Yu. *Dialektnyye slovoobrazovatelnyye modeli s vtorichnoy pristavkoy za- i ikh sinkhronno-diakhronnyy fon* [Dialect Word-Formation Models with a Secondary Prefix *za-* and Synchronous-Diachronic Background]. *Slavyanskij mir: yazyk, literatura, kultura* [The Slavic World: Language, Literature, Culture]. Moscow, MAKS Press Publ., 2018. (In Russ.)
3. Belyakov, V. *O kombinatorike glagolnykh pristavok* [On the Combinatorics of Verb Prefixes]. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. Vol. 5, No. 1. Moscow, 2001. (In Russ.)
4. *Arkhangelsky oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 15. Moscow, Nauka Publ., 2013. 479 p. (In Russ.)
5. *Arkhangelsky oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 19. Moscow, Nauka Publ., 2018. 399 p. (In Russ.)
6. *Arkhangelsky oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 1. Moscow, MSU Publ., 1980. 168 p. (In Russ.)
7. *Arkhangelsky oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 19. Moscow, Nauka Publ., 2016. 399 p. (In Russ.)
8. Rovnova, O. *Nachinatelnyy sposob deystviya v russkikh govorakh* [The Initial Mode of Action in Russian Dialects]. *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Lingvistika. Novaya seriya VIII. Yazykovye funkcii: semantika, sintaktika, pragmatika* [Works on Russian and Slavic Philology. Linguistics. New Series VIII. Language Functions: Semantics, Syntactics, Pragmatics]. Tartu, 2002. (In Russ.)
9. *Arkhangelskiy oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 20. Moscow, Nauka Publ., 2019. 399 p. (In Russ.)
10. *Arkhangelskiy oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 8. Moscow, MSU Publ., 1993. 432 p. (In Russ.)
11. *Arkhangelskiy oblastnoy slovar* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 6. Moscow, MSU Publ., 1990. 298 p. (In Russ.)
12. Goldin, V.E. *Vnutrennyaya tipologiya russkoj dialektnoj rechi i stroyeniye rusistiki* [Internal Typology of Russian Dialect Tongue and the Structure of Russian Studies]. *Russkiy yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. (In Russ.)

13. Nefedova, E.A. *Mnogoznachnost i sinonimiya v prostranstve dialekta* [Polysemy and Synonymy in the Dialect Expanse]. Moscow, MAKS Press Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)
14. Krongauz, M.A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and Verbs in the Russian Language: Semantic Grammar]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1998. 286 p. (In Russ.)
15. Kogotkova, T.S. *Russkaya dialektnaya leksikologiya (Sostoyaniye i perspektivy)* [Russian Dialect Lexicology (State and Prospects)]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 335 p. (In Russ.)
16. Teliya, V.N. *Ekspressivnost kak proyavleniye subyektivnogo faktora v yazyke i yeye pragmaticeskaya oriyentatsiya* [Expressivity as a Manifestation of the Subjective Factor in the Language and its Pragmatic Orientation]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human Factor in Language. Linguistic Mechanisms of Expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., 1991. (In Russ.)
17. Kryuchkova, O.Yu. *Kommunikativnaya obuslovlennost slovoobrazovatelnykh protsessov* [Communicative Conditioning of Word-Formation Processes]. Bulletin of TPGU. 2006, Vol. 5 (56). Series: Human Sciences (Philology). (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 13 мая 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки:
22 июня 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on May 13, 2021

Revised on June 22, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016306-9

Международная научная конференция “Метафорическая картина мира современной художественной прозы”

The International Scholar Conference “A Metaphorical Picture of the World of Modern Fiction”

10–11 марта 2021 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН в рамках проекта РФФИ № 19-512-23004, осуществляемого совместно с венгерскими исследователями, состоялась международная научная конференция “Метафорическая картина мира современной художественной прозы”, в которой приняли участие ученые как из Венгрии (Будапешт, Дебрецен), так и из России (Екатеринбург, Москва, Тула, Чебоксары, Чита). Конференция проходила онлайн на платформе Zoom.

На конференции обсуждался широкий круг проблем, связанных с исследованием компаративных тропов в современной русской и венгерской художественной прозе, а именно: понятие метафорической картины мира, семантическая классификация метафор и сравнений в современной художественной прозе; устойчивые образные параллели и их эволюция в современной прозе, компаративные тропы и идиостиль, национальная специфика компаративных тропов, роль тропов в структуре повествования, интертекстуальный характер компаративных тропов и межтекстовые отношения и др.

10 марта конференцию открыла председатель оргкомитета конференции к.ф.н. **З.Ю. Петрова**, которая обратилась с приветственным словом к ее участникам. Далее в этот день состоялись девять докладов.

Проф., д.ф.н. **Н.Б. Иванова** (Москва) в докладе “Роль метафоры в современном русском романе” отметила, что метафора как троп может исполнять в прозе те же функции, что и в поэзии, сославшись на “панметафористику” (определение Н.Н. Вильям-Вильмонта) Бориса Пастернака и прозу Юрия Олеши с его “лавкой метафор”. Но метафора способна также являться текстопорождающей, организующей произведение в целом,

становясь мегаметафорой, разворачиваясь на разных уровнях одновременно, подчиняя своей реализации многие, если не все, компоненты поэтики — композицию, сюжет, пространство и время, персонажей, вплоть до отдельных деталей. Таким образом, по мнению исследовательницы, строятся роман Андрея Битова “Пушкинский дом” (мегаметафора разрушения, утраты жизнеспособности русской литературы в советское время, превращения ее в мертвый музей), роман Людмилы Петрушевской “Время — ночь” (постепенное погружение в экзистенциальное отчаяние сознания героини-поэта и погружение в ночь-смерть самой действительности), роман Владимира Маканина “Андеграунд, или Герой нашего времени” (разрушение и отказ творческой личности от гуманистических ценностей в “общаге” современной реальности). Мегаметафора реализуется сквозь весь текст произведения, от названия до финала, скрепляя его смыслы и сопротивляясь тенденции отказа романа от жанровой определенности.

Выступление проф. **Й. Горетить** (Венгрия) было посвящено растительным метафорам в произведении Петера Эстерхази “Производственный роман”. В этом постмодернистском произведении растительные метафоры играют важную роль, прежде всего название одного растения, ивы. По воле автора слово “ива” заменяется на часто употребляющееся в венгерской разговорной речи матерное слово. По логике автора матерное слово относится к действительности, а заменяющее его слово — к поэзии (как эти понятия понимаются у Гёте: *Wahrheit und Dichtung*). “Ива” как метафора в произведении П. Эстерхази не только является метафорой, но и тематизирует создание метафор в художественных текстах, то есть показывает, как должна действовать метафора как поэтический образ. Таким образом, метафора “ива”

оказывается и метафорой создания того текста (собственного произведения), который в данной книге предлагает читателю сам автор.

Проф. **Г. Хорват** (Венгрия) в докладе «Роль мотивной структуры “камень/слово/слезы” в образовании дискурса в романе “Савл” Миклоша Месёя» сосредоточился на повествовательной структуре романа, отметив, что рассказ в нем ведется от первого лица в форме внутреннего монолога, а в центре сюжета стоит исповедальное высказывание главного героя. В докладе рассматривалось выстраивание семантически мотивированной связи между уровнем сюжета (рассказываемого) и уровнем дискурса (рассказывания). По предположению Г. Хорвата, в этом процессе основную роль приобретает “коренная метафора” (П. Рикёр) как дискурсивная единица повествования.

Доц. **А. Молнар** (Венгрия) в докладе «Метафорика желтой звезды в романе Имре Кертеса “Без судьбы”» отметила, что в этом романе используется особая повествовательная техника, благодаря которой проблематика Холокоста остраивается (по терминологии В. Шкловского, выводится из автоматизма восприятия). Героем и рассказчиком является простой мальчик из еврейской семьи Дьюри Кёвеш, который не понимает происходящего, а его язык не созрел для освоения немислимого, следовательно, все вещи и события подвергаются переименованию. Таким образом, текст романа пронизывают компаративные конструкции — метафоры и сравнения, призванные назвать и представить по-новому явления, уже нашедшие традиционные наименования во взрослом мире. По этой причине в настоящем сообщении подробно детализуются такие компоненты текста, которые на первый взгляд мало связаны с предметом повествования. Главный из этих компонентов — желтая звезда, обозначающая принадлежность ее носителя к еврейскому этносу, который целенаправленно уничтожается нацистами, — в тексте романа охватывает широкий диапазон образов и предметов сравнения, разрастаясь в ключевую метафору.

Выступление д.ф.н. **Н.А. Фатеевой** (Москва) называлось «Писатель, книга и читатель сквозь призму метафоры в книге Д. Рубиной “Одиноким пишущий человек”». Докладчица отметила, что книга Д. Рубиной посвящена писательскому творчеству, в ней автор делится своими размышлениями над процессом творчества, начиная с замысла и кончая завершением произведения, выясняет, кто такой писатель и как действует его сознание и подсознание, что есть продукт

творчества и какое место в его порождении и восприятии играет читатель. Для рассказа об этих темах Д. Рубина выбирает метафорический способ выражения. В писателе прежде всего выделяются отрицательные характеристики: он уподобляется хищникам, ищущим свою добычу (плотоядным растениям, пиранье, волку, гончей собаке), — так он ищет сюжеты, жизненные обстоятельства для своего творчества. В человеческом же обличье он киллер, убивающий словом. В то же время писатель сам — раненый человек, метафорически он живет с обломком гарпуна в спине, т.е. не может отключиться от своих творческих задач. Писательство, по Рубиной, это болезнь или глубокая безответная до поры влюбленность, в которую погружается читатель. Писатель также сравнивается с инструментом — рентгеновской установкой, лазером, музыкальным инструментом — по методам своей работы. Книга же при этом должна быть сработана точно, как часовой механизм, и тогда писатель — часовщик. По тайне своего создания книга уподобляется архитектурному сооружению — египетской пирамиде, непонятно как воздвигнутой, но поражающей своим величием. В то же время книга — есть создание автора, в котором отражается писатель, книга — его близнец, имеющий ту же ДНК, что писатель. Читатель же у Рубиной сравнивается с ныряльщиком, погружающимся на глубину, а также с танцовщиком, повторяющим движения автора.

Доклад д.ф.н. **О.В. Евтушенко** (Москва) “Распад и притяжение: метафора — сравнение — сопоставление в современной российской прозе” был посвящен анализу стратегий моделирования действительности с помощью компаративных тропов. Рассмотрены стратегия разрыва привычных связей и разрушения стереотипов, определяющая образный строй романа М. Елизарова “Земля”, и стратегия поиска подтверждений единства природы, человека, вещного мира и объектов культуры, лежащая в основе романа М. Тарковского “Тойота-Креста”. В докладе была раскрыта суть приема перевертыша у М. Елизарова, воплощаемого в тексте дистантными повторами языковых и образных средств с перестановкой компонентов и наделенного функцией иконического обозначения взаимной обратимости смерти и жизни. Выявлены иконические знаки ослабления связей и распада. Подробно рассмотрена метафора, переходящая в более рыхлое сравнение, абзац, разрывающий сопоставление; метафоры, экспликация связи компонентов которых требует более двух логических шагов. “Личной подписью” М. Елизарова названы кинематографичность компаративных тропов, их принципиальный антиэстетизм,

деромантизация внутренней сферы человека. Отмечено влияние акмеизма, футуризма, младосимволизма, христианского символизма и мифопоэтики на образный строй автора.

В докладе проф., д.ф.н. **Л.О. Чернейко** (Москва) «Семантика метафоризатора в свете его аксиологических возможностей в публицистическом и художественном типах текста» было отмечено, что в теории метафоры недостаточное внимание уделено разной роли метафоризаторов, которые, будучи по-разному грамматически оформленными, выражают общую идею подобия и/или сходства. Если в художественном тексте возможны все компаративные операции (сравнение, уподобление, проекция), то в публицистической сфере, являющейся ареной столкновения разных мировоззрений, преобладает аксиологический фактор в его, как правило, пейоративной форме. Докладчица подчеркнула, что из известных компаративных операций в публицистической сфере преобладает подобие — сопоставление явлений по их внешним случайным параметрам (как правило, одному). В названной сфере метафоризатор может задавать градуальную шкалу оценки метафоризируемого, и интенсивность отрицательной оценки такого абстрактного феномена, как, например, либерализм, выражается через его разные проекции на сферу предметного опыта: одно дело сказать *в сети либерализма*, но совсем другое — *болото либерализма*, первое сочетание близко к констатации факта, второе — явное осуждение.

Д.ф.н. **Л.Л. Шестакова** (Москва) выступила с докладом «*В этом есть какое-то особое кособокое очарование*»: к характеристике средств создания образности в произведениях Дмитрия Данилова». По мнению докладчицы, образное начало прозы Данилова проистекает из его метода наблюдать и отмечать в обыденном, повседневном «какую-то интересность». Именно те объекты, по большей части неживые, которые автор выделяет в окружающем мире, образно им осмысляются. На примере повести «Черный и зеленый» Л.Л. Шестакова показала, что выбор Даниловым олицетворений и сравнений для передачи своего видения таких объектов вполне закономерен. Она отметила, что это подтверждает и обращение к другим произведениям писателя.

В завершение первого дня был прослушан доклад к.ф.н. **О.И. Северской** (Москва) «Иероглифичность системы тропов как прообраз Китая в романе А. Драгомощенко «Китайское солнце»». Докладчица убедительно показала, что образы солнца и Китая в романе А. Драгомощенко «Китайское солнце» присутствуют не явно,

а имплицитно всей системой выразительных средств, создающих контекст тропических преобразований. В этом смысле можно сказать, что каждый из образов представляет собой метатроп, своего рода образный «иероглиф».

11 марта день начался с доклада к.ф.н. **А.В. Гик** (Москва) «Животные и люди. Семантические преобразования в романе Прилепина «Обитель»». По мнению А.В. Гика, роман Захара Прилепина «Обитель» построен на одних и тех же смысловых связях и образах. Сопоставления мира человека с миром животных являются доминантными и универсальными, так как охватывают всех персонажей без исключения и описывают почти все эпизоды жизни в лагере. В едином образном ключе изображены чекисты, красноармейцы, лагерники, животные, монахи, священники. Мир человека и зоологический мир сосуществуют на территории Соловецких островов и бывшего монастыря. Замкнутое пространство обители позволяет продемонстрировать модель отношений людей и животных, удерживаемых насильно и находящихся здесь по собственному желанию. В романе однотипные тропы характеризуют разных персонажей, связывая и противопоставляя их.

Проф. **К. Хорват** (Венгрия) посвятила свое выступление анализу и сопоставлению трех теорий метафоры XIX–XX вв. — А.А. Поттебни, А. Ричардса и П. Рикёра. С точки зрения К. Хорват, эти три теории представляют собой три разных подхода к проблеме метафоры. В то время как теория Поттебни репрезентирует лингвистический подход (в смысле исторической, но не дескриптивной лингвистики), подход Ричардса можно назвать риторическим, а подход Рикёра — герменевтическим подходом. Образцом для интерпретации художественного текста послужил рассказ современного венгерского писателя Гезы Оттлика «Всё есть».

В докладе проф., д.ф.н. **Н.А. Купиной** (Екатеринбург) представлен анализ метафоры *чумовое поветрие* и ее варианта *моровое поветрие* в тексте опубликованного в 2013 году романа Евгения Водолазкина «Лавр». По мнению докладчицы, метафора охватывает две из четырех глав романа. Выполняя сюжетобразующую функцию, она включается в биографическое время героя (первые этапы тернистого пути к юродству в эпоху Средневековья). Н.А. Купина считает, что метафора *чумовое поветрие* выступает как пророчество: из сопоставления с речевой действительностью текущего времени следует, что на ее основе прогнозируется сценарий пандемии COVID-19,

осуществляется прогноз формирования актуальной, в том числе метафорической, лексики, включенной в период пандемии. Она доказывает, что в тексте романа “Лавр” формируется вневременная карта охваченного стихийным бедствием русского мира. Концептуальной значимостью обладает диагностическая функция анализируемой метафоры: в ситуациях испытания проявляется аксиологическая неинфицируемость русского народа, не утратившего способности противостоять *морovому поветрию*.

Проф., д.ф.н. **Д.А. Романов** (Тула), представивший доклад «Метафорическая картина детского сознания в романе Е.Г. Водолазкина “Брисбен”», исследовал компаративные тропы, участвующие в воспроизведении сознания ребенка на страницах романа “Брисбен”. Он считает, что в центр внимания попадает преимущественно одна сюжетная линия произведения, однако прочерчиваются необходимые связи между восприятием мира юным и взрослым героем. В ходе анализа выявлено, что основное место в метафорической картине детского сознания занимают сенсорные тропы, т.е. уподобления на основе зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных и тактильных восприятий. В целом восприятие – “стартовое” звено в складывании картины мира человека. Само освоение мира идет по принципу сравнения – выявления сходного и различного в предметах, признаках и т.д. В воспоминаниях Глеба Яновского о детстве присутствуют все типы сенсорных метафор. Особенности содержания романа обуславливают обилие в нем слуховых музыкальных метафор. Развернутые метафоры подобного типа показывают индивидуальные особенности восприятия мира (преимущественно слухового) музыкально одаренным ребенком.

К.ф.н. **Ю.В. Звездина** (Чита) в своем докладе “Динамика развёртывания метафорических словесных рядов в современной русской прозе” отметила особую роль метафоры в художественной прозе. Она сообщила, что, по наблюдениям филологов, в начале 2000-х годов в русской прозе параллельно происходило два процесса: “бегство от метафоры”, когда писатели старались избегать использования тропов в произведениях, и “уход в метафору” – увеличение частотности употребления метафор в тексте. На иллюстративных примерах она показала, что метафора может выполнять одновременно как одну, так и несколько функций в произведении: она выступает как средство создания художественного образа, как способ выражения точки зрения, как средство субъективации авторского повествования

и др. Характер формирования и развёртывания метафорических рядов в каждом произведении, по мнению докладчицы, отражает идиостиль писателя и обладает определённой динамикой, зависящей от идеи произведения.

В совместном докладе проф., к.ф.н. **Н.А. Николиной** и к.ф.н. **З.Ю. Петровой** (Москва) “Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы” рассматривались метафоры и сравнения, включающие кулинарную лексику и используемые в современной русской прозе. Выделены тематические группы образов сравнения, показано, что наиболее объемными и частотными по употреблению являются названия мучных изделий, молочных продуктов и каш. Параллельно были проанализированы предметы сравнения, среди которых наиболее частотны единицы, связанные с изображением человека, его внешности, внутренних состояний и поведения. Отмечена тенденция к конкретизации и детализации образов еды и напитков в составе компаративных конструкций, что проявляется в регулярном использовании видовых наименований и уточняющих определений. Показано, что гастрономические компаративные конструкции выполняют в современной художественной речи ряд функций: характерологическую, оценочную и текстообразующую.

Выступление к.ф.н. **С.Л. Михеевой** (Чебоксары) «Метафора как средство создания многомерного художественного мира (на основе романа В. Пелевина “Шлем ужаса”)» было посвящено рассмотрению метафоры в ее концептуализирующей и текстообразующей функции на материале романа В. Пелевина «Шлем ужаса». По наблюдениям исследовательницы, текст романа наполнен многочисленными и разнообразными отсылками к различным мифологическим системам, которые в произведении оказываются тесно переплетенными. Смысловым центром, объединяющим эти отсылки, является собственно “шлем ужаса”, описываемый в тексте как реальный объект, в то же время представляющий собой сложный метафорический образ, не поддающийся однозначному истолкованию. Организация текста произведения в виде переписки персонажей в чате позволяет автору создать многомерный мир, который также опирается на метафорические образы, специфические для каждого из персонажей. В этом отношении интерес представляют собственно языковые средства, участвующие в создании смыслового единства макротекста всего произведения, объединяющего отдельные “тексты” действующих лиц.

К.ф.н. **О.А. Димитриева** (Чебоксары) представила доклад «Компаративные тропы в осмыслении ситуации винопития в романе В. Пелевина “Любовь к трем цукербринам”». Докладчица исследовала особенности произведения В.О. Пелевина “Любовь к трем цукербринам”, в котором основной моделью осмысления ситуации винопития является артефактная метафора, уподобляющая человека зданию (строению). Состояние похмелья раскрывается с помощью концептуальной метафоры ЧЕЛОВЕК – ПОМЕЩЕНИЕ, за которым требуется надлежащий уход, а также должен осуществляться в случае необходимости мелкий (косметический) ремонт. В докладе также

был проанализирован образ виртуального шампанского как “гипнопродукта”, обладающий качественными (физически ощутимыми) характеристиками шампанского реального, такими как цвет, игристость, ассоциации с праздничным настроением. Коллективное и ироническое винопитие в романе В. Пелевина заменяется на индивидуальное (в некоторых случаях – виртуальное) и перцептивно акцентированное.

В заключение организаторы конференции подвели ее итоги, поблагодарили всех докладчиков за участие и наметили пути дальнейших исследований языка современной русской и венгерской прозы, прежде всего в сопоставительном аспекте.

З. Ю. Петрова

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
zoyap@mail.ru

Н. А. Фатеева

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
natalia_fateeva@yachoo.com

Zoya Yu. Petrova

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
zoyap@mail.ru

Natalia A. Fateeva

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
natalia_fateeva@yachoo.com

Дата поступления материала в редакцию: 22 марта 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 30 апреля 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 мая 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on March 22, 2020

Revised on April 30, 2021

Accepted on May 15, 2021

Date of publication: August 31, 2021

Для цитирования: *Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.* Международная научная конференция “Метафорическая картина мира современной художественной прозы” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 117–121. DOI: 10.31857/S241377150016306-9

For citation: Petrova, Z.Yu., Fateeva N.A. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Metaforicheskaya kartina mira sovremennoj hudozhestvennoj prozy”* [The International Scholar Conference “A Metaphorical Picture of the World of Modern Fiction”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 117–121. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016306-9

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).